

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

Институт географии
Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

Главный редактор:

Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

Артоболевский С.С. (Москва),
Шувалов В.Е. (Москва),
Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

Алексеев А.И. (Москва), Бакланов П.Я.
(Владивосток), [Бочваров М.] (Болгария),
Гладкий Ю.Н. (С.-Петербург), Касимов Н.С.
(Москва), Колосов В.А. (Москва), Куче-
ра Т. (Чехия), Лаппо Г.М. (Москва), Ми-
роненко Н.С. (Москва), Пирожник И.И.
(Беларусь), Рудский В.В. (Смоленск), Сэл-
ноу Дж. (Великобритания)

Редакционная коллегия:

Белозеров В.С. (Ставрополь), Вардом-
ский Л.Б. (Москва), Евдокимов М.Ю.
(Смоленск), Евдокимов С.П. (Смоленск),
Ковалев Ю.П. (Смоленск), Кочуров Б.И.
(Москва), Липец Ю.Г. (Москва), Мажар Л.Ю.
(Смоленск), Поздеев В.Б. (Смоленск),
Сафиулин Р.Г. (Уфа), Смирнягин Л.В.
(Москва), Ткаченко А.А. (Тверь), Хурский П.
(Польша), Шарыгин М.Д. (Пермь), Шка-
ликов В.А. (Смоленск)

Секретарь:

Яськова Т.И.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2,
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88,
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 25.05.06 г.
Формат 70x108 /16. Гарнитура «Times».
Тираж 500 экз.

Отпечатано:

Издательство «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2.
Тел.: (4812) 68-34-79 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: unm@shu.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

Основан в мае 2002 года

Выходит 4 раза в год

№ 2 (8), 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ.....	5
ПРОБЛЕМЫ УРБАНИЗАЦИИ	5
Слука Н.А. Глобальные города в современной архитектуре мироустройства.....	5
Sluka N.A. Global cities in the modern architecture of the world structure	5
Трифонова З.А. Особенности этнокультурной среды в столицах и городах национально-территориальных образований России	22
Trifonova Z.A. The features of ethno cultural surroundings in the capitals and cities of national and territorial formations in Russia	22
ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	29
Щербакова С.А., Чарыкова А.А. Роль международного туризма в экономике развивающихся стран мира	29
Scherbakova S.A., Charikova A.A. The role of international tourism in the economy of developing countries in the world	29
Потоцкая Т.И. «Развитые страны» в мировом алмазно-бриллиантовом комплексе.....	37
Pototskaya T.I. “Developed countries” in the world diamond and brilliant complex	37
Порунов А.Н. Диверсификация европейского рынка сахара: результаты и перспективы	49
Porunov A.N. The diversification of the European sugar market: results and perspectives	49
ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	57
Петров В.В. Прикладная политическая география: понятие и проблемы становления	57
Petrov V.V. Applied political geography: definition and development problems	57
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	63
Мартынов В.Л. Региональная структура экономики северо-запада России в начале XXI века	63
Martinov V.L. Regional structure of the economy in the northwestern part of Russia at the beginning of XXI century	63
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	71
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	73

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

□.□.□ □ □ □ □ □ □ □
(□.□□□□□□□□□□)

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ХОЗЯЙСТВА В СОВРЕМЕННОМ РЕГИОНАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Baklanov P.Y.

TERRITORIAL STRUCTURES OF ECONOMY UNDER MODERN REGIONAL MANAGEMENT

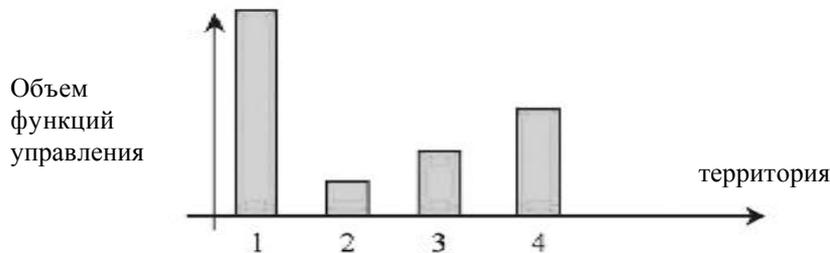
Territorial structures of economy are not claimed enough under the modern circumstances of economy and social management. Taking into account this fact, it is necessary while turning to stable regional development. The author of the article studies the role and the place of territorial structures of economy on various levels of modern territorial management.

В настоящее время можно отметить в известной мере парадоксальную ситуацию: в России и ее регионах реально существуют различные территориальные структуры хозяйства, однако они почти не востребованы в практике сложившегося управления.

В рыночных условиях основной объем функций управления реализуется на первом, низовом уровне, где достаточно строгой системой управления охватываются отдельные предприятия, компании, организации. Если даже крупная компания территориально сосредоточена то она, как правило, не рассматривается как звено территориальной структуры, а управляется как целостная сложная экстерриториальная система. Следует подчеркнуть, что в новых

рыночных условиях осуществление основных функций управления, именно на первом низовом уровне, на уровне конкретных субъектов хозяйствования определяется их частной, акционерной формой собственности (рис. 1).

На втором – муниципальном уровне, реализуются лишь некоторые нормативные и координационные функции управления. Все сочетания предприятий, компаний в рамках промышленного узла, экономического центра, города в управлении на этом уровне не охватывается. На муниципальном уровне управляются лишь оставшиеся в муниципальной собственности предприятия в сфере жилищно-коммунального хозяйства, инфраструктуры, здравоохранения и другие.

□□□.1. □□□□□□□□□□ □□□□□ □□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□, □□□□□□□□□□:
1 – □□ □□□□□ □□□□□□□□□□, □□□□□□□□□□; 2 – □□ □□□□□□□□□□ □□□□□□;
3 – □ □ □ □ □ □ □ □ □ □; 4 – □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

через определенные производственные и коммерческие связи, наконец, через природно-ресурсную и окружающую среду региона. Таким образом, и на региональном уровне территориальное сочетание предприятий и компаний с их непосредственными и опосредованными связями и отношениями, в т. ч. регулируемые рынком и конкуренцией образует территориальную хозяйственную систему. В тоже время, такая территориальная система в целом и ее отдельные звенья – территориальные структуры хозяйства – единой и достаточно полной системой управления не охватываются.

В связи с этим возникают немаловажные практические вопросы: имеют ли сегодня в новых, рыночных условиях хозяйствования и управления практическое значение территориальные системы и структуры хозяйства? Нужно ли их выделять и оценивать и если нужно, то с какой целью? Это не простые вопросы, и нынешняя практика управления дает на них скорее отрицательные, чем положительные ответы.

Главная цель управления на низовом уровне сегодня состоит в достижении максимальной прибыли предприятий, компаний. Цели управления на муниципальном и региональном уровнях сводятся к надежному обеспечению населения основными потребительскими товарами и услугами, к поддержке малообеспеченных слоев населения, к некоторому регулированию природно-ресурсной и окружающей среды.

Некоторые элементы управления целостной региональной системой заключаются в разработке комплексных программ регионального развития. В последние годы такие программы начинают разрабатываться для многих отдельных субъектов РФ. При разработке муниципальных программ также охватывается вся территориальная система хозяйства – хотя только лишь на оценочной стадии.

Таким образом, можно полагать, что в сложившихся условиях управления хозяйством социально-экономического управления в целом территориальные структуры хозяйства будут востребованы лишь в незначительной мере.

Представляется, что востребованность строгого выделения территориальных структур территориальной организации хозяйства в практике управления многократно возрастет при подходах к региональному развитию – как развитию устойчивому сбалансированному в экономической, социальной и экологической сфе-

рах. Тенденции перехода к такому развитию усиливаются во многих странах [5, 6].

Для того, чтобы охватить развитие региона одновременно в экономической, социальной и экологической сферах объектом анализа и управления, по нашему мнению, должны быть не только отдельные территориальные структуры, но и вся природно-хозяйственная система региона. При этом, как показывают наши исследования [2, 3], основными становятся три цели регионального управления: достижение высокого экономического, социального и экологического качества регионального развития. Необходимые и достаточные условия, предпосылки, возможные пути достижения таких целей должны быть определены в соответствующих региональных программах, а затем функционирование и развитие территориальных структур должно контролироваться и регулироваться в рамках целостной системы управления, включая и специальный комплексный мониторинг (рис. 3).

Важнейшим этапом разработки региональных программ устойчивого развития должно стать многоуровневое экономическое районирование и выделение сложившихся в регионе территориальных структур различных типов и уровней [2, 7 и др.].

Во-первых, выделяются территориальные структуры для отдельных крупных предприятий и компаний. В модели устойчивого сбалансированного развития региона важны не только оценки вклада отдельных предприятий, компаний в доходную часть местных бюджетов, но и их вклада в экономическое, социальное и экологическое качество регионального развития.

Чтобы оценить, какой вклад то или иное предприятие, компания вносит в экономическое, социальное и экологическое качество регионального развития, необходимо выделить все звенья территориальной структуры, сопряженные с данным предприятием. Представляется, что для этих целей наиболее приемлемым является подход к выделению иерархических пространственных систем производства, разработанный нами ранее [1].

Во-первых, для данного предприятия выделяются ресурсные и потребительские звенья основной структуры. Такие звенья образуются потоками всех исходных ресурсов от пунктов их приобретения до данного предприятия, а также потоками готовой продукции от данного предприятия до пунктов ее реализации или

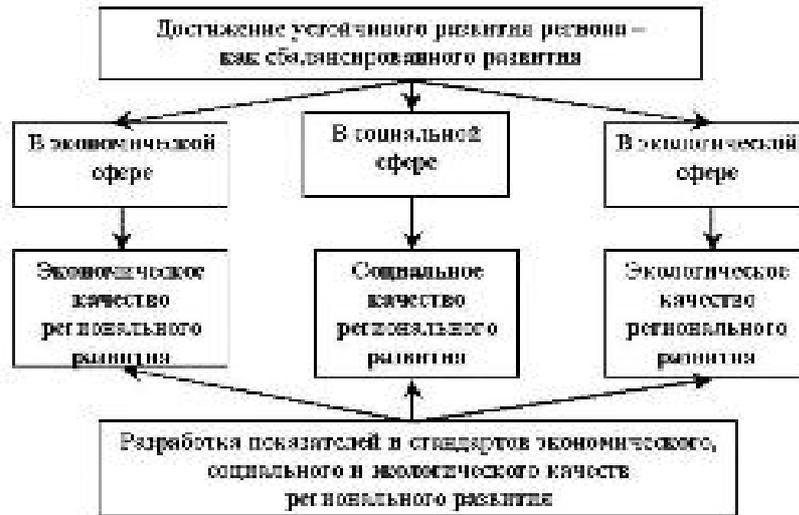

Рис. 3. Схема сбалансированного развития региона

использования. На основе этого можно выделить региональные уровни замкнутости этой основной структуры в границах промышленного узла (города); в границах низового района; в границах края, области, республики (субъекта РФ); в границах крупного экономического района (Федерального округа); в пределах страны в целом.

В соответствии с уровнями замкнутости основной структуры предприятия можно определить степень связности ее с локальным и региональными уровнями территориальных структур в пределах которых может проявляться влияние на экономическое и другие качества регионального развития. На этих же уровнях в соответствии со структурной замкнутостью и связностью будут проявляться и структурные изменения, вызванные изменениями производства на данном предприятии: объемов и видов используемых ресурсов, объемов и ассортимента выпускаемой продукции, специализации, режимов работы предприятия.

Например, если ресурсная и потребительская структура некоторого предприятия примерно по 50% замкнуты в промузле и крае, то и вклад этого предприятия при его функционировании в экономическое качество регионального развития будет концентрироваться в промузле и крае.

В строгом смысле необходимо определять непосредственный вклад предприятия в экономическое качество – он будет реализовываться в пределах промузла (города), и опосредован-

ный – через функционирование отдельных звеньев ресурсной и потребительской структур замыкающихся на разных территориальных уровнях. То есть, можно сделать вывод о том, что непосредственный и опосредованный вклад в экономическое качество регионального развития осуществляется всеми звеньями основной структуры предприятия на разных территориальных уровнях.

Во-вторых, для данного предприятия выделяются инфраструктурные звенья, то есть все связи и взаимодействия предприятия с объектами инфраструктуры энергетики, транспорта, связи, другими. Кроме того, вычленяются связи данного предприятия с объектами рыночной инфраструктуры банками, биржами, страховыми компаниями и другими.

Степень связности предприятия с объектами инфраструктуры также отражает границы и опосредованный вклад данного предприятия в экономическое и социальное качество регионального развития. В то же время могут быть получены оценки изменений такого вклада при изменении параметров функционирования предприятия.

Затем для предприятия вычленяются его социально-инфраструктурные отношения. Связи с населением через работающих на данном предприятии и с объектами социальной инфраструктуры позволяют оценить его вклад в социальное качество регионального развития.

Наконец для данного предприятия выделяется ресурсно-экологическая структура

Прежде всего выделяются зоны природно-ресурсной среды, откуда на предприятие поступают и используются природные ресурсы, в т. ч. – земельные, водные, строительные материалы. Затем выделяются зоны окружающей природной среды, куда выводятся твердые, жидкие и газообразные отходы предприятия. Потоки природных ресурсов на данное предприятие и потоки отходов производства вместе с соответствующими зонами образуют ресурсно-экологическую структуру. Через отдельные звенья ресурсно-экологической структуры предприятие реализует свой вклад в экологическое качество регионального развития.

Для того, чтобы полнее и строже выделить территориальные границы вклада предприятия в экономическое, социальное и экологическое качества регионального развития, необходимо выделить территориальные звенья отдельных структур вычленяемых предприятием. В соответствии с общими закономерностями формирования территориальных структур хозяйства, каждый компонент структуры вычленяет территориальные зоны своего влияния [4]. Так, основное предприятие как центральный узловой элемент территориальной структуры вычленяет несколько территориальных зон влияния (рис. 4):

1. Территория размещения самого предприятия – как важнейший ресурс и компонент самого предприятия. Такая территория имеет строгие границы и является частью определенной формы собственности.

2. Территория, представляющая зону инфраструктурных отношений, сопряжений предприятия с объектами и сетями инфраструктуры. Такая зона совпадает либо с границами всего промузла, либо его определенной части.

3. Территория, охватывающая зону социально-инфраструктурных отношений. Чаще всего зоны инфраструктурных и социально-инфраструктурных отношений совпадают. В целом эту территорию можно назвать зоной социально-инфраструктурных отношений в широком смысле. Такая зона охватывает либо всю территорию городского поселения, либо значительную ее часть.

4. Зона концентрации, сосредоточения ресурсно-экологической структуры. Может охватывать всю территорию города и отдельные пригородные районы.

5. Рыночные – ресурсная и потребительская зоны – могут охватывать очень большие территории, выходящие за пределы региона, где функционирует основное предприятие. Это неустойчивые зоны с гибкими, изменяющимися

	Отдельные предприятия, компании	Выделение ресурсных и потребительских звеньев – основной структуры	Выделение социально-инфраструктурных звеньев	Выделение ресурсно-экологических структур	Интегральная структура
Формирование звеньев пространственных структур					ΣS_{II}
Формирование звеньев территориальных структур в т. ч. на локальном уровне					ΣS_{I}
на региональном уровне					ΣS_{III}

Рис. 4. Структурно-территориальные звенья ресурсно-экологической структуры предприятия

границами. Однако, для небольших периодов времени можно достаточно определенно выделять наиболее устойчивые структурные звенья и соответствующие им территории.

В целом все эти зоны отражают территории с их границами, в которых реализуется воздействие (тот или иной вклад) предприятия на качество регионального развития. Так, в пределах инфраструктурной зоны и в наиболее устойчивых частях ресурсной и потребительской зон происходит может происходить влияние предприятия на экономическое качество регионального развития. В пределах зоны социально-инфраструктурных отношений предприятие оказывает и может оказывать влияние на социальное качество регионального развития. Наконец, в границах ресурсно-экологической зоны концентрируется и может происходить воздействие функционирующего предприятия на экологическое качество регионального развития.

Таким образом, только выделение и анализ всех звеньев территориальной структуры, связанной с данным предприятием, включая пространственные, линейно-узловые и территориальные составляющие, позволяет достаточно строго выделить и полнее оценить вклад каждого конкретного предприятия в экономическое, социальное и экологическое качество регионального развития. При этом возможна не только оценка реального вклада предприятия с конкретными параметрами его функционирования за определенный период времени в экономическое, социальное и экологическое качества регионального развития, но и прогнозная оценка возможных изменений таких вкладов при различных вариантах изменения параметров функционирования предприятия. Строго говоря, при любом изменении параметров функционирования предприятия, включая изменение объемов производства и ассортимента выпускаемой продукции, происходит изменение отдельных звеньев территориальных структур, а следовательно – и вклада этого предприятия в экономи-

ческое, социальное и экологическое качество регионального развития.

При оценке вариантов размещения некоторого нового хозяйственного объекта, предприятия, компании, для него на проектной стадии также необходимо выделить все звенья территориальной структуры и провести расчеты возможного вклада нового предприятия в экономическое, социальное и экологическое качество регионального развития при различных вариантах размещения. Подобные оценки необходимо выполнять для всех инвестиционных проектов с вычленением для них соответствующих расчетных территориальных структур и анализом их включения в реальные звенья территориальных структур.

Таким образом, если для отдельных промулов, городов, районов и подрайонов установить определенные критерии или стандарты качества регионального развития, то важнейшей целью регионального управления становится достижение и поддержание высокого экономического, социального и экологического качества или стандартов. Для этого, по нашему мнению, целесообразно создать специальную многоуровневую систему мониторинга, которая через систему индикаторов отслеживала бы реальный вклад отдельных предприятий, компаний, организаций в экономическое, социальное и экологическое качество регионального развития. Такие оценки необходимо получать на уровне экономических центров, городов, а также на уровне различных районов.

В этой связи практическое значение территориальных структур резко возрастает – они становятся необходимыми не только для целей регионального мониторинга устойчивого развития, но и для проведения различных вариантов расчетов, прогнозных оценок, разработки и корректировки региональных программ. Соответственно, существенно расширяются и функции управления хозяйством на всех уровнях, и в том числе и на региональных.

1. Бакланов П.Я. Пространственные системы производства (микроструктурный уровень анализа и управления). — М.: Наука, 1986. — 150 с.
2. Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: Проблемы и предпосылки устойчивого развития. — Владивосток: Дальнаука, 2001. — 144 с.
3. Бакланов П.Я. Экономическое, социальное и экологическое качества регионального развития // Материалы XII совещания географов Сибири и Дальнего Востока. — Владивосток: ТИГ, 2004. — С. 40–41.
4. Бакланов П.Я. Современные теоретические проблемы экономической географии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География — 2004. — № 4. — С. 6–12.

5. Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России / Н.Ф. Глазовский [и др.] — М.: Изд-во КМК, 2002. — 444 с.
6. Проблемы территориальной организации общества и рационализации природопользования / Материалы Всероссийской конференции. — СПб.: РГО, 2004. — 168 с.
7. Романов М.Т. Территориальное устройство хозяйства и населения на российском Дальнем Востоке. — Владивосток: Дальнаука, 2004. — 232 с.
8. Стратегия макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / Под ред. акад. А.Г. Гранберга. — М.: Наука, 2004. — 720 с.

□.□.□ □ □ □ □ □ □
 (□.□□□□□□□□)

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ

Mazhar L.Y.

TERRITORIAL PUBLIC SYSTEMS CONCEPTUAL METHOD OF STUDY

The modern stage of economical, social and political geography development is characterized by the formation of territorial public systems theory, which is based on the research of home and foreign scientists. This theory blends logically with the system of formed economical and geographical categories and geographical concepts. The new development stage of territorial public systems theory is connected to the geo-system paradigm, which shows the modern level of ideas about geographical space.

Современный уровень развития географической науки позволяет подойти к одному из самых сложных объектов изучения – обществу и его территориальной организации. Со времен античности и до наших дней географы пытаются понять сущность пространственной организации ойкумены, роль которой скоро последняя играет роль предельного по своей емкости объекта изучения общественной географии. Можно быть скромнее в научных построениях и принять в качестве объекта изучения экономической, социальной и политической географии (в ее современном официальном звучании) территориальную организацию общества, что также позволяет выйти на весьма высокий уровень обобщения. Сложность объекта изучения определила разнообразие подходов научных школ и концепций. Двадцатый век подарил миру замечательную плеяду отечественных экономико-географов, усилиями которых создан «золотой фонд» нашей науки, включающий в себя отраслевую и районную школы, теории

территориально-производственных комплексов энергопроизводственных циклов, экономико-географического положения территориальных систем и структуры др. Все они, с одной стороны, базируются на добротной основе, заложенной зарубежными и отечественными предшественниками, с другой стороны, являются базисом для дальнейшего развития теории социально-экономической географии.

Современное общество ставит перед социально-экономической географией конкретные задачи, связанные с изучением закономерностей пространственной организации общества во всей его сложности и многообразии (материальное производство и природопользование, население и его социально-политическая организация). Наивно думать, что социальный заказ науке оформляется в виде указов или постановлений правительства, да и вообще вербализуется как таковой (за редким исключением). О характере социального заказа «информирую» тенденции

развития науки (например, появление новых отраслей научных знаний – пространственной экономики, национальной экономики, регионоведения и других, претендующих на «наше научное поле»), назревающие в экономике и социальной сфере проблемы (в том числе территориальные сдвиги в отраслях экономики), а иногда – высказывания политиков. Так, например, недавняя реплика одного из представителей Правительства Российской Федерации о необходимости использования теории кластеров в региональном развитии заставила задуматься: знакомы ли высокопоставленные чиновники с отечественными теоретическими наработками в области территориальной организации общества и готовали современная экономика-географическая наука предложить инструмент для совершенствования социально-экономического развития общества в современных условиях?

Несколько десятилетий назад теория ТПК и межотраслевых комплексов позволила совершить прорыв в науках, причастных к изучению регионов, независимо от их «родовой» принадлежности к географии или экономике. Но эти категории разрабатывались для другой эпохи и экономической системы, когда был оправдан достаточно жесткий технократичный подход. Трудно согласиться с мнением А. Пилясова, что «перед учениками основоположников советского ТПК-подхода стоят актуальные задачи разработки обновленной теории комплексобразования, адекватной современным российским условиям. Она уже востребована в государственных структурах, ответственных за разработку и реализацию федеральной региональной политики» [8. С. 11]. Безусловно, в наши дни при анализе регионального развития необходим полный учет всех, в том числе и более «мягких» условий и факторов. Но для грамотного анализа конкретных проблем регионального развития необходимо полное представление о территориальной организации общества, обеспечить которое на современном уровне знаний может лишь геосистемный подход.

Геосистемный анализ территориальной организации общества позволяет представить всю сложноорганизованную антропогенную сферу в виде конкретных территориальных систем разного уровня организации (промышленные, аграрные, социально-экономические, политические и др.) и территориального охвата (уровня иерархии). Это – первый шаг на пути исследования. И здесь мы сталкиваемся с ме-

тодологической проблемой, от решения которой во многом зависят достоверность и полнота информации в географических исследованиях, интеграционные процессы в географической науке, да, собственно, и единство самой географии. Речь идет о принадлежности территориальных общественных систем к категории геосистем, а, следовательно, и о возможности применения геосистемного анализа как метода исследований территориальной организации общества. Суть проблемы состоит в том, что с «легкой руки» В.Б. Сочавы [9] термин «геосистема» был отнесен первоначально именно к природным объектам – от планетарной геосистемы (географической оболочки) до элементарной (фации). Это мнение за несколько десятилетий настолько прочно утвердилось в географической науке, что даже современные авторы отводят экономике-географам лишь право пользоваться введенным в научный оборот И.М. Маергойзом [6] термином «территориальные системы» и как неправомерный шаг расценивают «стремление перенести термин геосистема в социально-экономическую географию и даже вложить в него некий тотальный общегеографический смысл» [3. С. 101]. Вместе с тем, А.Г. Исаченко подчеркивает, что термин «геосистема» содержит в себе особый акцент, указывающий на принадлежность этих объектов к общенаучной категории «система» и ориентирует географов на освоение принципов и методов общей теории систем» [3. С. 100]. Эта идея получила свое научное развитие на XII съезде Русского географического общества. В частности, в докладе А.А. Комарицина, Ю.Н. Гладкого, Н.С. Касимова и В.М. Разумовского говорится, что «никто не может «узурпировать» термин «геосистема» в своих, пусть и «альтруистических» интересах, поскольку он содержит признак, указывающий на принадлежность всех географических объектов к общенаучной категории «система» [5. С. 6]. И вполне логичным представляется утверждение авторов, что «отрицать наличие геосистемных объектов в социально-экономической географии – значит ставить под сомнение саму эту науку» [5. С. 7].

Правомерность существования экономической, социальной и политической географии не вызывает ни малейших сомнений. Вместе с тем, справедливым упреком в адрес экономика-географической науки звучат слова, сказанные в одной из статей А.Г. Исаченко по поводу общественных территориальных систем (ОТС):

«В общественной географии еще не сложилось методологически обоснованное и логически оформленное учение об ОТС. Не всегда наблюдаются последовательности согласованности в толковании понятий «система», «комплекс», «структура», «организация» и др., нет полной ясности относительно иерархических соотношений между различными территориальными образованиями...» [4. С. 6]. Действительно, учение об общественных территориальных системах (или все-таки «геосистемах»?) находится в стадии становления. Достижение И.М. Маергойза, заложившего основы теории территориальных систем и структур по мнению П.М. Поляна и А.И. Трейвиша, «соответствует скорее стадии «возведения стен», нежели «отделочных работ». Отдельные фрагменты концепции проработаны с разной степенью глубины, некоторые звенья отсутствуют или только намечены» [7. С. 17].

С определенной уверенностью можно сказать, что некоторым «тормозом» в развитии теории территориальных общественных систем является ее двусмысленное положение относительно геосистемной парадигмы. Экономико-географы «де-факто» активно используют методы системного анализа при изучении географических объектов, а «де-юре» – не тратят время и силы на теоретические дискуссии и «выяснение отношений». Дело в том, что отряд специалистов в области экономической и политической географии численно весьма невелик по сравнению с другим крылом географической науки, но он востребован в прикладных исследованиях и практической деятельности. К тому же экономико-географы, отстаивая честь науки и «свою» нишу, вынуждены работать в условиях жесткой конкуренции со стороны многочисленной армии экономистов, которые посягают на экономико-географическое научное поле, но не обладают той методологической базой и инструментарием, который могут предложить географы. Вместе с тем, наши коллеги успешно реализуют потенциал экономико-географической науки в лабораториях и научно-исследовательских институтах Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Владивостока, Ростова-на-Дону, Смоленска и других городов. Вместе с экономико-географами над проблемами экологии и природопользования трудятся физико-географы. Усиление прикладного аспекта географической науки является определенной гарантией ее востребованности обществом и выживания

ния (хотелось бы сказать – процветания). Так что в упрочении позиций экономической и социальной географии, думается, заинтересована вся географическая наука. Вместе с тем, со всей остротой в настоящее время встал вопрос о дальнейшем развитии теоретических основ экономической, социальной и политической географии.

Дальнейшее развитие экономико-географической науки в рамках единой географии целесообразно на основе концепции географических систем. Научные дискуссии по поводу объекта изучения социально-экономической географии носят явно непринципиальный характер и касаются, прежде всего, уровня осмысления территориальной организации жизни общества. Так, например, предельным по своей смысловой емкости объектом изучения своей науки современные экономико-географы, следуя мнению античных ученых, считают ойкумену под которой понимается «заселенная, освоенная или иным образом вовлеченная в орбиту жизни общества часть географической оболочки Земли с ее пространственными структурами и формами организации жизни общества» [1. С. 26]. Ни в коей мере не отрицая ойкумену как объект исследования, необходимо подчеркнуть, что эта предельно обобщающая категория выводит географию на уровень философских рассуждений о взаимоотношениях человека со средой, о пространственно-временном континууме и т. д. Оперировать предельно емкими категориями в конкретных научных исследованиях сложно и малопродуктивно. В данной ситуации есть смысл «снизить» до более четко выраженного в пространстве объекта – территориальной организации общества и отдельных его сфер, проявляющихся в наличии на конкретной территории реально существующих социально-экономических геосистем или (при более высоком уровне обобщения) общественных геосистем, отражающих континуально-дискретный характер социально-экономического пространства. Безусловно, реальная жизнь общества очень сложна, а изучение его территориальной организации требует разнообразных подходов, которые с разных точек зрения позволяют рассмотреть указанный объект. В определенном смысле любой научный подход, в том числе и системно-структурный, связан с формализацией и некоторым упрощением (редуцированием) объекта исследования с целью детального анализа и выявления закономерностей

Каждый научный подход опирается на соответствующий теоретический фундамент. Поэтому и геосистемный анализ территориальной организации общества нуждается в развитии теории территориальных систем и структур, а точнее – в свете геосистемной парадигмы – теории общественных геосистем.

Итак, с позиций современной науки представляется нецелесообразной «узурпация» понятия «геосистема» физико-географами. Оптимальным представляется вариант использования данного понятия как интегрального объекта изучения географической науки, имеющего как природную, так и социально-экономическую или общественную, составляющую. В таком случае понятие «геосистема» является действительно универсальным и может считаться общим понятием по отношению к конкретным природно-территориальным и территориальным социально-экономическим системам. Следовательно, геосистемный анализ территории, а в более расширенном толковании – пространства, может применяться как к изучению природных, так и социально-экономических, или общественных, систем.

Надо отметить, что весьма емкое понятие «система» имеет различное смысловое наполнение, что порой затрудняет его адекватное восприятие. Например, на общественно-бытовом уровне под системой понимают любые взаимосвязанные или упорядоченные объекты и явления (система наук, система действий, система подготовки кадров и т. п.). На общенаучном уровне – под системой понимают сочетание объектов с упорядоченными взаимными связями, что придает сочетанию новые качества: целостность, автономность, устойчивость. И, наконец, на профессиональном уровне каждая наука имеет дело со «своими» системами, которые отражают специфику изучаемого объекта (системы космические, биологические, технические, географические и др.).

Географические системы являются одной из категорий пространственных систем в окружающем нас мире (исходя из представлений о трехмерном евклидовом пространстве), а именно: геосистемы – это системы мезоуровня и планетарного масштаба (в отличие от космических мегасистем и микросистем молекулярного уровня). Главной особенностью пространственных геосистем является их «привязка» к поверхности планеты. Таким образом, пространственная сущность дополняется конкретными географическими координатами

Итак, изучаемое географами пространство, «привязанное» к «гео-основе», полисистемно по своей сути, что определяет характер объекта изучения географической науки. «Привязывая» свои рассуждения вводя в понятие «пространственной системы» географические координаты и территорию, можно перейти к понятию территориальной системы как множества предметов, обладающих различными горизонтальными географическими координатами и связанных между собой потоками вещества, энергии и информации, которое в отношениях с внешним миром выступает как единое целое. Необходимо отметить, что понятие «территория» в данном контексте несет в себе определенную долю условности, так как природные и антропогенные системы включают в себя не только сушу («terra» от лат. – земля, суша), но и водные пространства (акваторию), воздушное пространство (аэроторию), вовлеченные в хозяйственную деятельность. Таким образом, наиболее корректным термином, обозначающим поверхность планеты Земля, является не «территория» или «акватория», а «геотория» [1. С. 51]. Следовательно, в данном контексте более точным термином является не «территориальная система», а «геоториальная система» (в ее площадном двухмерном измерении), или «геосистема». Причем последний безоговорочно относится как к физико-, так и к общественно-географическим системам. Это еще один аргумент в пользу «геосистемной принадлежности» общественно-территориальных образований.

Все геосистемы, как природные, так и общественные, отвечают общим критериям географичности: геосистемы относятся к системам мезо- и макроуровня в рамках эпигеосферы, имеют определенную неповторимость (географическую индивидуальность), обладают конкретными географическими координатами и «неперемещаемостью».

Все геосистемы в их общенаучном понимании объективно подразделяются по генезису и преимущественному «набору» элементов на два класса: природные и общественные, каждый из которых является объектом изучения соответствующего «крыла» географической науки – физической географии или социально-экономической. На наш взгляд, подобная ситуация вносит большую ясность в многовековой спор об объекте и предмете географической науки в целом и двух ее составных частей.

Природные и общественные геосистемы, обладая общесистемными свойствами, имеют весьма существенные различия в характере развития и степени управляемости. Но они функционируют не изолированно, являясь друг для друга не только «средой» или «фактором». Интенсивное взаимодействие между природными и общественными геосистемами осуществляется посредством природопользования и антропогенного воздействия на природу.

Природные и общественные геосистемы подразделяются в свою очередь на определенные виды в зависимости от целевых установок, набора элементов, характера связей и других признаков. При этом геосистемы не изолированы и могут включать в себя элементы, относящиеся к системам другого вида. То есть, одни и те же элементы в силу востребованности разных их качеств могут входить в различные геосистемы. В этом нет противоречия, так как все географические объекты сложны по составу и многоаспектны по характеру функционирования. Геосистемы иерархичны по своей сути. Но строгая иерархия выдерживается только лишь в геосистемах одного вида.

Геосистемы разного вида имеют сложную геотерриториальную соподчиненность. Редки случаи, когда геосистемы природные и общественные совпадают абсолютно в рамках единых интегральных геосистем. Зачастую они «перекрывают» друг друга, образуя сложную картину дискретно-континуального географического пространства.

Общественные геосистемы, как правило, являются дискретными образованиями, они не «покрывают» полностью поверхность Земли. Вместе с тем именно геосистемы являются основой континуальных образований – районов, регионов, наполняя их реальным содержанием. Таким образом, дискретно-континуальная сущность социально-экономического пространства, непрерывно развивающегося во времени, выражается в конкретных процессах системообразования и районообразования.

Для всех геосистем, в том числе и общественных, характерна полисистемная организация, которая выражается в «вертикальной» полисистемности (наличие на одной и той же территории систем разного уровня организации – природных, промышленных, производственных, социально-экономических, общественных) и «горизонтальной» полисистемности (наличие иерархически соподчиненных систем разного территориального охвата).

Уровень организации общественных систем «по вертикали» (без учета территориального охвата) определяется набором элементов, составляющих геосистему. Соответственно, территориальные системы природопользования (ТСПП) включают в себя взаимосвязанные объекты и инфраструктуру именно этой сферы; *территориально-промышленные системы* (ТПрС) – взаимосвязанные промышленные объекты различных отраслей, а также производственную и транспортную инфраструктуру; *территориально-производственные системы* (ТПС) – все объекты материального производства, в том числе – сельскохозяйственные (агропроизводственные) в дополнение к указанным выше промышленным и инфраструктурным объектам; *территориальные экономические системы* (ТЭС) в дополнение к выше названным включают объекты непродовольственной сферы и, прежде всего, сферы услуг; *территориальные социально-экономические системы* (ТСЭС) являются более сложными по своему составу и дополнительно включают все объекты и систему отношений в социальной сфере. Наиболее сложными и полными по своему составу являются *территориальные общественные системы* (ТОС), которые включают в себя все выше названные объекты, а также социально-политические институты, властные структуры местного, регионального и федерального уровня (в части их полномочий относительно рассматриваемой территории). Именно территориальные общественные системы в конечном счете определяют территориальную организацию общества (ТОО), которая является на сегодняшний день основным объектом изучения социально-экономической географии, а «основным предметом ее исследования являются территориальные (пространственные) общественные системы – ТОС» [11. С. 16].

Как видно из вышеизложенного, наиболее сложными интегральными геосистемами являются территориальные социально-экономические системы (ТСЭС) и территориальные общественные системы (ТОС). Обе системы в разных случаях выступают как предмет исследования весьма высокого уровня обобщения. Как они соотносятся? Предельно ясно на этот вопрос ответили А.И. Чистобаев и М.Д. Шарыгин: «ТСЭС – составная часть ТОС, включающей помимо экономической, социальной и политической сфер еще и духовную сферу. ТСЭС объединяет материализованную сторону жизнедеятельности общества» [11. С. 16].

тельности общества и формирует социально-экономическую основу ТОС» [11. С. 17].

Таким образом, еще раз подтверждается закономерность: каждая система более высокого уровня организации на одной и той же территории базируется на системах более низкого уровня и включает ее элементы в свой состав. При этом происходит усложнение взаимосвязей в системе, усиливается ее интегральный характер и в целом повышается устойчивость общественной геосистемы к внешним воздействиям. В практическом плане сложно организованные интегральные геосистемы можно считать стабилизирующим фактором в территориальной организации общества и учитывать это в региональной политике.

Необходимо отметить, что разнообразие территориальных общественных систем не ограничивается только лишь уровнем организации «по вертикали». Это схематичное представление о территориальной организации общества, своеобразное «препарирование» объекта исследования с максимально возможным его упрощением для целей географического анализа. Для этих же целей в рамках сложно организованной территориальной общественной системы можно вычленить и другие территориальные системы в зависимости от задач исследования: набора элементов, характера связей и других критериев (например, транспортная система, система расселения, территориально-политическая система, туристско-рекреационная система и др.). Геосистемы различного вида и уровня организации существуют объективно, не являются абстрактными построениями, но они завуалированы и «запрятаны» в чрезвычайно сложном геопространстве. Выявление конкретных геосистем, изучение закономерностей их формирования и функционирования, разработка механизмов управления ими – вот главная, на наш взгляд, цель социально-экономической географии.

Говоря о сущности территориальных систем, необходимо уточнить соотношения между понятиями «комплекс» и «система». Среди философов наблюдаются существенные разночтения в трактовке этих понятий. Географы, опираясь на мнение Э.Б. Алаева, определились более четко: «комплекс» необходимо рассматривать как видовое по отношению к родовому понятию «система». «Комплекс – это система, отличающаяся высоким уровнем сопряжения между составляющими элементами по потокам вещества, энергии и инфор-

мации» [1. С. 59]. Следовательно, всякий комплекс (особенно это актуально для территориально-производственных комплексов) – это система, но не всякая система – комплекс.

На первый взгляд, достаточно простым кажется вопрос о соотношении понятий «система» и «структура» в географии. Однако здесь необходимо дать такое пояснение: одним из основных свойств любой системы является наличие структуры как жесткой связи элементов, поддерживающих ее целостность. Для территориальных систем особую важность представляет территориальная структура как совокупность определенным образом взаиморасположенных и сочлененных элементов.

Одним из важнейших свойств общественных геосистем является их полиструктурность: наличие в системе разных по характеру структур как жесткой связи элементов, поддерживающих целостность системы. Основными структурами являются: отраслевая, функциональная и территориальная, причем именно последняя определяет территориальный охват геосистем.

Итак, в континуально-дискретном социально-экономическом пространстве категории «система», «комплекс», «структура» характеризуют в основном дискретную сущность жизнедеятельности общества. Континуальный характер территориальной организации общества отражают «площадные» категории: «субъект федерации» (самое строгое понятие, официально закрепленное в Конституции РФ), «федеральный округ» («президентский» округ), «зона» (экономическая, пограничная и т. д.) «район» (административный, экономико-географический и т. д.) и, наконец, «регион». Каждая из этих категорий имеет реальное смысловое наполнение и ни одна из них, в принципе, не противоречит теории территориальных систем и структур. Напомним, что в середине 1970-х гг. И.М. Маергойз выдвинул тезис о триединстве территориальной структуры [6]. Это – множественная территориально-отраслевая структура, отражающая сложное взаимодействие отраслей с их центрами и узлами на конкретной территории; питательно-распределительная структура, характеризующая линейно-узловую инфраструктурную сеть в ее тесной связи с расселением; интегрально-пространственная (ареально-синтетическая) структура, характеризующая территориально-целостные компоненты хозяйства страны типа интегральных районов, зон и т. п. Как видим, из трех указанных структур две –

дискретные, третья – континуальная покрывающая все пространство страны, дающая целостное представление о характере территориальной организации общества. На наш взгляд, интегрально-пространственная (ареально-синтетическая) структура не является собственно структурой в строгом смысле этого слова, а представляет собой континуальное образование типа «район» или «регион», в основе которого лежит интегральная социально-экономическая система.

До настоящего времени остается спорным вопрос о соотношении социально-экономических территориальных систем и социально-экономических районов. Нам представляется, что обе теории взаимно дополняют друг друга. Территориальные системы и их структуры являются образованиями дискретными, отражающими определенную взаимосвязь элементов в пространстве. Они не «покрывают» всю территорию, а являются своеобразным «скелетом» для таких континуальных образований, как район и регион. По сути дела, именно они дают наиболее полную характеристику территории. Но содержанием их наполняют именно социально-экономические территориальные системы, что дает возможность систематизировать и структурировать все многообразие объектов антропогенной сферы на конкретной территории.

В последние годы изменились представления о территориальной организации хозяйства. Под влиянием рыночных процессов и глобализации изменилась сущность районирования. Экономические районы утратили свое значение как объекты географического анализа, прогнозирования и планирования социально-экономического развития. Эту ситуацию видят и понимают экономико-географы. Так, например, В.Е. Шувалов, анализируя экономико-географическое районирование в контексте модернизации российского общества, выделяет ряд проблем, требующих научного решения в ближайшее время. Среди них – структурно-понятийные и терминологические проблемы районирования, изменение функций районобразующих факторов в современных условиях, соотношение экономического и социального факторов в интегральном экономико-географическом районировании, сочетание критериев специализации и комплексности в экономико-географических районах и др. [2. С. 172–187]. Игнорирование органами управления экономико-географиче-

ского районирования в последние годы привело на практике к тому, что не в полной мере выявлялись и учитывались проблемы территориальной организации общества. В результате все-таки возникла потребность в континуальной (площадной) категории. Таким образом, в «родственной» науке – экономике и в практической деятельности появилось понятие «регион», во многом «срисованное» (если не подразумевать под ним субъект федерации) с экономико-географического района. Вместе с тем, «регион» в определенном смысле имеет ряд преимуществ: во-первых, это более универсальное понятие, не привязанное к конкретным экономико-географическим границам; во-вторых, с научной точки зрения «регион» – менее «ответственное» понятие, не требующее жесткого определения и поэтому более охотно воспринимаемое представителями других наук (экономистами, политологами и др.), а также политиками и управленцами.

Вместе с тем, экономико-географическое районирование как метод познания территориальной организации общества не утратил, на наш взгляд, своего конструктивного значения – его надо сохранить и использовать (и развивать!) для научных и практических целей. При этом в междисциплинарных исследованиях вполне оправдано оперировать понятием «регион» как территориально целостным образованием, обладающим определенным своеобразием.

С позиций системно-структурного подхода «регион» в его конкретном территориальном выражении определяется соответствующей региональной социально-экономической системой и отражает ее интегрально-пространственную (ареально-синтетическую) структуру. Необходимо подчеркнуть, что в строгом смысле термины «регион» и «региональная социально-экономическая система» – не синонимы. Если территориальная система – дискретное образование, то регион – континуальное; в его состав могут быть включены хозяйственно неосвоенные резервные территории, заповедные и другие территории с особым режимом. Социально-экономическая система определяет сущность региона, его территориальный охват, но не конкретные границы. Исходя из иерархии социально-экономических систем, можно говорить об иерархии регионов. И, наконец, развитие регионов на всех иерархических уровнях определяется динамикой соответствующих региональных социально-экономических систем.

Все общественные геосистемы обладают рядом динамических свойств, среди которых особого внимания заслуживают самоорганизация, управляемость, способность к саморазвитию и трансформации. Целенаправленное использование указанных свойств может способствовать рациональному развитию социально-экономических территориальных систем и, в конечном счете, оптимизации территориальной организации общества.

Особый интерес вызывает «зона контакта» природных и общественных геосистем, так как именно она требует внимания со стороны как физической, так и социально-экономической географии. Надо отметить, что этот интерес в полной мере проявился уже в работах основоположников геосистемного анализа. Так, например, В.Б. Сочава говорило о необходимости изучения антропогенной составляющей в рамках природных геосистем [9]. В то же время уже на первом этапе создания теории территориальных систем и структур в рамках экономической и социальной географии И.М. Маергойз выделил четыре подсистемы народного хозяйства, среди которых наряду с материальным производством, инфраструктурой и расселением населения в качестве отдельной подсистемы рассматривались природные ресурсы [7]. При этом автор обращал внимание на необходимость изучения степени дифференцированности территории с точки зрения обеспеченности ресурсами и их разнообразия. Разумеется, «за кадром» не могли оставаться и вопросы природных условий, влияющих на стоимость добычи ресурса, соответственно производимой продукции. Сама эта мысль была не нова. Ее задолго до И.М. Маергойза активно развивали основоположники теории экономической географии Н.Н. Баранский, Н.Н. Колосовский, позднее –

И.В. Комар, Г.А. Приваловская и многие другие. Нов в контексте геосистемных представлений это получило новое звучание и позволило теоретической точкой зрения вплотную «приблизить» общественные геосистемы к природным. Таким образом, геосистемное единство науки подтвердилось закономерными шагами со стороны физической и экономической географии.

В итоге необходимо еще раз подчеркнуть правомерность и необходимость использования геосистемного анализа в экономической и политической географии. Высказанные в статье положения позволяют подойти к изучению экономико-географических объектов как геосистемных образований, что обеспечивает многоаспектность и полноту географического анализа, а также формирование в сознании людей адекватной географической картины мира. В прикладном аспекте использование геосистемного подхода к изучению территориальной организации общества позволит разработать систему методов регионального анализа с учетом накопленного опыта, обогащенного всеохватным системным «взглядом», улавливающим все нюансы взаимоотношений геосистем разного вида.

Итак, современный этап развития экономической, социальной и политической географии характеризуется становлением теории территориальных общественных систем, базирующейся на разработках отечественных и зарубежных ученых. Эта теория вполне логично вписывается в систему сложившихся экономико-географических категорий и общегеографических понятий. Новый шаг в развитии теории территориальных общественных систем связан с геосистемной парадигмой, отражающей современный уровень представлений о географическом пространстве.

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. — М.: Мысль, 1983. — 350 с.
2. Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект: Монография / Отв. ред. А.Г. Дружинин, В.Е. Шувалов. — Ростов-на-Дону: РГУ, 2004. — 262 с.
3. Исаченко А.Г. Теория и методология географической науки. — М.: Академия, 2004. — 400 с.
4. Исаченко А.Г. Проблемы взаимоотношения природных и общественных территориальных систем // Известия РГО. — 2004. — № 1. — С. 3–15.
5. Комарицин А.А., Гладкий Ю.Н., Касимов Н.С., Разумовский В.М. О географической науке с оптимизмом // География на рубеже тысячелетий. Труды XII съезда Русского географического общества. Т. 1. — СПб., 2005. — С. 3–13.
14. Маергойз И.М. Территориальная структура народного хозяйства и некоторые подходы к ее исследованию в свете социалистической экономической интеграции //

- Территориальная структура народного хозяйства в социалистических странах. — М., 1976. — С. 7–28.
15. Маергойз И.М. Территориальная структура хозяйства. — Новосибирск: Наука, 1986. — 303 с.
16. Пилясов А.Н. Европейская региональная наука накануне расширения Евросоюза // Известия РГО. — 2003. — № 6. — С. 1–16.
17. Сочава В.Б. Введение в учение о геосистемах. — Новосибирск, 1978. — 320 с.
18. Харвей Д. Научное объяснение в географии. — М.: Прогресс, 1974. — 502 с.
19. Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Экономическая и социальная география: новый этап. — Л.: Наука, 1990. — 318 с.

□.□. □□□ □ □ □
(□. □□□□□□)

ЦЕЛИ И МЕТОДЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ КАРТИНУ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ

Zimokha A.Y.

GOALS AND THE POSSIBLE WAYS OF THE IMPACT ON THE ELECTORAL LANDSCAPE

The article covers the issue of spatial electoral structures that emerge in different countries and the special policy for their transformation and the negative effects mitigation. The author argues for the choice of electoral scheme on the base of spatial political features. The article questions how the government can determine the frame of party system.

Острая конкуренция политических сил во время избирательных кампаний заставляет партии и кандидатов при формировании предвыборных стратегий учитывать и использовать различные факторы, способные повлиять на окончательный результат. В число таких факторов входят территориальные различия в поведении избирателей. От искусства приспособления к ним в значительной мере зависит успех или неудача избирательной кампании той или иной политической силы.

Однако можно поставить вопрос и более широко — каким образом территориальная картина результатов выборов влияет на политическое развитие страны, можно ли обеспечить существование разных систем ценностей, политических культур на территории одного государства особенно в условиях, когда они оказываются антагонистичны между собой.

Последняя президентская кампания на Украине продемонстрировала опасность электорального раскола государства когда на одной его части формируется одна политическая культура а на другой части — другая,

и эти две политические культуры находятся в состоянии вражды.

В случае Украины ситуацию удалось разрешить мирным способом. Однако мировая история знает и другие примеры. Противостояние северных и южных штатов в США привело к гражданской войне. А ведь здесь также сложились две политические культуры противостоящие друг другу. Достаточно велико политическое напряжение в Бельгии, где в валлонской части страны за победу в избирательных округах борются валлонские партии, а во фламандской — фламандские [6]. С политической точки зрения страна тоже разделена на две части.

В ряде стран политический ландшафт осложняется региональными конфликтами, большинство из которых возникли на этнической почве. Действуют регионалистские партии, так или иначе отстаивающие идеи самоопределения. Представляется достаточно очевидным, что и в этих случаях центр может и должен предложить региональную политику направленную на сглаживание напряжения и существующих противоречий.

Таким образом, необходимо различать методы воздействия на территориальную структуру выборов, обусловленные стремлением политических сил показать на них хороший результат и государственную политику в отношении территориальной картины выборов, которая имеет совершенно другие цели, как, например, гармоничное развитие национальной политической системы, отлаженное взаимодействие региональных политических элит и центра, смягчение политических противоречий между регионами.

Стоит подчеркнуть, что речь в данном случае идет не о политических технологиях, отвечающих довольно конкретным политическим задачам, а о долгосрочных действиях, цель которых – обеспечить гармоничное территориальное развитие национальной политике.

Поэтому здесь, как и в медицине, любое вмешательство должно быть оправданным и тщательно выверенным. Мероприятия, проводимые при отсутствии их необходимости могут не только не принести желаемого эффекта, но и даже оказаться вредными.

Одна из главных задач состоит в том, чтобы показать, с какими опасностями могут быть сопряжены территориальные различия в электоральных предпочтениях населения, и создать систему прогностических методов, позволяющих определить состояние территориальной составляющей политического процесса.

С этой целью вводится типология стран с точки зрения их электоральных рисунков. Под электоральным рисунком понимается территориальная картина электоральных предпочтений, которая с одной стороны отражает некоторые важные закономерности политических процессов, а с другой стороны, обладает собственными закономерностями, изучение которых может привести к предвидению ее динамического развития.

Статистика выборов показывает, что для многих стран характерен биполярный электоральный рисунок. Речь идет о случаях, когда в стране формируется два противостоящих ярких пятна (восточная и западная Украина, например). Они не обязательно охватывают всю территорию страны (хотя есть и такие случаи), обычно между ними возникают переходные зоны или территориальные анклав с особым распределением голосов избирателей, но на уровне страны политическая жизнь определяется именно наличием и взаимодействием этих двух территориальных полюсов.

Биполярный рисунок встречается в большинстве европейских стран, хотя необходимо оговориться, что в последнее время под воздействием внутренних и внешних факторов многие страны начинают терять свои биполярные черты.

В различной степени биполярный электоральный рисунок выражен в Великобритании, Германии, Франции, Испании, Португалии, Бельгии, Швеции и Норвегии.

За пределами Западной Европы биполярный электоральный рисунок можно встретить в Канаде, где в западных провинциях обычно со значительным перевесом побеждает Консервативный альянс, а в восточных – Либеральная партия Канады.

Фрагментарный электоральный рисунок отличается от биполярного наличием нескольких зон, которые можно рассматривать в качестве полюсов с характерным соотношением голосов. Иными словами, страна разбивается не на два полюса, между которыми наблюдается переходная зона (скачкообразная или плавная), а таких полюсов несколько.

Фрагментарный рисунок наблюдается в Италии. Северная и южная части страны отдают предпочтение консервативным политическим силам, в то время как в центре страны сильны позиции левых, в том числе и итальянских коммунистов.

Другой пример – Швейцария. Страна разделена на 3 части по этническому принципу, и в каждой из них складывается собственное соотношение голосов. В результате фрагментарный рисунок возникает естественным путем.

Россия также тяготеет к фрагментарному рисунку. Изначально, когда политическая система страны только формировалась, страна разбилась на две части – восток и север, голосующие за «демократические силы» и так называемый «красный пояс» в аграрных юго-западных областях, жители которых голосовали за коммунистов. Т. е. электоральный рисунок страны был биполярным. Последние избирательные кампании привели к разрушению красного пояса. Например, на думских выборах 2003 г. в Кемеровской области доля голосов, поданных за «Единую Россию», превысила 50%, в Орловской области 45%, а эти регионы на протяжении 1990-х гг. были оплотом КПРФ [2].

Третьим основным типом электорального рисунка является политико-географический монолит. Он встречается в странах, где не существует серьезных различий в результатах

Европа	Бельгия Франция Германия Италия Норвегия Португалия Испания Швеция Швейцария Великобритания Польша Чехия Украина Россия	Биполярный Биполярный Фрагментарный Фрагментарный Биполярный Биполярный Биполярный Биполярный Фрагментарный Фрагментарный Фрагментарный Монолитный Биполярный Фрагментарный
Северная Америка	США Канада	Фрагментарный Биполярный
Латинская Америка	Мексика Бразилия Колумбия Эквадор Аргентина Перу	Биполярный Фрагментарный Фрагментарный Фрагментарный Биполярный Фрагментарный
Азия	Израиль Япония Индонезия	Фрагментарный Биполярный Фрагментарный

выборов по всей территории. Понятно, что такой тип встречается довольно редко.

Примером монолита может служить Чехия. Результаты выборов в стране практически одинаковые за исключением Праги, которая гораздо активнее голосует за «демократические» партии, чем за левых, и может рассматриваться в качестве своеобразного анклава (но не полюса). Монолитный рисунок характерен также для стран с тоталитарными режимами, где выборы являются всего лишь формальностью.

На основании анализа результатов последних избирательных кампаний в 26 странах мира, каждой из них был присвоен тип электрографического рисунка (см. табл. 1).

Каждый из типов электрографического рисунка имеет свои подтипы. Биполярные страны мож-

но различать по расположению полюсов и тому, насколько резко или плавно происходит изменение электрографических предпочтений от одного полюса к другому. Наиболее опасен биполярный рисунок с разломом, при котором происходит резкое скачкообразное изменение в соотношении политических сил между регионами, поддерживающими каждую из них. Такие разломы встречаются, в частности, на Украине (между «прозападными» и «пророссийскими» областями) и в Бельгии (между валлонскими и фламандскими провинциями).

Фрагментарные рисунки делятся на блоковые и хаотичные в зависимости от того, насколько крупные фрагменты характеризуются схожим поведением избирателей.

Внутренние очертания электрографического рисунка позволяют судить, насколько территории

альная картина выборов благоприятна для сохранения политической стабильности, которая, впрочем, не исключает разнообразие политических взглядов.

Определенную опасность представляют электоральные рисунки с крупными территориальными блоками, противостоящим между собой. Если же районы с отличающимися электоральными предпочтениями формируют мозаику и сильно перемешаны, то такой тип электорального рисунка более благоприятен.

При этом зрелость политической системы предопределяет уровень ее адаптированности к социально-экономическим территориальным диспропорциям. Если политико-географические закономерности полностью повторяют социально-экономические, то можно говорить о слабой адаптированности и вероятности того, что социальная напряженность может перерасти в политическую. Если же территориальные диспропорции политического и социально-экономического характера в стране различаются, то опасность социального взрыва существенно ниже.

Типология стран, произведенная по результатам сопоставления их электоральных рисунков, дает основу для понимания ситуации на качественном уровне. В то же время принципиальным моментом является поиск математического параметра, который бы выступил своеобразным индикатором «лакмусовой бумажкой» территориальных особенностей взаимодействия политических сил. Задача найти и придумать такой показатель была реализована на основании изучения выборов в 26 странах.

Искомым параметром стал коэффициент неоднородности. Чем выше значение коэффициента, тем выше политические противоречия между регионами.

Коэффициент неоднородности рассчитывается как среднее арифметическое региональных индексов. Региональные же индексы, в свою очередь, соответствуют каждой из административно-территориальных ячеек, по которым ведется наблюдение и имеются результаты выборов.

Региональный индекс рассчитывается по формуле

$$\sum P[i,j]/P[i]-1/n,$$

где $P[i,j]$ – доля голосов, полученных i -й партией в j -м регионе, $P[i]$ – доля голосов, полученных i -й партией по стране в целом, n – количество партий, по которым ведется подсчет

$\sum P[i,j]/P[i]-1$ – сумма разностей между долями голосов, полученными партией в регионе и в целом по стране, деленных на долю голосов, полученных партией в целом по стране.

Значения регионального индекса не зависят от количества партий, принимающих участие в выборах, по которым ведется подсчет. Чем сильнее отличается голосование избирателей в ячейке от среднего по стране, тем более высокие значения принимает региональный индекс, причем верхний предел не ограничен. Наименьшее возможное значение регионального индекса равно 0 в том случае, если результаты выборов в регионе и в стране в целом полностью совпадают.

По результатам расчета коэффициента неоднородности, которые приведены в таблице, можно предложить следующую шкалу:

а) Значение коэффициента больше 1. Это означает, что в стране серьезные региональные противоречия, проявляющиеся во время избирательных кампаний, и действия государства направленные на приспособление к ним, необходимы. Напомним, что только в двух из изученных стран (Украине и Бельгии) коэффициент неоднородности превысил 1.

б) Значения коэффициента от 0,6 до 1. Такое бывает, когда в стране сильные региональные противоречия, но не общенационального а регионального характера. Следовательно, специальная государственная политика может осуществляться в отношении отдельных регионов. Наиболее характерными примерами стран такого рода могут быть Испания с ее этническими провинциями и Канада с Квебеком.

с) Значения коэффициента от 0,4 до 0,6. В странах с такими значениями коэффициента существует потенциальная угроза стабильности политической системы, которая не столь явно выражена, как в двух предыдущих случаях. Здесь скорее необходим тщательный мониторинг, а не целенаправленные меры. Примеры стран такого типа: Германия (где недостаточно интегрированы в общестрановой контекст восточные земли), Великобритания (за счет регионалистских партий), Россия в середине 1990-х гг. (когда намечилось противостояние между «красным поясом» и «демократическими» регионами), латиноамериканские страны в период раскола политической элиты.

д) Значения коэффициента меньше 0,4. Региональные противоречия выражены на электоральной карте не настолько сильно, чтобы требовалась специальная государственная политика по работе с ними. К данной категории

□ □ □□□□□□□ □ □ □ □□□□ □ □ □□□□ □ □ □ □
 □ □□□□□□□ □□□□□□ □□□□ [□□: 1, 8–28]

Страна	Выборы	значение коэффициента
Украина	2004 г., президентские	1,47
Бельгия	1999 г., парламентские	1,15
ЮАР	1999 г., парламентские	0,77
Испания	2000 г., парламентские	0,72
Канада	2000 г., парламентские	0,61
Эквадор	2002 г., президентские	0,49
Германия	2002 г., парламентские	0,48
Великобритания	2005 г., парламентские	0,47
Колумбия	2002 г., президентские	0,36
Португалия	2002 г., парламентские	0,3
Россия	2003 г., парламентские	0,3
Япония	2004 г., парламентские	0,28
Бразилия	2002 г., президентские	0,27
Израиль	2003 г., парламентские	0,24
Польша	2001 г., парламентские	0,24
Норвегия	2001 г., парламентские	0,22
Италия	2001 г., парламентские	0,2
Швеция	2002 г., парламентские	0,19
США	2000 г., президентские	0,17
Франция	2002 г., президентские	0,17
Чехия	2002 г., парламентские	0,13

относится большинство стран, в том числе и Россия в текущий момент.

По состоянию на сегодняшний день можно выделить 4 группы методов воздействия на результаты выборов, каждая из которых находит территориальное отражение: 1) работа с избирательной системой; 2) участие в партийном строительстве; 3) использование «административного ресурса»; 4) криминальные методы.

Уже из названия групп видно, что далеко не всегда, а точнее сказать, довольно редко, власть при воздействии на территориальную картину выборов преследует цель ее оптимизировать, исходя из государственных интересов. Очень часто власть стремится повлиять на ход выборов так, чтобы обеспечить победу собственных партий или кандидатов.

Крайним вариантом такой политики может стать использование криминальных методов, под которыми мы понимаем подтасовку результатов выборов, запугивание избирателей и другие не разрешенные Конституцией приемы.

В отличие от криминальных методов, использование «административного ресурса» не подразумевает нарушение конституционных

норм, однако в данном случае нарушается принцип честной состязательности между конкурирующими политическими силами.

Криминальные методы и использование «административного ресурса» невозможны без опоры на региональные элиты, а степень интенсивности их применения зависит от региональной специфики (например, пропаганда партии власти затруднена в регионах с диверсифицированной прессой). Следовательно, обе группы методов влияют на распределение соотношения голосов избирателей от региона к региону.

Сдвиги в избирательной системе также нередко используются для обеспечения выгодных позиций одной из политических сил. Всем известны манипуляции с численностью избирательных округов их нарезкой (джерримендеринг) [5]. То же самое можно сказать и о партийном строительстве, когда государство преследует совершенно конкретные политические цели.

Однако первые две группы методов влияния на электоральный рисунок можно использовать и в несколько другом направлении, а именно для оптимизации электорального рисунка в интересах государственной стабильности.

Например, в условиях, когда страна оказывается разделена на две части (биполярный рисунок) и между ними проходит разлом, предпочтительнее выглядит мажоритарная избирательная система. Она побуждает кандидатов от двух противостоящих сил вести более активную борьбу на территории противника, ведь для достижения перевеса оказывается необходимо не только побеждать в «своих» избирательных округах, но и в «чужих». Таким образом, стимулируется взаимное проникновение противоборствующих сил на территорию друг друга, и следствием со временем должно стать разрушение разлома.

Необходимым условием такой политики должны быть дробные избирательные округа, поскольку это увеличивает влияние местных особенностей на исход голосования. В крупных избирательных округах кандидат от «чужой» политической силы вряд ли может одержать победу, а в мелких округах вероятность победы «чужого» кандидата выше, поскольку на локальном уровне политическая дискуссия зачастую сводится к разрешению конкретных проблем, касающихся данного места, в то время как идеология отходит на второй план.

В то же время пропорциональная избирательная система не в состоянии разрушить разломы, поскольку локальная составляющая в противостоянии партий сводится к минимуму, и борьба идет на уровне концептуальных разногласий, а они изначально имеют яркое территориальное проявление.

Хуже мажоритарная система работает в условиях, когда биполярный рисунок формируется не при двухпартийной, а при многопартийной системе. Примерами такого биполярного рисунка являются Бельгия и Португалия. В Бельгии валлонские партии ведут борьбу на валлонской территории, а фламандские – на фламандской. В Португалии север страны отдает предпочтение двум более правым партиям, в то время как юг голосует за две партии левого толка.

Если в каждом из данных случаев применить мажоритарную схему выборов, то это лишь приведет к более ожесточенной межпартийной борьбе внутри каждого из полюсов, а проникновения партий на «чужую» территорию будет практически исключено. Поэтому

многопартийный биполярный рисунок с помощью мажоритарной схемы, равно как и с помощью чистой пропорциональной разрушить невозможно.

В настоящее время в Бельгии и Португалии действует смешанная пропорционально-списочная система Виктора д'Хондта¹, когда страна делится на несколько избирательных округов, мандаты от которых распределяются между кандидатами от партий, принимающих участие в выборах, в зависимости от соотношения голосов избирателей, поданных за них. Использование данной схемы в Португалии уже привело к разрушению разломов, страна остается разделенной политически на север и юг, но смена электоральных предпочтений носит плавный градиентный характер без ярко выраженных разломов. В Бельгии такого эффекта нет, поскольку региональные противоречия носят более глубокий характер и основываются на межэтнической конкуренции.

Всем известны и недостатки мажоритарной системы. Главный из них состоит в том, что голоса избирателей, проголосовавших за кандидата от проигравшей партии, оказываются неучтенными. Поэтому мажоритарную систему крайне опасно использовать в странах, где есть политико-географические анклав, особенно этнические. Угроза состоит в том, что в одномандатных избирательных округах повсеместно могут одержать победу кандидаты от партии, выступающей за независимость, а голоса сторонников региональной интеграции могут оказаться потерянными. Следовательно, в странах, где электоральный рисунок содержит анклав, предпочтительнее использовать либо пропорциональную, либо смешанную схему, дабы снизить политическую обособленность анклавов.

Достоинством смешанной и пропорциональной схем является возможность использовать крупные избирательные округа, по которым ведется распределение мандатов, что довольно опасно при мажоритарной схеме.

Если говорить в целом, то пропорциональная схема в большей мере способствует дроблению и фрагментации политической географии страны, чем мажоритарная. Однако в условиях, когда в стране мало партий и крупные, противостоящие друг другу, политико-гео-

¹ Виктор д'Хондт (1841–1901), бельгийский юрист, профессор в области гражданского права, придумал избирательную схему, сочетающую в себе черты мажоритарной и пропорциональной. Впервые выборы по схеме Виктора д'Хондта прошли в Бельгии в 1900 г.

графические территориальные образования, целесообразно использовать мажоритарную схему ради того, чтобы партии более активно вели борьбу на «чужой» территории.

Определенные закономерности существуют и между электоральным рисунком страны и партийной системой. Однопартийная система ведет к формированию монолитного электорального рисунка, поскольку у населения нет альтернативы и результаты выборов оказываются одинаковыми по всей территории страны.

Между тем сказать, что многопартийная система с большей вероятностью приводит к формированию фрагментарного рисунка по сравнению с двухпартийной, в то время как двухпартийной системе чаще соответствует биполярный рисунок, нельзя. В настоящее время фрагментарный рисунок сформировался в некоторых странах в условиях двухпартийной системы (США), и, наоборот, биполярный рисунок зачастую наблюдается в многопартийных западно-европейских странах.

Наиболее сильно на электоральный рисунок влияет характер противостояния партий. В условиях гибкой идеологической политики каждой из доминирующих политических сил их приспособляемость к региональным диспропорциям и региональным противоречиям оказывается более высокой, чем, если партии опираются на привычные догмы и принципы.

Снижение упорядоченности электорального рисунка во многих случаях выступает следствием концептуальных изменений партийных платформ, появления новых тезисов и лозунгов в избирательных программах. Конечно же, нельзя сбрасывать со счетов и территориальные сдвиги, обусловленные изменением социально-экономических характеристик, но эти сдвиги все-таки происходят гораздо медленнее, чем политико-географические изменения, вызванные динамикой политической борьбы.

Естественное развитие политической конфигурации существенно повышает вероятность возникновения новых идей, гибких действий политических организаций, способствует росту их адаптированности к территориальным диспропорциям, что позволяет обеспечить стабильность через динамичные изменения. Классическим примером такой стабильности, происходящей на фоне высокой приспособляемости партий, может служить Великобритания. Успех или поражение лейбористов и консерваторов предопределяются тем, насколько каждая из партий сумела уловить тенденции обществен-

ных настроений, использовать или упустить шансы, предоставляемые внутриполитической и внешнеполитической ситуацией [4].

Когда же государство пытается усилить контроль над партийным строительством, адаптация политической системы к территориальным особенностям становится ниже, т. к. она изменяется менее динамично. В таких условиях основным фактором политической географии становятся социально-экономические диспропорции, и становится более вероятным сценарий, подразумевающий повторение социально-экономических диспропорций на электоральной карте.

Возникает вопрос, необходим ли вообще контроль над развитием партийной системы. Очевидно, что он все-таки нужен, чтобы не допустить развития экстремистских организаций, но, тем не менее, ограниченный контроль более выгоден с точки зрения политической географии государства.

Довольно остро вопрос партийного строительства стоит в странах с сильными сепаратистскими движениями. Власти таких государств неоднократно сталкивались с дилеммой, стоит ли пожертвовать нормами плюрализма и перевести на нелегальное положение деятельность той или иной партии или нет.

Опыт политики в отношении сепаратистски настроенных регионов показывает, что, как правило, власти запрещают политическую деятельность радикальных организаций, но не запрещают политические партии, борющиеся за расширение автономии в рамках конституционного поля.

Например, в Испании власти запретили радикальную организацию *Herri Batasuna*, которая на протяжении 1980-х и 1990-х гг. показывала неплохой результат (до 17%) в Стране Басков, однако более умеренная Националистическая баскская партия разрешена и регулярно побеждает в автономной области. При этом Националистическая баскская партия открыто выступает за самоопределение Страны Басков.

В Канаде в Квебеке есть блок квебекских партий (*Bloc Quebecois*), за который голосует порядка 40% электората региона. В Италии Народная партия Южного Тироля имеет в области Трентино-д'Альто-Адидже треть голосов по результатам последних парламентских выборов. Сепаратистские движения в Великобритании представлены Шотландской националистической партией, Унионистская партия Ольстера, Шинн Фейн (политическое крыло ИРА), Валлийская партия (*Plaid Cymru*) [7].

Все они имеют своих парламентариев в Палате общин по результатам выборов 2001 г., хотя их влияние на политические решения парламента, мягко говоря, ограничено.

Все эти партии объединяет то, что в своих программах они выступают за расширение региональной автономии, однако на деле довольно тесно сотрудничают с центральной властью, иногда даже вступают в коалиции с центристскими партиями.

Понятно, что наличие регионалистских движений осложняет политический спектр государства, требует специальных переговорных усилий и политики диалога с региональными организациями. Но еще хуже, когда сепаратистские настроения оказываются вообще не представленными в политическом поле. Тогда сепаратисты «уходят в подполье» и борются за свои идеи неполитическими методами. Их присутствие, хотя и никак не отражено на электоральных картах, но сама проблема принимает более острый характер.

Поэтому в условиях, когда существуют предпосылки возникновения сепаратистских политических организаций, их полный запрет может быть менее целесообразным по сравнению с сортировкой, когда умеренно настроенные политические движения остаются и ведут борьбу как на региональных, так и на федеральных выборах, а экстремистские организации запрещаются.

Интересно, что местные партии, как правило, показывают гораздо более высокий результат во время региональных избирательных кампаний по сравнению с общенациональными выборами. Данный эффект продемонстрировал авторитетный географ Кембриджского университета Тристан Клейтон в своей статье, посвященной проблемам шотландского национализма [3].

По всей видимости, данный эффект возникает по двум причинам. Первая состоит в том, что часть регионалистски настроенных избирателей во время общенациональных выборов не го-

лосует за региональную идею, понимая, что борьба идет не между федералистами и регионалистами, а между партиями общенационального масштаба, и поэтому часть регионалистов голосует за одну из национальных партий, потому что именно их противостояние определяет будущее развитие страны. Вторая причина обусловлена особенностями избирательной системы. В условиях мажоритарной схемы или даже смешанной схемы Виктора д'Хонда мелкие региональные партии не могут претендовать на получение мандатов в своих округах, и люди просто боятся, что их голос окажется потерянным. На региональных же выборах количество мандатов, за которые ведется борьба в регионе, больше, и у мелких партий появляется реальный шанс получить часть таких мандатов.

Данное обстоятельство можно использовать при выборе избирательных схем для общенациональных и региональных выборов. Например, для общенациональных выборов выглядит предпочтительнее вариант, при котором влияние региональных партий сокращается, в то время как на региональных выборах можно допустить и более высокие показатели регионалистов, чтобы местные избиратели не чувствовали себя ущемленными в правах.

Предложенные методы воздействия на электоральную географию стран основываются на самых широких тенденциях и представлениях, в то время как разработка любой из таких программ воздействия требует досконального изучения сложившейся ситуации и вряд ли может быть решена, исходя исключительно из общих взглядов на данный вопрос. Однако выделение и обобщение подходов влияния на электоральный рисунок полезно не только с научной, но и с практической точки зрения. Если иметь перед собой перечень инструментов и изученный опыт их применения, то легче выбрать наиболее подходящий инструмент к конкретной ситуации и спрогнозировать последствия его применения.

1. Зимиха А.Ю. Сравнительный анализ закономерностей электоральной географии в странах разного типа: автореф. дисс. ...канд. геогр. наук. — М., 2006.
2. 10 лет избирательной системе Российской Федерации. Выборы в Российской Федерации 1993–2003. Электоральная статистика. — М.: Исследовательская группа «Мератор» под управлением Д.Б. Орешкина, 2004.
3. Clayton T. Politics and Nationalism in Scotland: a Clydeside Case Study of Identity Construction // Political Geography. — 2002. — Vol. 21. — № 6.
4. Johnston R.J. The Geography of English Politics. — London, Groom Helm, 1983.

5. Johnston R.J. Manipulating Maps and Winning Elections: Measuring the Impact of Malapportionment and Gerrymandering // *Political Geography*. — 2002. — Vol. 21. — № 1.
 6. Murphy A.B. Brussels: Division in Unity or Unity in Division? // *Political Geography*. — 2002. — Vol. 21. — № 5.
 7. Pattie C.J., Johnston R.J. Local Battles in a National Landslide: Constituency Campaigning at the 2001 British General Election // *Political Geography*. — 2003. — Vol. 22. — № 4.
 8. www.mir.es / Министерство внутренних дел Испании.
 9. www.elizioni.it / Сайт итальянской электоральной статистики.
 10. www.elections.ca / Канадская избирательная комиссия.
 11. www.election.de / Сайт немецкой электоральной статистики.
 12. www.tse.gob.ec / Электоральный суд Эквадора.
 13. www.onpe.gob.pe / Перуанская избирательная комиссия.
 14. www.interieur.fr / Министерство внутренних дел Франции.
 15. www.fec.gov / Федеральная избирательная комиссия США.
 16. www.val.se / Избирательная комиссия Швеции.
 17. www.ssb.no / Норвежский статистический ежегодник.
 18. www.tse.gob.br / Электоральный суд Бразилии.
 19. www.pkw.gov.pl / Избирательная комиссия Польши.
 20. www.volby.cz / Чешский статистический центр.
 21. www.cne.pt / Португальская избирательная комиссия.
 22. www.e-mexico.gob.mx / Мексиканское электронное правительство.
 23. www.cvk.gov.ua / Центризбирком Украины.
 24. www.registraduria.gov.co / Национальная регистратура гражданского общества Колумбии.
 25. www.bbc.co.uk / Би-Би-Си.
 26. www.vub.ac.be / Сайт бельгийской электоральной статистики.
 27. www.politic-stat.ch / Сайт швейцарской электоральной статистики.
 28. www.knesset.gov.il / Израильский Кнессет.
-

ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

□.□.□□ □ □ □ □ □ □
(□.□□□□□□□□)

МЕСТО РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В АЛМАЗНО-БРИЛЛИАНТОВОМ КОМПЛЕКСЕ МИРА

Pototskaya T.I.

THE PLACE OF DEVELOPING COUNTRIES IN DIAMOND COMPLEX OF THE WORLD

According to the level of social and economical development of countries the fact of labour division should be mentioned while speaking about diamond complex of the world. Thus, developed countries are main consumers of the complex production (diamonds, jewelries etc.) and negotiators also. As for developing countries, they are main producers in diamond complex and negotiators in trade sphere. It should be noted, that productive and intermediary functions of developed countries "migrate" actively to developing ones.

Почему невысокий уровень социально-экономического развития территории привлекает производственные и посреднические функции? Есть несколько факторов, определяющих эту ситуацию. Во-первых, использование развивающихся странами минерально-сырьевой базы в качестве единственного источника доходов. Однако, в силу того, что горнодобывающая промышленность – одна из самых капиталоемких отраслей, требуются значительные средства для ее создания. Поэтому правительства вынуждены открыть двери для иностранных инвестиций. В результате в большинстве случаев добыча алмазов в рассматриваемой группе стран формируется деятельностью иностранных компаний или совместных предприятий. Во-вторых, в большинстве «развивающихся стран» благоприятная демографическая ситуация (табл. 1), формирующая значительные трудовые ресурсы, которые в силу низкого уровня социально-экономического развития не могут быть востребованы в полной мере. Это еще больше усугубляет социальные проблемы. Поэтому население – это второй ресурс, продажа которого ничего не стоит правительству. Правда, сразу

оговоримся, что местная дешевая рабочая сила, как правило, задействуется иностранными компаниями «развитых стран», перемещающими сюда наиболее трудоемкие производства, нерентабельные в своей стране (к которым относятся производство бриллиантов и ювелирных изделий). В-третьих, из-за отсутствия в большинстве «развивающихся стран» многоотраслевой экономики, у них отсутствуют элементы политики протекционизма в целом, что стимулирует формирование открытой экономики и как следствие – посреднических функций. Причины, заставляющие «развивающиеся страны» заниматься посреднической деятельностью, могут быть разными. Это – и особенности их микро-географического положения (Гонконг, Бахрейн), и стремление диверсифицировать свою экономику (ОАЭ, Саудовская Аравия), и следствие деятельности иностранных компаний в бывших колониях по легализации капитала и т. д. (см. табл.).

Учитывая роль, которую играют «развивающиеся страны» в мировом АБК, попробуем определить место каждой страны из рассматриваемой группы в его функционировании

□ □ □-□□ □ □□□□□ □ □ □ □ □ □ □ □

Ботсвана занимает первое место в мире по объему добычи алмазов в стоимостном выра-

жении (2,3 млрд. долл.) и второе место в весовом выражении (после России), из них более

мышленных) алмазов. В ежегодном объеме производства алмазного сырья (0,9 млрд. долл.) его доля превышает 85%. Поэтому и средняя стоимость добываемых алмазов самая низкая в мире: рудники МІВА – 13 долл./кар. [5, 6, 33, 34, 35].

Организованная добыча ведется компаниями МІВА (государственное предприятие Societu Minere De Bakwanga с небольшой долей участия бельгийской фирмы Sibeka) и ВНР (один из крупнейших операторов на мировом алмазном рынке – Великобритания/Австралия) на руднике М. Бужи-Майи, а также компанией Sengamines (государственная компания совместно с предпринимателями из Зимбабве) на руднике Чибва. Алмазодобывающая отрасль дает порядка 50% экспортной выручки страны.

Намибия замыкает пятерку лидеров африканских государств по объемам запасов алмазов. В отличие от них, как считают эксперты, с каждым годом объемы добычи здесь будут сокращаться. Ежегодно производится алмазного сырья на сумму 0,44 млрд. долл. (4-е место в мире), из них ювелирные составляют 98% (самый высокий показатель из всех алмазодобывающих стран). Поэтому и средняя стоимость алмазов здесь самая высокая в мире (континентальная добыча – 361 долл./кар, морская добыча – 328 долл./кар.) [5, 6, 33, 34, 35].

Индия – самый старый мировой алмазный центр, имеющий многовековую историю развития. Здесь присутствуют все структурные звенья АБК, хотя степень их значимости для мирового алмазно-бриллиантового бизнеса различна.

На страну приходится около 0,01% общих мировых запасов алмазов, все они относятся к категории ювелирных. Это государство было первым и долгое время единственным известным человеком источником алмазов (месторождение Голконда). Однако сегодня его значение изменилось, т. к. в стране ежегодно добывается алмазов на сумму всего 10 млн. долл. (0,1% мировой добычи). Деятельность ведут преимущественно индийские компании – WSIL Mineral Sands India Private (совместно с австралийской Astro Mining) и National Mineral Development Corporation, хотя геологоразведочной деятельности принимают активное участие все ведущие мировые производители алмазного сырья – De Beers, BHP Billiton, Rio-Tinto.

Добыча алмазов производится на двух типах месторождений. Наземные россыпи – самый крупный рудник Даберас, он разрабатывается совместным предприятием De Beers и государством – Namdeb (12% алмазов в стоимостном выражении и 3% в весовом выражении, добываемых ежегодно с участием De Beers, производится на территории Намибии); небольшие разработки ведет южноафриканская компания Trans Hex International. Подводные россыпи осваиваются De Beers Marine (ЮАР) и Marine Diamonds Mining (Израиль), Samicor (Израиль).

В последнее время (2004 г.) в стране началась активная деятельность иностранных компаний по созданию гранильной промышленности. Таким образом, группа компаний LLD (Израиль) и Lazare Kaplan International (США) пытается обеспечить полный цикл производства бриллиантов на своих предприятиях внутри Намибии – добычу алмазов, их огранку и сбыт, а в перспективе и производство ювелирных изделий.

Это вступает в противоречие с интересами De Beers, которая традиционно географически «разрывает» стадии прохождения алмаза на мировом рынке, стремясь к получению максимальной прибыли.

Основные работы сконцентрированы в штатах Андхра-Прадеш, Карнатака, Раджастхан, Мадхья-Прадеш [5, 6].

Очевидно, что указанные объемы добычи алмазов не могут обеспечить мощную и быстрорастущую гранильную отрасль страны (ежегодный объем производства 7 млрд. долл.) сырьем [33]. Поэтому приходится большей частью его импортировать. Основная его часть берется на свободном рынке – из Бельгии (55%), Израиля (7%), ОАЭ (5%), Гонконга (6%) и только 24% алмазов покупается у De Beers в Великобритании. Нужно отметить, что доля Великобритании постоянно растет (33 индийские компании являются сайтхолдерами De Beers), а Бельгии – сокращается [23, 24, 29].

Если же говорить об основных первичных источниках алмазов для гранильной промышленности страны, необходимо выделить австралийские алмазы около ювелирного качества, которые практически полностью поступают на алмазообработывающие предприятия Индии

(в частности, с месторождений Аргайл и Мерилин, принадлежащих Rio-Tinto). В связи с этим, аналитики высказывают опасения по поводу дальнейшего интенсивного развития обработки алмазов в стране (Мерилин был закрыт во второй половине 2003 г. в связи с истощением, а Аргайл снизил объемы добычи и требует перехода на закрытый способ). Такое положение дел может негативно сказаться на всей отрасли в целом, поскольку продолжительный дефицит алмазного сырья может вынудить огранщиков заняться огранкой синтетических алмазов.

Современная гранильная отрасль Индии – лидер мирового производства бриллиантов (48% продукции в стоимостном выражении), что определяется в первую очередь, низкой себестоимостью его производства (большая численность населения при низкой заработной плате – стоимость обработки 10–20 долл./кар., слабом уровне механизации труда, интенсивном характере труда, использовании детского труда, наличии традиционных навыков обработки самоцветов) [8]. При этом она специализируется на огранке олою ювелирного алмазного сырья и производит бриллианты мелкой размерно-весовой группы невысокого качества. Это стало возможным после появления дешевой технологии производства технических синтетических алмазов, которые стали вытеснять природные технические алмазы с мирового рынка. Поэтому основу импорта составляют дешевые алмазы средней стоимостью 36 долл./кар. (минимальные значения из всех участников АБК мира). В последние годы происходит постепенный сдвиг в сторону огранки более дорогого товара и специализации на производстве бриллиантов фантазийной огранки («принцесса», «багет», «маркиз» и т. д.). В отрасли, по разным оценкам, занято от 800 000 – до 1 000 000 рабочих. По организационным особенностям отрасль можно разделить на две равные части, в каждой из них занято по 50% рабочего персонала отрасли – это крупные гранильные компании и мелкие ремесленные мастерские, расположенные в сельской местности. В целом производством бриллиантов в стране занимаются 3 000 предприятия. Основные алмазообрабатывающие центры страны расположены в западных штатах – Сурат (штат Гуджарат), Мумбаи (Махараштра), Бхаванагар (Гуджарат), Ахмедабад (Гуджарат), Паланпур (Гуджарат).

Самые крупные компании-производители и впоследствии экспортеры бриллиантов (на них приходится около 17% экспорта бриллиантов

Индии) – это Asian Star Co. Ltd, K. Girdharal, Sheetal Manufacturing Co., Laxmi Diamond, C. Mahendra Exports, JB & Brothers, Navinchandra & Co. Перечисленные компании – сайтохолдеры De Beers. Из компаний, работающих с алмазным сырьем со свободного рынка – H. Dipak & Co. (9%), Kiran Exports (5%), Hari Krishna Exports (5%), Souncraft Industries Ltd. (5%), Prianka Gems (4%), Niru Impex (3%), Gitanjali Exports Corporation Ltd. (3%).

Несмотря на наличие в стране хорошо развитой ювелирной промышленности, большая часть бриллиантов все же экспортируется [27, 28]. Также как и в производстве бриллиантов, Индия здесь безусловный лидер (1-е место: 31% мирового экспорта бриллиантов – 8 млрд. долл.). При этом средняя стоимость вывозимых бриллиантов невелика – всего 236 долл./кар. и направляются они преимущественно в три страны: США (27%) через американские компании M. Fabricant & Sons Inc. и Milistar NV Inc., Гонконг (28%) через компании Gem Centre Ltd. и Diamart Ltd, Бельгию (12%) через бельгийскую компанию Solitaire BVBA The Diamond Co. В последние годы доля США и Бельгии постепенно уменьшается, в то время как формируется и набирает силу поток бриллиантов в ОАЭ (9%). Из азиатских стран, непосредственно потребляющих индийские бриллианты, наибольшую значимость имеет Япония (более 70% ее импорта бриллиантов приходится на Индию), однако доля ее в региональной структуре экспорта бриллиантов Индии незначительна (5%). Основная масса бриллиантов экспортируется через свободную экономическую зону SEEPZ, расположенную в районе г. Мумбаи (93%).

В отличие от гранильной отрасли, ювелирная промышленность Индии имеет практически повсеместное размещение. Наиболее крупные ее центры – г. Дели (Нью-Дели, штат Харьяна), г. Джайпур (Раджастхан), г. Ченнаи (Тамилнад), г. Кочин (Керала), Бангалор (Карнатака), г. Хайдерабад (Андхра-Прадеш) и т. д. Однако большая часть ювелирного производства все же сконцентрирована в восточном штате Западный Бенгал (г. Калькутта), на него приходится более 60% частных ювелиров и работников отрасли. Да и динамика развития отрасли наиболее высока именно в этой части страны (рост объемов продаж золотых ювелирных изделий и ювелирных изделий с бриллиантами в 2003 г. здесь составил 10% и 31%, соответственно – это наибольшие показатели по стране). Сегодня в стране насчитывается более

30 компаний, представляющих на розничном ювелирном рынке страны ювелирные изделия из золота и бриллиантов под собственным брэндом. Предполагается, что их количество к 2009 г. увеличится до 60. Более того, практически все известные ювелирные бренды Индии развивают свою деятельность, прежде всего, в восточных штатах. Именно здесь в 2004 г. была открыта первая в стране свободная экономическая зона для ювелирных компаний (сегодня в ней расположен всего 21 компания, но в перспективе она рассчитана на обслуживание более 200 предприятий, экспортирующих свою продукцию и 300 фирм, работающих на внутренний рынок) [27, 28].

Ювелирная промышленность Индии значима для развития АБК мира, в силу того, что занимает 3-е место в мире (наравне со странами Персидского залива) по потреблению бриллиантов после США и Японии [13]. Более того, в товарной структуре импорта Индией ювелирного сырья на алмазы и бриллианты приходится 77% и 13%, соответственно. Да и в товарной структуре экспорта продукции ювелирной промышленности доля бриллиантов составляет 73%. При этом на протяжении многих лет сохраняется рост их объемов: за 20 лет (1982 – 2003 гг.) объемы импорта алмазов и экспорта бриллиантов увеличились в 10 раз. Столь интенсивная динамика определяется действием группы факторов. Во-первых, это растущие потребности внутреннего рынка (стабильно высокие доходы ювелирам всегда обеспечивала широко распространенная вера местного населения в магические и целебные свойства драгоценных камней и изделий из них), связанные с высокими темпами роста численности населения. Уже сегодня на Индию приходится 2% розничных продаж ювелирных изделий с бриллиантами мира, а средняя стоимость ювелирных изделий с бриллиантами варьирует от 162 долл. (кольца), 216 долл. (подвески), 400 долл. (серьги), 750 долл. (браслеты), 790 долл. (ожерелья) до 950 долл. (ювелирный гарнитур), да и средний вес бриллианта в перечисленных изделиях достаточно высок – 0,36 кар. (выше, чем в ювелирных изделиях, продаваемых в Японии, США, Италии), хотя, средняя стоимость ювелирного изделия с бриллиантами на внутреннем рынке страны невысока – 463 долл./кар. (минимальное значение из всех стран-участниц АБК мира). Во-вторых, это позитивное участие государств в регулировании деятельности АБК страны (таможенные и налоговые льго-

ты). В-третьих, создание государственных (Организация по развитию торговли Индии – ИПРО) и негосударственных организаций (Совет по развитию экспорта драгоценных камней и ювелирных изделий – ГЖЕРС, Институт драгоценных камней и ювелирной промышленности – ИГЖ, Индийский институт бриллиантов – ИДИ, Ассоциация экспорта алмазов – ДЕА, Алмазная биржа Бхарата – ВДВ, Ассоциация алмазной торговли Бомбея – ВДМА и т. д.), стимулирующих развитие ювелирной промышленности в Индии [11]. Региональная структура экспорта ювелирных изделий с драгоценными камнями схожа с аналогичной структурой экспорта бриллиантов. Также основными потребителями продукции являются США (36%), Гонконг (22%), Бельгия (10%) и ОАЭ (8%). При этом экспортируются наряду с бриллиантами (78%), золотые ювелирные изделия (17%), цветные камни (2%) и т. д.

Китай в рамках АБК мира занимает место, схожее с Индией: с одной стороны, наличие всех основных структурных элементов АБК (добыча алмазов, производство бриллиантов, производство ювелирных изделий с бриллиантами), а с другой – явная международная специализация страны на производстве бриллиантов и ювелирных изделий с бриллиантами [3, 4, 14, 15, 22].

На Китай приходится 5 млн. кар. запасов алмазов (0,6% общих запасов алмазов мира), из них ювелирные алмазы составляют 2 млн. кар. (0,5% общих запасов ювелирных алмазов мира). При таких незначительных запасах алмазов ежегодный объем их добычи также невелик – 16,5 млн. долл. (0,2% мировой добычи). Основные разработки ведутся в восточных провинциях страны: Ляонин, Шаньдунь, Цзянсу, Аньхой. Ведущее место в алмазодобыче принадлежит китайской компании China Diamond Corporation – CDC, из зарубежных компаний наиболее активное участие принимает австралийская Astro Mining NL. Средняя цена добываемых алмазов около 100 долл./кар. Крупные алмазы высокого качества экспортируются более мелкое дешевое сырье обрабатывается на местных предприятиях [5, 6]. Более того, в стране налажено производство синтетических алмазов – 20 млн. кар. в год.

Гранильная отрасль страны развивается очень интенсивно, обрабатывая ежегодно алмазного сырья на сумму 800 млн. долл. (с 1998 по 2002 гг. объем увеличился в 2 раза). Китай занимает 4-е место в мире по объему производства бриллиантов (800 млн. долл. – 6% ми-

рового объема) после Индии, Израиля, России [33]. Стоимость огранки немного выше, чем в Индии: 12–16 долл./кар., заработная плата составляет 125–135 долл. в месяц [8].

В государственной считается 81 предприятие, производящее бриллианты (2002 г.). В отрасли занято более 18 000 работающих. Поскольку большая часть алмазного сырья привозная, предприятия, перерабатывающие его, размещаются в свободных экономических зонах, расположенных в восточной части страны. Основная масса компаний концентрируется в провинции Гуаньдунь (30 заводов, 8 000 работающих), которая дает 70% производства бриллиантов в стране, и в основном отправляет их на экспорт. Второе место принадлежит провинции Шаньдунь (24 завода, 3800 работающих), которая дает более 10% производства бриллиантов. Большую роль играют предприятия, расположенные в Шанхае и на сопредельных ему территориях (15 заводов, 1 800 работающих, 12% производства бриллиантов в стране), а также в Пекине (12 заводов, 2 400 работающих, 8% производства бриллиантов). Поскольку в международных отраслевых изданиях не дается прямая статистическая информация об объемах производства бриллиантов в Китае, мы можем только сделать предположение, основанное на китайской информации (стоимость алмазного сырья в обработке – 800 млн. долл., объем экспорта бриллиантов – 800 млн. долл.) и «алмазном трубопроводе» (производство бриллиантов – 800 млн. долл.) о том, что на внутреннем рынке бриллианты китайского производства практически не реализуются. Хотя, как показывает статистика, на Китай приходится 3% мировых продаж бриллиантов (336 млн. дол.).

Объем ювелирного внутреннего рынка оценивается экспертами в 9,7 млрд. долл., из которых на долю ювелирных изделий с бриллиантами приходится по разным оценкам от 763 млн. долл. (7,8%) до 979 млн. долл. По прогнозам, к 2010 г. он увеличится до 22 млрд. долл., т. е. в среднем темпы роста превышают 6% в год, а степень насыщения крайне низка (в среднем только 9% китайских женщин имеют ювелирное изделие с бриллиантом) [15]. Стоит отметить, что качественные характеристики ювелирных изделий с бриллиантами, продаваемых на внутреннем рынке Китая, не отличаются высокими показателями. Так, средняя стоимость ювелирного изделия с бриллиантами составляет всего 547 долл., да и средняя масса камня в этом изделии небольшая – 0,23 кар. (минимальное значение

из всех участников АБ рынка). В стране насчитывается 25 000 компаний, специализирующихся на производстве ювелирных изделий и обработке драгоценных и поделочных камней, на которых работает более 3,5 млн. человек. Из этого количества 18% составляют производители изделий из золота и платины, которые обеспечивают работой около 500 000 человек. Основные объемы производства и продаж ювелирных изделий с бриллиантами сконцентрированы в восточных провинциях страны – в городах Шанхай (ювелирные изделия с бриллиантами самых известных брендов производятся именно здесь – Lao Miao, Diamend, Shanghai City Temple, Caohonji), Пекин, Гуаньчжоу, Далянь, Шэньчжень, Харбин, Ханчжоу, Нинбо, Чэнду, Тяньцзинь.

Большую роль в общем развитии экономики Китая, да и АБК в частности, играют свободные экономические зоны (СЭЗ), которые интегрируют страну в мировое хозяйство не только за счет развития внешней торговли, но и за счет привлечения в страну зарубежных инвестиций. Это происходит благодаря наличию здесь особых льготных условий для предпринимателей (льготы таможенного, арендного, валютного, визового, трудового режима и др.). Более того, достижению этой цели способствуют особые административные районы Сянган (Гонконг) и Макао (Аомынь), вошедшие в состав страны на специальных условиях и мобилизующие финансовые возможности китайской эмиграции. Так, более 70% ювелирных компаний Гонконга перевели свои предприятия в Шэньчженьскую СЭЗ в г. Пэнью (провинция Гуаньдунь), т. е. себестоимость производства в Китае значительно ниже, чем в Гонконге.

Таким образом, можно выделить несколько особенностей развития АБК в Китае. Во-первых, это отсутствие в стране традиции производства и потребления бриллиантов и ювелирных изделий с бриллиантами. Во-вторых, притягательность его для мировых производителей продукции АБК наличием дешевой рабочей силы, обладающей позитивной трудовой этикой и режимом СЭЗ. В-третьих, потенциально емкий, ненасыщенный постоянно растущий внутренний рынок.

Таиланд – один из самых молодых и перспективных участников алмазно-бриллиантового рынка мира. Его значимость определяется, прежде всего, низкой себестоимостью производства (дешевая рабочая сила в сочетании с позитивной трудовой этикой) и наличием

традиционных навыков работы с драгоценными камнями и металлами. Перечисленные особенности способствовали превращению страны в интенсивно развивающийся центр производства бриллиантов и ювелирных изделий с бриллиантами.

Основой гранильной отрасли страны является импорт алмазов, который в 2003 г. достиг 500 млн. долл. Алмазное сырье большей частью ввозится из Израиля – 54% (его доля постоянно растет) и Бельгии – 19% (ее доля сокращается). В последнее время укрепляются позиции ДРК (14%) и России (7%) как источников сырья [30, 31]. Доля De Beers в прямых поставках крайне незначительна (на Великобританию приходится около 6% импорта). Только одна компания страны является сайтхолдером мирового монополиста – Premier Diamond Cutting Ltd. [18].

Алмазы обрабатываются на 30 гранильных предприятиях страны, в деятельности которых принимает участие более 7 000 работающих [31]. Ежегодно гранильная отрасль Таиланда вместе с другими странами ЮВА производит бриллиантов на сумму более 1,1 млн. долл. [33]. В связи с неразвитостью внутреннего рынка – в стране потребляется бриллиантов всего на сумму 95 млн. долл. [13] – большая их часть (на сумму 600 млн. долл.) направляется на экспорт [31]. При этом страны, закупающие бриллианты у Таиланда, нельзя считать их непосредственными потребителями (Бельгия – 52% экспорта, Израиль – 29%, Гонконг – 9%).

Компании этих государств занимаются дальнейшей перепродажей дешевых и качественных тайских камней. Из непосредственных потребителей можно назвать только Японию, на которую приходится около 4% экспорта. Наиболее активно «продвигают» бриллианты на

мировом рынке такие фирмы Таиланда, как Diamdel (Thai) Ltd., Glorious Gems Co. Ltd., Lotus Diagems Inc., Sunrise Diamond MFG Co. Ltd.

Местная гранильная промышленность не только формирует «бриллиантовый» имидж государства но и полностью обеспечивает потребности ювелирной промышленности в сырье. Ведь ювелирные изделия с бриллиантами, продаваемые на внутреннем рынке, отличаются хорошим качеством: средняя стоимость такого изделия – 717 долл. (выше, чем в США, Китае, Индии), а средний вес камня в таком украшении выделяется лучшими мировыми показателями – 0,87 кар. [15].

Однако, как и в случае с гранильной отраслью, в связи с неразвитостью внутреннего рынка (в стране потребляется ювелирных изделий с бриллиантами на сумму 189 млн. долл. – 19 место в мире) большая часть продукции продается за рубежом. Приоритетными для страны являются рынки Китая, Гонконга Японии.

Поскольку гранильное и ювелирное производства – отрасли международной специализации Таиланда, правительство старается создать для них благоприятные условия функционирования. Это выражается и в формировании льготных налогового и таможенного режимов, и в создании специализированных СЭЗ (Gemopolis в пригороде Бангкока), и в деятельном участии государственных структур в данном секторе экономики (Департамент по развитию экспорта, Министерство науки, технологии и окружающей среды, Геммологический институт Таиланда).

Сами производители также объединяются в организации для более успешного ведения ювелирного бизнеса (Ассоциация продавцов драгоценных камней и ювелирных изделий, Ювелирный клуб, алмазная биржа и т. д.).

Гонконг С юридической точки зрения эту территорию нельзя рассматривать как независимое государство т. к. с 1997 г. она была передана Великобритании и в состав Китая. Однако условия ее передачи предполагают сохранение за Гонконгом в течение еще 50 лет своей социально-экономической административной, правовой (в частности законодательство о компаниях), судебной и финансовой (включая налогообложение и отсутствие валютного контроля) систем, а также возможность пользоваться автономией во всех сферах, кроме обороны

и внешней политики. Перечисленные особенности были закреплены в названии территории – Особый административный район Сянган в составе КНР. Более того, являясь крупным портом, Гонконг имеет статус оффшорной зоны, предусматривающий отсутствие таможенных пошлин на импортируемые товары (за исключением табака и спиртных напитков). Все названные нюансы развития в совокупности с достаточно малой емкостью внутреннего рынка определили специализацию Гонконга на посреднических функциях (чего только стоит экс-

портная квота территории – 125%, лишь у Сингапура этот показатель еще выше – 150%). Таким образом, Гонконг стал своего рода «южными воротами Китая» – через него проходит транзитом до 40% экспорта и более 60% импорта капитала КНР.

Поэтому место Гонконга в АБК мира также определяется его посреднической ролью. Основой АБК территории является импорт алмазного сырья, по которому район занимает 4-е место в мире (2,5 млрд. долл. – 12% мирового импорта). При этом реэкспортируется алмазов довольно небольшое количество – всего на сумму 94 млн. долл. Предполагается, что оставшееся на внутреннем рынке алмазное сырье (на сумму 2385 млн. долл.) там же и обрабатывается. Однако в Гонконге сегодня не производится бриллианты невыгодно в силу высоких зарплат местного населения, высокой стоимости недвижимости, больших затрат на транспортировку грузов. По всей видимости, алмазы дальше поступают на обработку в Китай и Индию, которые специализируются на производстве бриллиантов, будучи ограничены в сырьевой базе. Более того, производство бриллиантов на территории других стран осуществляется компаниями Гонконга (поэтому, возможно, экспортные потоки алмазов не фиксируются статистикой). В результате южная провинция Китая Гуаньдунь, непосредственно граничащая с рассматриваемой территорией, а точнее Шэньчженьская СЭЗ, расположенная на ее территории стали основным «прибежищем» гранильных компаний Гонконга (в особенности Пэнью – пригород Гуаньчжоу). Наиболее известные компании Гонконга, занимающиеся производством и торговлей бриллиантами на мировом рынке – Brilliant Trading Co., Continental Jewellery (MFG) Ltd., Dalumi Hong Kong Ltd., Deckwell Gold Ltd., Dehres International Limited, Diasqua International Ltd., Dynamic International, East Arts Jewelry Manufactory Limited, Full Oriental Ltd., Hini Star, Tasaki Shinju (HK) Ltd., Universal Jewellery Co., Ltd., Wing Cheong Jewellery & Jade (MFY) Co. Ltd., Wing Hang Diamond Company Limited [2, 3, 9, 18, 19, 20, 21].

Схожие процессы происходят в ювелирной промышленности территории. Тем более, ей приходится конкурировать с хорошо развитой ювелирной промышленностью соседнего Таиланда. Устоять в этой борьбе помогает не только миграция компаний в места с дешевой рабочей силой, но и отличное техническое

оснащение и постоянная работа в области создания нового оборудования для отрасли. Уровень развития ювелирной отрасли Гонконга достаточно высок – по потреблению бриллиантов он занимает 6-е место в мире (4%), что в стоимостном выражении составляет 491 млн. долл. Здесь производится продукция преимущественно средней и высшей ценовой групп, отличающаяся высоким качеством. Так, средняя стоимость ювелирного изделия с бриллиантами, продаваемого на внутреннем рынке – 1249 долл. (вторая позиция после Тайваня), да и средний вес бриллианта в изделии один из самых высоких в мире – 0,49 кар. (вторая позиция, после Таиланда) [15].

По потреблению ювелирных изделий с бриллиантами Гонконг занимает 10-е место в мире (1,3%), это составляет 771 млн. долл. [13]. Однако в связи с недостаточной емкостью местного рынка, объемы экспорта превышают внутреннее потребление (более чем в 2,5 раза – 1905 млн. долл.). Более того, темпы роста объемов экспорта произведенной продукции очень высоки – за десятилетие они превысили 300%. Да и вообще, экспорт ювелирных изделий можно считать краеугольным камнем всей ювелирной промышленности Гонконга (по объему экспортных операций территория занимает 3-е место в мире после Италии и Великобритании). Основным рынком сбыта ювелирных изделий для рассматриваемой территории является США, на который приходится более 50% экспорта. На этом направлении работают такие ювелирные и торговые компании Гонконга, как Polaris, Deckwell Gold, Belford, Buildview и т.д. Второй по значимости рынок сбыта – Европа (21% экспорта). При этом наиболее важные партнеры в регионе – Великобритания (7% всего экспорта ювелирных изделий), ФРГ (5%), Швейцария (4%), Франция (3%), Италия (2%). Это направление наиболее предпочтительно для компаний Zola, Jace Group и т.д. Главным внутрирегиональным рынком сбыта можно считать Японию (7% экспорта).

Иллюстрируя специализацию данной территории на предоставлении посреднических услуг в торговле продукцией АБК, стоит особо выделить показатели душевого потребления бриллиантов и ювелирных изделий с бриллиантами – 70 долл./душ. и 110 долл./душ., соответственно [13, 36]. По приведенным величинам Гонконг занимает традиционно второе место в мире (после стран Персидского залива), опережая таких мощных потребителей, как США, Япония и Италия.

Очевидно, что при отсутствии емкого внутреннего рынка, такие позиции могут свидетельствовать только о выполнении территории посреднической функции.

Для содействия развитию ювелирной отрасли в Гонконге создан ряд отраслевых организаций – Совет по развитию промышленности Гонконга, Ассоциация ювелиров Гонконга, центр промышленных технологий Гонконга.

Страны Юго-Западной Азии (преимущественно государства Персидского залива и Турция) всегда удачно использовали особенности своего экономико-географического положения (ЭГП) для повышения уровня социально-экономического развития. Более того, ЭГП территории всегда влияло на их международную специализацию. Так, выгодное транспортно-географическое положение региона на пересечении морских и сухопутных торговых путей из Азии в Европу еще в средние века сформировало у местного населения посреднические функции, направленные на обслуживание этих путей. На современном этапе развития экономика стран региона, безусловно, базируется на использовании природных ресурсов (нефти, рекреационных ресурсов). Однако интенсивное вовлечение их в мировую торговлю требует посреднических навыков населения по социальному сервису, а также обслуживанию морского транспорта, торговых сделок, финансовых операций и условий их проведения. Поэтому в регионе созданы льготные налоговые, таможенные, законодательные режимы, способствующие развитию торговли (в том числе и драгоценными металлами, камнями и ювелирными изделиями из них). Более того, опасаясь негативных последствий зависимости экономики стран от экспорта нефти, правительства государств пытаются диверсифицировать национальную экономику, следствием чего является в том числе и стимулирование развития собственной ювелирной промышленности и торговли ювелирными изделиями. На регион приходится 7% мировых продаж бриллиантов (998 млн. долл.) и 4% мировых продаж ювелирных изделий с бриллиантами (2 182 млн. долл.).

Особое место в Юго-Западной Азии принадлежит странам Персидского залива, которые реализуют свое желание активно участвовать в мировой торговле через создание СЭЗ. В ОАЭ они расположены в районах девяти крупных портов, самая важная – Джебель Али (г. Ду-

баи). Она играет роль своеобразных ворот арабского мира (2 300 иностранных компаний, 1 млрд. долл. иностранных инвестиций), благодаря ей, Дубай сегодня играет ведущую роль в региональном и международном управлении СЭЗ. По действующему законодательству в СЭЗ разрешена работа компаний со 100% иностранным капиталом, на 15 лет они освобождаются от всех импортных пошлин и корпоративного налога. В СЭЗ отсутствуют ограничения на 100% перемещение капитала и прибыли, оказывается поддержка со стороны руководства, сроки получения лицензий минимальны. Владельцы иностранных компаний и их служащие также имеют свободный доступ к рабочим визам и к визам на проживание. Перечисленные особенности функционирования СЭЗ были использованы для стимулирования торговых операций с драгоценными металлами и камнями. Это вылилось в создание специализированного торгово-промышленного парка в рамках Джебель Али – «парк золота и бриллиантов» в 2001 г. В 2003 г. на территории парка уже действовало 118 производителей и 30 розничных торговцев. Стоит отметить, что льготы на продажу золотых ювелирных изделий характерны не только для СЭЗ, они присутствуют на всей территории страны (изделия из золота не облагаются налогом на импорт и НДС, а в свою очередь, большой объем их продаж позволяет удерживать цены на небольшой высоте) [7].

Следствие этих усилий – значительное место региона в мировом АБК. Во-первых, страны Персидского залива занимают традиционно первое место в мире по душевому потреблению бриллиантов и ювелирных изделий с бриллиантами – 302 долл./душ. и 660 долл./душ., соответственно (приведенные величины превышают аналогичные показатели США в 12 и 6 раз, соответственно). Во-вторых, рассматриваемые государства занимают третье место в мире (после США и Японии) по продажам бриллиантов и четвертое место (после США, Японии, Италии) по продажам ювелирных изделий бриллиантами (6% и 3%, соответственно). В-третьих, на них приходится 16% продаж бриллиантов и 11% продаж ювелирных изделий с бриллиантами в Азии (только доля Японии выше). При этом за счет названных торговых потоков удовлетворяются как внутренние потребности стран региона, так и потребности мирового рынка. В-четвертых, ежегодный рост продаж ювелирных изделий с бриллиантами в этой категории стран находится на уровне 8%

(максимальные темпы роста в мире). В-пятых, доля бриллиантов в общем объеме продаж ювелирных изделий составляет здесь 46% – один из самых высоких мировых показателей [13, 36]. Большинство приведенных аспектов деятельности стран Персидского залива отлично иллюстрирует сильные позиции региона в посреднической деятельности в рамках АБК.

Таким образом, можно сказать, что для мирового АБК страны Персидского залива притягательны, в первую очередь, своими посредническими функциями. Так, ОАЭ активно участвует в торговых операциях с драгоценными камнями, проводимыми США (около 1% экспорта алмазов, 1% импорта бриллиантов, 2% экспорта бриллиантов США приходится на ОАЭ); Бельгией (3% экспорта алмазов и 3% экспорта бриллиантов страны приходится на ОАЭ); Индией (5% импорта алмазов, 9% экспорта бриллиантов, 8% экспорта ювелирных изделий с бриллиантами страны приходится на ОАЭ) [29]. Значимость региона для мирового АБК определяется еще и развитыми ювелирными потребностями местного населения. Исследователи ювелирного спроса в стране делают разные выводы. Однако все они отмечают повышенный спрос на ювелирные изделия европейского дизайна из белого и желтого золота 750°, платины с цветными драгоценными камнями и бриллиантами. У богатых семей стабилен спрос на очень дорогие украшения, содержащие 50–70 кар. бриллиантов. Они поку-

паются обычно к свадьбе (предпочтительны полные гарнитуры для невест: кольцо, браслет, ожерелье, серьги). К бриллиантам предъявляются высокие требования: цвет D-H, чистота F-VVS. Как и в большинстве стран мира, ювелирная торговля здесь носит сезонный характер: пик продаж в Дубаи приходится на период с мая по июль, поскольку это время является сезоном свадеб. К тому же одна из особенностей местного рынка – молодость потенциальных потребителей ювелирных изделий, возраст которых составляет от 15 до 23 лет. За три месяца «сезона свадеб» компании продают до 40% от годового объема.

На данном этапе политика правительства в ювелирном секторе направлена на привлечение и увеличение продаж продукции известных брендов. Однако здесь по-прежнему много товаров, не отвечающих качеству заявленному производителем, либо вообще без отметок о качестве.

Подводя итог проведенному исследованию можно сказать, что «развивающиеся страны» постепенно вытесняют «развитые страны» с лидерских позиций в мировом АБК. Безусловно, наиболее отчетливо эта тенденция прослеживается в выполнении производственной посреднической функций. Однако высокие темпы развития определенной части рассматриваемой группы стран в сочетании с благоприятной демографической ситуацией превращают их и в хороших потребителей.

1. Кириллин А.Д., Кириллин А.О., Кириллин Г.А. Мировой алмазный рынок. – М.: Акционерная компания «Алроса», 1999.
2. Кордобовская М. Эльдorado. Что дает мировому ювелирному сообществу новый статус Гонконга // Ювелирное обозрение. — 2001. — № 8.
3. Кордобовская М. Континентальный Китай — открытие границ // Ювелирное обозрение. — 2001. — № 12.
4. Литвинова Е. Ювелирный рынок Китая // Ювелир Информ. — 2004. — № 1.
5. Минеральные ресурсы мира. Конъюнктура мировых рынков сырья: Статистический справочник. — М.: МПР РФ, ФГУНПП «Аэрогеология», ИАЦ «Минерал», 2003.
6. Минеральные ресурсы мира на 1.01.2002 года: Статистический справочник. — М.: МПР РФ, ФГУНПП «Аэрогеология», ИАЦ «Минерал», 2003.
7. ОАЭ. Вечная магия желтого цвета // Ювелирное обозрение. — 2001. — № 9.
8. Тесленко В.В. Организация торговли драгоценными камнями: Прикладное пособие. — М.: ИНФА-М, 1997.
9. Шкарина В. Южные ворота Китая // Ювелирное обозрение. — 2002. — № 1.
10. Шкарина В. Там, где начинается новый день // Ювелирное обозрение. — 2003. — № 1.
11. Шкарина В. Ювелирные рынки мира: проблемы, тенденции, перспективы // Ювелирное обозрение. — 2004. — № 2.
12. Шкарина В. Ювелирные рынки мира: проблемы, тенденции, перспективы // Ювелирное обозрение. — 2004. — № 4.
13. 2002 Diamond Jewelry Retail Value // Diamond Intelligence Briefs — 2003. — № 381.
14. Asia Pacific Marketing Highlights // Jewellery News Asia. — 2003. — № 11.

15. China Diamond Jewelry Market // Diamond Intelligence Briefs. — 2002. — № 366.
 16. Changes in Thailand's Diamond Cutting Industry // Jewellery News Asia. — 2003. — 20th Anniversary Special.
 17. Despite SARS, HK Continues Growth // Jewellery News Asia. — 2003. — №11.
 18. Directory of Diamond Trading Company Sightholders. 2004/2005. — England: DTC Limited, 2004. — 120 p.
 19. Hong Kong Diamond Report // Jewellery News Asia. — 2004. — № 4.
 20. HKJMA Proposes World-class Wholesale and Retail Centre // Jewellery News Asia. — 2003. — № 12.
 21. Hong Kong Trade Group to Lead Delegation to Russia in May // Jewellery News Asia. — 2004. — № 4.
 22. How China Developed into a Leading Jewellery Market // Jewellery News Asia. — 2003. — 20th Anniversary Special.
 23. India Diamond Statistics // Rapaport Diamond Report. — 2004. — № 5.
 24. Indian Statistics // Diamond Intelligence Briefs. — 2004. — № 414.
 25. Indian Rough Exports // Diamond Intelligence Briefs. — 2004, 2003.
 26. Indian Council Announces Top Diamond Exporters // Jewellery News Asia. — 2004. — № 2.
 27. India's Polished Exports // IDEX Magazine. — 2003. — № 163.
 28. Indian Diamond Statistics (<http://www.gje>)
 29. Rough imports / Polished imports / Polished Exports // Rapaport Diamond Report. — 2000, 2001, 2002, 2003, 2004.
 30. Thailand diamond statistics // Rapaport Diamond Report. — 2003. — № 7.
 31. Thailand Diamond Report // Jewellery News Asia. — 2003. — № 10.
 32. Total Exports of Jewellery // JE (Jewellery Express) Hong Kongs: Winter 2003 / Spring 2004.
 33. Tacys 2003 Diamond Pipeline // Diamond Intelligence Briefs. — 2004. — № 409.
 34. World Rough Diamond Statistics - 2002 // Rapaport Diamond Report. — 2004. — № 1.
 35. ИЦ Минерал (<http://www.mineral.ru>)
 36. Мировой банк (<http://www.worldbank.org>)
-

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

□.□□□ □□□□□
(□.□□□□□□)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИСЛАМСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ

Silantieva R.A.

TERRITORIAL ORGANIZATION OF ISLAM ASSOCIATION IN RUSSIA

The Islam association is the integral part of ethno-confessional population structure in the Russian Federation. Territorial organization of the Islam association on the state scale impacts much the features of geopolitical situation and regional development. Moscow, being the political center of the country, plays a very important role in the territorial organization of the Islam association. The necessity of taking into account the "Islam factor" is obvious, it will impact the stabilization of the Russian society and will prove the stable development of it. Undoubtedly, the Russian population is interested in it, irrespective of ethnical and confessional points of view.

По результатам последней переписи населения, проведенной в 2002 г., численность всех этнических мусульман как граждан, так и неграждан России, составляет 14,4 млн. чел., т. е. 10% населения страны. Этническими мусульманами принято считать все народы тюркской языковой группы за исключением чувашей, якутов, хакасов, кряшен и алтайцев, а также все народы Северокавказской языковой семьи за исключением абхазов. Вследствие трудностей определения этносов и субэтносов трудно подсчитать точную численность мусульманских народов России. Однако известно, что крупнейшими из них являются татары (5,5 млн. чел.), башкиры (1,6 млн. чел.), чеченцы (1,3 млн. чел.), аварцы (0,8 млн. чел.), казахи (0,65 млн. чел.) и азербайджанцы (0,6 млн. чел.). По данным большинства мусульманских лидеров, только среди граждан нашей страны численность мусульман достигает 20 млн. человек, причем некоторыми муфтиями и исламоведами называются цифры в 25, 35 и даже 45 миллионов человек. По данным социологических опросов, доля мусульман в российском обществе колеблется от 2% до 7%, что в среднем составляет около 7 млн. человек.

Таким образом, можно констатировать, что точная численность российской уммы (с арабского «умма» – община) пока неизвестна и может быть определена только посредством включения в опросные листы следующей переписи пункта о вероисповедной принадлежности. Автор придерживается мнения, что данные переписи населения 2002 г. позволили определить верхний предел численности российской уммы, в то время как реально ислам в России исповедуют 11–12 млн. человек. Впрочем, эти оценочные данные являются слишком субъективными, чтобы на их основании описывать происходящие в российской умме процессы, поэтому за численность российского мусульманского общества здесь принимается цифра в 14,4 млн. человек. Следовательно, все этнические мусульмане могут считаться реальными приверженцами исламской религии. При этом среди осетин доля мусульман определяется в 20%; из числа татар исключаются этнически православные кряшены и нагайбаки.

По своему религиозному составу российские мусульмане делятся на две основные группы: суннитов ханафитского мазхаба, к которым относятся татары, башкиры, казахи, карачаевцы,

балкарцы, кабардинцы, черкесы, адыги, абазинцы, ногойцы, исламизированные осетины, около трети азербайджанцев и народы Средней Азии за исключением малочисленных припамирских таджиков и суннитов шафиитского мазхаба, которыми являются чеченцы, ингуши и большинство народов Дагестана. К этим религиозным группам принадлежат соответственно 66% и 30% российских мусульман. Среди этнических ханафитов и шафиитов встречаются приверженцы ханбалитского мазхаба, а также отрицающего мазхабы салафитского течения, обычно именуемого ваххабизмом. По усредненным оценкам, эти религиозные направления исповедует приблизительно каждый пятидесятый российский мусульманин.

Среди мусульман Дагестана, Чечни и Ингушетии весьма популярны суфийские тарикаты накшбандийя, кадийрийя и шазилийя, которые в последнее время стараются распространить свое влияние и за пределы этих регионов. Среди мусульман Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и других крупных городов встречаются последователи нетрадиционных для страны тарикатов, самым известным из которых является братство нимталамухийя.

Две трети российских азербайджанцев исповедуют шиизм джафаритского толка, что составляет 3% российских мусульман. Среди припамирских таджиков также много шиитов-исмаилитов.

Российские мусульмане расселены очень неравномерно, поскольку исторически были сосредоточены лишь в нескольких регионах. В настоящее время они распространились по всей стране, однако почти не образовали новых мест компактного проживания. Этнические мусульмане составляют большинство населения в семи субъектах Российской Федерации: Чечне, Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Башкортостане и Татарстане. В целом же двадцатка самых исламизированных регионов нашей страны выглядит следующим образом:

1. Республика Ингушетия – 98%
2. Чечня – 96%
3. Дагестан – 94%
4. Кабардино-Балкария – 70%
5. Карачаево-Черкесия – 63%
6. Башкортостан – 54,5%
7. Татарстан – 54%
8. Адыгея – 27%
9. Астраханская область – 26%
10. Северная Осетия – 21%
11. Оренбургская область – 16,7%

12. Ханты-Мансийский АО – 15%
13. Ульяновская область – 13%
14. Челябинская область – 12%
15. Ямало-Ненецкий АО – 11,5%
16. Тюменская область – 10,5%
17. Калмыкия – 10%
18. Удмуртская Республика – 7,6%
19. Республика Алтай – 7,4%
20. Ставропольский край – 7%

В то же время регионы с самыми крупными региональными уммами распределяются несколько иначе по численности мусульман (данные приведены в тыс. чел.): Дагестан (2430), Башкортостан (2234), Татарстан (2040), Чечня (1058), Кабардино-Балкария (535), Ингушетия (458), Челябинская область (425), Москва (410), Оренбургская область (365), Карачаево-Черкесия (276), Астраханская область (260), Свердловская область (236), Ханты-Мансийский АО (216), Пермский край (192), Ставропольский край (190), Саратовская область (185), Самарская область (183), Ульяновская область (180), Северная Осетия (150), Тюменская область (140).

Показательно, что почти половина всех мусульман России проживает в республиках Дагестан, Татарстан и Башкортостан. Именно эти региональные сообщества мусульман в совокупности с московской и чеченской уммами и определяют лицо российского ислама.

Другими показателями активности исламской жизни в регионах являются данные Министерства юстиции РФ о количестве зарегистрированных мусульманских общин и их доли от числа всех зарегистрированных. Здесь и далее автор использует данные по составу и количеству религиозных организаций, содержащиеся в реестре Министерства юстиции на 1 января 2004 г.; данные региональных управлений Министерства юстиции; сведения, предоставленные мусульманскими централизованными организациями.

На начало 2004 г. в России было зарегистрировано 3537 мусульманских организаций (централизованных структур учебных заведений и отдельных общин), что составляет 16,3% всех религиозных организаций страны. По регионам доля мусульманских организаций от числа всех зарегистрированных распределяется в следующем порядке:

1. Чеченская Республика – 98%
2. Республика Дагестан – 96,5%
3. Республика Ингушетия – 96%

4. Республика Татарстан – 76,5%
5. Карачаево-Черкесская Республика – 74%
6. Кабардино-Балкарская Республика – 69%
7. Республика Башкортостан – 64,1%
8. Ульяновская область – 40%
9. Тюменская область – 39%
10. Оренбургская область – 37%
11. Астраханская область – 29,5%
12. Курганская область – 28%
13. Челябинская область – 26%
14. Адыгея – 23,8%
15. ЯНАО – 23%
16. Северная Осетия – 20,1%
17. Пензенская – 20%
18. ХМАО – 19,8%
19. Пермский край – 19,5%
20. Самарская область – 18,5%

Численность мусульманских организаций по регионам составляет:

1. Республика Татарстан – 986
2. Республика Дагестан – 612
3. Республика Башкортостан – 426
4. Оренбургская область – 132
5. Ульяновская область – 106
6. Кабардино-Балкарская Республика – 105
7. Карачаево-Черкесская Республика – 103
8. Тюменская область – 87
9. Самарская область – 80
10. Пермский край – 77
11. Челябинская область – 68
12. Пензенская – 65
13. Нижегородская область – 63
14. Курганская область – 43
15. Астраханская область – 40
16. Чеченская Республика – 38
17. Свердловская область – 36
18. Республика Мордовия – 34
19. Омская область – 33
20. Саратовская область – 26

С точки зрения территориальной организации изучаемого сообщества, мусульман России можно объединить по этническому и географическому признаку в четыре группы: поволжскую (или татаро-башкирскую), кавказскую, среднеазиатскую и внешнюю.

К первой группе относятся самые крупные тюркские народы страны (татары, башкиры и казахи), которые формируют крупнейшее по численности и занимаемому ареалу межрегиональное мусульманское сообщество России – Поволжскую умму. Это сообщество выглядит самым моноэтническим – почти две трети его

членов составляют представители одного народа (татары) – и самым монорелигиозным – абсолютное большинство относящихся к нему мусульман исповедуют суннизм ханафитского мазхаба. По своей религиозности мусульмане Поволжской уммы, правда, уступают единоверцам из других межрегиональных сообществ.

К Поволжской умме принадлежат 55% (ок. 7890 тыс.) российских мусульман. В ее ареал входят все регионы Приволжского, Уральского и Сибирского федеральных округов, Астраханская и Волгоградская области Южного федерального округа. В регионах Центрального, Северо-Западного и Дальневосточного округов татары, башкиры и казахи также составляют большинство мусульман, однако их доля колеблется от 44% до 58%, что позволяет считать эти территории зонами конвергенции различных межрегиональных умм. Схожий тип конвергенции наблюдается и в двух регионах Южного федерального округа – Ростовской области и Краснодарском крае, через которые проходит граница зон влияния Поволжской и Кавказской уммы.

В Поволжской умме можно выделить три субцентра или полюса – Казанский, Уфимский и Московский, к которым исторически тяготеет большинство из составляющих ее региональных мусульманских сообществ. На Московский полюс ориентируются уммы Центрального и Северо-Западного округов (за исключением Республики Коми) и Нижегородская области. В зону влияния Казанского полюса входят Республики Татарстан, Удмуртия, Мордовия, Марий Эл, Чувашия, Коми, Кировская, Ульяновская, Самарская и Пензенская области. К Уфимскому полюсу тяготеют сообщества Республики Башкортостан, Оренбургской, Челябинской, Свердловской и Курганской областей, а также Пермского края. Такие регионы как Саратовская, Астраханская, Волгоградская и Тюменская области имеют вполне самостоятельные региональные уммы, в которые не имеют явно выраженных связей с каким-либо из полюсов.

К Кавказской межрегиональной умме принадлежат все мусульманские народы Северного Кавказа, среди которых наиболее крупными являются чеченцы, аварцы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки и ингуши. Это мусульманское сообщество выглядит наиболее пестрым как этнически, так и конфессионально. Более 30 относящихся к нему народов исповедуют

суннизм шафиитского мазхаба (ок. 65%), суннизм ханафитского мазхаба (ок. 30%) и шиизм джафаритского толка (ок. 5%). Среди народов Дагестана, Чечни и Ингушетии получили широкое распространение суфийские тарикаты накшбандийя, кадирийя и шазилийя, приверженцами которых является значительная часть их мусульман. Степень религиозности у мусульман Северного Кавказа довольно высока, однако сильно варьируется в зависимости от этнической принадлежности.

К Кавказской умме относятся 42% российских мусульман (ок. 6055 тыс.), однако ее ареал пока ограничивается 9 регионами Южного федерального округа: Дагестаном, Чечней, Ингушетией, Карачаево-Черкесией, Кабардино-Балкарией, Северной Осетией, Адыгеей, Калмыкией и Ставропольским краем. В то же время Кавказская умма стремительно распространяет свое влияние на новые регионы, что обусловлено высоким уровнем рождаемости и миграционной подвижности ее членов. За последнее десятилетие выходцы Северного Кавказа заметно изменили этнический состав всех крупных и средних городов страны, что позволило им оспорить монополию Поволжской уммы на Дальнем Востоке и в Центральной России.

Третьим по численности межрегиональным мусульманским сообществом является Среднеазиатская умма, к которой относятся в первую очередь узбеки, таджики, киргизы и туркмены. Подавляющее большинство ее членов исповедует суннизм ханафитского мазхаба, хотя среди узбеков и таджиков довольно много сторонников ваххабизма, а значительная часть припамирских таджиков придерживается исмаилизма.

В отличие от народов Поволжской и Кавказской умм, составляющие Среднеазиатскую умму этнические группы не образуют районов компактного проживания в сельской местности, предпочитая оседать в городах. Благодаря своей сплоченности и высокому уровню религиозности выходцы из Узбекистана и Таджикистана зачастую оказывают заметное влияние на жизнь городских мусульманских общин, нередко занимая в них руководящие посты. Положение мигрантов сближает их с мусульманами Северного Кавказа, многие из которых также покинули свои родные села в поисках заработка, либо спасаясь от войны и политической нестабильности.

К Среднеазиатской умме могут быть отнесены 2% (ок. 310 тыс.) российских мусульман

Ни в одном из регионов страны она не доминирует. Однако в Центральном, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах доля представителей Среднеазиатской уммы в 4–6 раз выше, и они составляют заметную часть всех мусульман.

Самой маленькой группой российских мусульман является сообщество арабов, турок, курдов, персов и пуштунов, которое из-за происхождения его членов можно назвать Внешней уммой. Это межрегиональное мусульманское сообщество весьма полиэтнично и поликонфессионально. Однако среди составляющих его народов особую активность проявляют арабы, в большинстве своем – мусульмане-сунниты различных мазхабов.

Благодаря врожденному знанию арабского языка и высокой религиозности арабы часто привлекаются российскими мусульманами как преподаватели основ ислама, словесности и мусульманской культуры, составляя заметную долю преподавателей медресе, а в некоторых регионах они смогли даже занять посты высших духовных лидеров.

К Внешней умме относится 1% (ок. 140 тыс.) российских мусульман. Из-за своей относительной малочисленности члены Внешней уммы не доминируют ни в одном регионе, однако оказывают сильное влияние на жизнь некоторых региональных мусульманских сообществ – так, лидером ДУМ (духовного управления мусульман) Карелии является палестинец Висам Бардвил. Доля этого межрегионального сообщества наиболее велика в Центральном федеральном округе (4%), а также в Северо-Западном и Южном округах (по 1,5%).

Несмотря на присутствие в российском исламе целых четырех межрегиональных исламских сообществ, ход его истории определяется только двумя уммами – Поволжской и Кавказской. Серьезные различия между ними придают российской умме ярко выраженный bipolarный характер и делают маловероятным объединение российских мусульман под единым руководством.

Поволжский центр российской уммы превосходит Кавказский как по количеству ориентирующихся на него мусульман и мусульманских общин, так и по влиянию его духовных лидеров на происходящие в российском исламе процессы, однако это превосходство не выглядит абсолютным. Мусульмане Северного Кавказа объективно обладают большей энергией, чем их единоверцы из Казани и Уфы, и

довольно быстро распространяют свое влияние. Вполне возможно, что уже в ближайшие десять лет ситуация в российском исламе может кардинально измениться в пользу Кавказского центра.

Автором проведено изучение территориальной организации исламского сообщества во всех федеральных округах России. При этом особое внимание в силу социально-политических причин было уделено Центральному федеральному округу (ЦФО).

Мусульманское сообщество ЦФО насчитывает 725 тыс. человек (5% от числа всех российских мусульман), уступая по численности умам Приволжского, Южного и Уральского округов. Вообще ЦФО исламизирован довольно слабо – доля мусульман в его населении в пять раз ниже среднероссийской и составляет только 2%. Мусульмане ЦФО объединены в 50 мусульманских организаций (1,4% от числа всех зарегистрированных в стране), которые входят в три централизованные структуры: Духовное управление мусульман Европейской части России (ДУМЕР), Региональное духовное управление мусульман (ДУМ) Москвы и Московской области в составе Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) и ДУМ Сибири в составе ЦДУМ. Около 10% общин ЦФО действуют автономно.

По своему этническому составу умма ЦФО является конвергентной и объединяет большие группы народов, относящихся в основном к Поволжской и Кавказской умме. Заметную ее часть составляют также народы Средней Азии, турки, арабы и пуштуны. Разделение мусульман ЦФО по группам выглядит следующим образом: Поволжская умма – 44% (319 тыс. чел.), Кавказская умма – 39% (284 тыс. чел.), Среднеазиатская умма 13% (92 тыс. чел.) и Внешняя умма – 4% (30 тыс. чел.). Самыми крупными мусульманскими народами ЦФО являются татары (288 тыс. чел.), азербайджанцы (161 тыс. чел.) и таджики (46 тыс. чел.).

Мусульмане ЦФО расселены преимущественно в городах, однако в ряде регионов образуют также небольшие анклавные в сельской местности. Большая часть мусульман ЦФО сосредоточена в Москве (410 тыс.), которая является одним из полюсов Поволжской уммы и центром притяжения для всех региональных мусульманских сообществ ЦФО. Помимо Москвы, довольно много мусульман проживает в Московской области, которая лидирует среди регионов округа по числу зарегистри-

рованных мусульманских организаций (здесь их 21). В Костромской области в настоящее время действуют три общины, в Рязанской и Тверской областях – по две, во Владимирской, Воронежской, Ивановской, Калужской, Курской, Орловской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Ярославской областях – по одной, в Белгородской, Брянской и Липецкой областях нет ни одной организованной общины. Непосредственно в Москве зарегистрировано 11 мусульманских организаций, не считая централизованных общероссийских.

Своим статусом полюса Поволжской уммы Москва обязана двум факторам. Во-первых, московская Соборная мечеть в советское время была единственным мусульманским храмом на весьма обширной территории и привлекала верующих даже из Поволжья. Во-вторых, идущие в российской умме процессы постепенно переместили центр принятия решений из Уфы, Казани и Махачкалы в столицу страны, где сосредоточились все главные партнеры мусульман со стороны государственной власти. Кроме того, Москва и окружающие ее территории исторически были территорией татар-мишарей, имеющих отличную от казанских татар культуру, соответствующую несколько иное восприятие ислама.

Неотъемлемой частью истории российской столицы является история мусульманской общины, возникшей в Москве вскоре после ее основания. Во времена Золотой Орды доля мусульман в населении города заметно увеличилась, и они стали заселять целые кварталы, крупнейшим из которых стала Татарская слобода в Замоскворечье. В 1782 г. в Москве появилась первая деревянная мечеть, а в 1823 г. в Татарской слободе в награду за доблесть, проявленную татарскими и башкирскими полками в Отечественной войне 1812 г., была построена большая каменная мечеть, впоследствии названная Исторической.

В 1904 г. на средства богатого татарского купца Салиха Ерзина в столице открылась вторая каменная мечеть, получившая статус Соборной. В советское время ей удалось избежать закрытия, в то время как в Исторической мечети были размещены различные учреждения.

Долгое время московская Соборная мечеть оставалась единственным мусульманским храмом на весьма обширной территории. В нее стекались не только столичные мусульмане, но и их единоверцы со всей Центральной России, Украины, Белоруссии и Прибалтики.

Присутствие в Москве посольств мусульманских стран не только спасало Соборную мечеть от закрытия, но и позволяло ее имамам и прихожанам часто общаться со своими зарубежными единоверцам, порой самого высокого ранга. Вообще по своей значимости для ДУМЕС московская Соборная мечеть вряд ли уступала Уфимской, и поэтому в нее направлялись самые образованные имамы.

В 1987 г. третьим имам-хатыбом московской Соборной мечети был назначен ответственный секретарь и заместитель председателя ДУМЕС Равиль Гайнутдинов (Гайнутдин), близкий родственник муфтия Талгата Таджуддина. Молодой образованный имам-хатыб быстро завоевал любовь прихожани и установил хорошие отношения с властными структурами. В 1988 г. при его деятельном участии под эгидой московской Соборной мечети было открыто медресе «Исмаилийя», ставшее первым мусульманским учебным заведением в РСФСР. Плодотворная деятельность Гайнутдина получила заслуженную оценку президиума ДУМЕС, и в январе 1991 г. он был назначен главой Московского мухтасибата ДУМЕС, в зону ответственности которого относились все центрально-русские регионы.

С 1990 г. мусульманская община Москвы получила возможность начать полноценное восстановление своей религиозной жизни. 24 декабря 1990 г. правительство Москвы вернуло мусульманам здание Исторической мечети, торжественное открытие которой состоялось в мае 1993 г. 5 апреля 1991 г. в Москве по инициативе имам-мухтасиба Равиля Гайнутдина и молодого мусульманского активиста В.В. Медведева был создан Исламский культурный центр (ИКЦ), призванный координировать процессы возрождения ислама в столице. Тогда же мусульманская община Москвы установила тесные связи с посольствами богатых арабских монархий, которые стали главными спонсорами ее структур.

В мае 1994 г. при московской Соборной мечети открылся Высший духовный исламский колледж, преподавательский штат которого был укомплектован в основном выходцами из арабских стран и Турции. В июле того же года увидел свет первый номер газеты «Ислам Минбэре» («Трибуна Ислама»), ставшей официальным печатным органом ДУМЦЕР. При содействии Московского муфтията на радио начала выходить программа об исламе «Рухи Мирас», а на телевидении – программа «Ми-

нарет» (телеканал «Российские университеты») и исламский блок в программе «Ныне» (телеканал «Останкино»). Московский муфтият быстро стал самодостаточной структурой, которая постепенно замыкала на себя основные контакты с властными структурами России и зарубежными мусульманами.

11 мая 1995 г. в Москве началось строительство третьей мечети, призванной стать частью мемориального комплекса на Поклонной горе. Московское правительство пообещало передать ее ДУМЦЕР, которое на этот момент контролировало только московскую Соборную мечеть. В 1994 г. Историческая мечеть стала центром ДУМ «Ассоциация мечетей». 22 августа 1996 г. влиятельный татарский бизнесмен Ряшит Баязитов заложил первый камень в основании четвертой московской мечети, которая была задумана как мусульманская доминанта Духовно-просветительского комплекса традиционных религий в московском районе Отрадное. Одновременно с этим началось строительство небольшой мечети при резиденции иранского посла в Москве на ул. Новаторов.

К лету 1996 г. ДУМЦЕР стало по-настоящему крупным и влиятельным муфтиятом. Вокруг него сплотились практически все мусульманские общины Центральной России и Нижегородской области, а также часть приходов Северо-Западного региона страны, Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев. Вырос авторитет муфтия Равиля Гайнутдина, который начинал рассматриваться как приоритетный партнер федеральной власти. Московский муфтий часто выступал в центральных СМИ, представлял мусульманское сообщество страны на значимых конференциях и сопровождал высших государственных чиновников в их поездках по мусульманским странам. Со временем это позволило ему заявить о себе как о лидере всего исламского сообщества России и выступить инициатором создания новой общероссийской централизованной структуры.

1 июля 1996 г. в административном здании ДУМЕР открылся меджлис ДУМов Российской Федерации, на котором было принято решение создать «добровольное религиозное объединение равноправных и самостоятельных Духовных управлений мусульман» – Совет муфтиев России. Председателем Совета муфтиев, в которой вошли ДУМЦЕР, ДУМ РТ, ДУМ РБ, ДУМ Поволжья, ДУМ Оренбургской области – Бугурусланский муфтият и Региональное

ДУМ Ульяновской области был единогласно избран муфтием Равиль Гайнутдин

Вскоре новая централизованная структура прошла регистрацию и стала обосновывать свои претензии на лидирующее положение в российской умме. Успешная информационная кампания Совета муфтиев, имевшего прямой доступ к центральным СМИ, позволила ему привлечь на свою сторону целый ряд новых муфтиятов, в том числе и большинство северокавказских. Постепенно московская умма стала чувствовать себя центральной не только по географическому положению, но и по влиянию в российском мусульманском обществе.

В начале 1997 г. в Москве открылась первая мечеть Духовно-просветительского комплекса традиционных религий в Отрадном. Первоначально ее предполагалось передать ДУМЦЕР, однако из-за проблем вокруг права собственности мечеть отошла к ЦДУМ. Впоследствии в Отрадном была построена еще одна, азербайджанская, мечеть, которая также перешла под управление ЦДУМ.

6 сентября 1997 г. на Поклонной горе состоялось торжественное открытие Мемориальной мечети, на котором присутствовали президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, мэр Москвы Юрий Лужков и другие высокопоставленные государственные и духовные лидеры. Мусульманское духовенство возглавил муфтий Равиль Гайнутдин 21 апреля 1998 г. московское правительство передало Мемориальную мечеть ДУМЦЕР, что позволило Московскому муфтияту установить контроль над третьей московской мечетью. Из оставшихся трех две подчинились ЦДУМ, а одна находилась в собственности иранского посольства. Впрочем, подавляющее большинство московских мусульман стекалось на молитву в центральные Соборную и Историческую мечети, в то время как Мемориальная, иранская и отрадненские мечети пользовались гораздо меньшей популярностью.

9 декабря 1998 г. в Москве прошел III межцеховой ДУМЦЕР, который подвел итоги его деятельности и поставил вопрос о расширении зоны юрисдикции Московского муфтията. В январе 1999 г. ДУМЦЕР, отпраздновав свое пятилетие, прошел перерегистрацию под названием «ДУМ Европейской части России» (ДУМЕР), тем самым, включив в сферу своего влияния все мусульманские общины к западу от Урала. К этому времени ДУМЦЕР контролировало 93 общины, более половины которых

было сосредоточено в Нижегородской области. После окончания строительства второй мечети в Отрадном новые мусульманские храмы в Москве больше не строились, хотя московский муфтий убеждал городские власти о необходимости землеотвода еще под 20 культовых зданий.

В начале 1999 г. Высший исламский духовный колледж был преобразован в Московский исламский университет, ставший полноценным высшим учебным заведением.

В административном комплексе ДУМЕР площадей для него уже не хватало, поэтому московское правительство передало университету в льготную аренду здание на проезде Кирова (юго-восточная часть города). За год до этого усилиями муфтия Нафигуллы Аширова в Зеленограде был открыт Высший исламский колледж «Расуль акрам», в котором стали обучаться представители мусульманских общин Урала, Сибири и Дальнего Востока. Учебный процесс в этом колледже, просуществовавшем до 2001 г., имел ярко выраженную шиитскую специфику, поскольку осуществлялся иранскими преподавателями при активном участии московского Культурного центра Исламской Республики Иран.

15 декабря 2002 г. в Москве открылось постоянное представительство КЦМСК, которое заняло помещения Ассоциации внешних связей мусульманских организаций на Остоженке. После этого управляющие органы этой организации стали постепенно переезжать в столицу. В мае 2004 г. КЦМСК предало гласности свои планы строительства мечети рядом с Татарским (Мусульманским) кладбищем в районе 2-го Рощинского проезда, которые получили публичную поддержку Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. За год до этого представители азербайджанской диаспоры получили положительный ответ на свой запрос о возможности строительства мечети на шоссе Энтузиастов.

20 июня 2003 г. в Духовно-просветительском комплексе традиционных религий в Отрадном открылся III съезд ДУМ Сибири юрисдикции ЦДУМ, участники которого призвали ЦДУМ и Совет муфтиев России прекратить свою давнюю вражду и совместно выстроить единую вертикаль духовной власти. До этого съезды ДУМ Сибири проводились в Новосибирске или Омске, однако председателю этого муфтията Ряшиту Баязитову оказалось удобнее управлять им из Москвы.

26 мая 2004 г. в Москве прошли масштабные торжества в честь 100-летнего юбилея московской Соборной мечети, в которых приняли участие делегации всех крупнейших мусульманских организаций страны. На следующий день лидеры общин ДУМЕР собрались на его IV меджлис, где с удовлетворением отметили значительный прогресс, достигнутый этой организацией за последние пять лет.

В настоящее время по количеству зарегистрированных мусульманских общин Москва занимает второе место среди регионов ЦФО: численность этнически мусульманского населения региона достигает 400 тыс. человек (1-е место среди регионов ЦФО, 8-е место по стране), а его доля составляет 4% (1-е место среди регионов ЦФО). По своему этническому составу московская умма является типично конвергентной – доля народов Поволжской уммы составляет в ней 45%, Кавказской уммы – 35%, Среднеазиатской уммы – 17% и Внешней уммы – 3%. Самыми крупными этническими группами московской уммы являются татары (166 тыс. чел.) и азербайджанцы (95 тыс. чел.).

В городе зарегистрировано 11 мусульманских организаций (1,7% от числа всех зарегистрированных, 2-е место среди регионов ЦФО). Из них 4 входят в состав ДУМЕР, столько же подчиняются ЦДУМ (через Региональное ДУМ Москвы и Московской области и ДУМ Сибири), а оставшиеся 3 действуют автономно. Каких-либо районов компактного проживания мусульман в Москве сейчас нет. Всего в столице действуют шесть мечетей, а также несколько молельных комнат, в том числе в Бутырской тюрьме.

Вполне закономерно, что Москва стала административным центром мусульманской жизни страны. Помимо изначально расположенного в ней центрального аппарата Совета муфтиев России, в последние несколько лет в столицу стали перемещаться руководящие органы КЦМСК и ЦДУМ. Здесь же находятся головные офисы ДУМАЧР и ДУМ «Ассоциация мечетей России», а также всех общероссийских мусульманских партий, благотворительных и правозащитных организаций.

В Москве находятся ведущие издательства мусульманской литературы «Бадр», «Умма» и «Ансар», а также издаются многие мусульманские газеты. Газета «Ислам Минбэре» – официальный орган ДУМЕР и Совета муфтиев России, считается ведущим печатным СМИ мусульман России. Кроме того, с июня 2002 г.

Совет муфтиев России издает газету для мусульман-воинов «Азан» (в качестве приложения к газете Московского военного округа «Красный воин»), а с мая 2004 г. – богословский журнал «Минарет». При непосредственном участии ДУМЕР и союзных ему организаций осуществляется выпуск основных теле- и радиопрограмм, рассказывающих о жизни российских мусульман.

Главным учебным заведением ДУМЕР остается Московский исламский университет, который можно считать вторым по значимости (после Казанского Российского исламского университета) мусульманским вузом страны. Небольшие средние медресе действуют также при Исторической и Мемориальной мечетях. В начале 2004 г. при содействии Администрации Президента РФ было открыто специальное исламоведческое отделение при Институте стран Азии и Африки МГУ.

Ведущим муфтиятом Москвы и окружающих территорий считается ДУМЕР, внутренняя организация которого позволяет максимально эффективно управлять общинами и взаимодействовать с федеральной и городской властью, зарубежными организациями и другими религиозными традициями. При ДУМЕР действует целый ряд вспомогательных организаций, которые занимаются книгоизданием, благотворительными программами, производством халального мяса, трудоустройством мусульман и соответствующей положению шариата финансовой деятельностью. ДУМЕР единственным из российских муфтиятов утвердил собственные наградные знаки: орден «Аль-Фахр» («Почет») двух степеней и медали «Аль-Фахр», «За духовное единение» и «Шахада».

Исламское сообщество является неотъемлемой составной частью этно-конфессиональной структуры населения Российской Федерации. Территориальная организация исламского сообщества в масштабах страны во многом определяет особенности геополитической ситуации и регионального развития. Учет профессиональных и этно-культурных особенностей населения, и, прежде всего, так называемого «исламского фактора», традиционного в своем ретроспективном проявлении для нашей страны, несомненно, будет способствовать стабилизации российского общества и устойчивому развитию. В этом заинтересовано все население страны независимо от этнической и конфессиональной принадлежности.

ЛЕСОРЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ РОССИИ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Kazmin M.A., Ustinova E.V.

TIMBER RESOURCE POTENTIAL OF RUSSIAN REGIONS AND ITS USE

The data of the mass statistics of the forest fond state registration from 1961 till 2003 have been analyzed in the article. It is under the authority of forestry bodies in the regions and in the whole country. The author paid special attention to forest squares dynamics, pedigree and age structure, production and volumes of timber laying-in. The comparison of information about timber stocks, volume of laying-in in some regions and the analysis of common evolution tendencies in forest economy of the country have allowed fixing them in separate types. Forest policy should be pursued differently in various regions.

Россия является мировым лидером по площади лесов (22%) и запасам древесины (25%), составляющих значительную часть национального богатства страны и выполняющих разнообразные экономические, социальные и экологические функции. В последнее время сложилась негативная тенденция, когда при огромных запасах древесины объемы ее заготовок существенно снизились, что отрицательным образом сказывается на рентабельности отрасли. Данная тенденция имеет разную специфику в регионах страны, отличающихся своими природными и социально-экономическими условиями. Разработка лесной политики применительно к отдельным частям страны должна повысить эффективность использования лесоресурсного потенциала и улучшить состояние отрасли и российской экономики в целом.

Леса в России тянутся сплошной полосой на многие тысячи километров от сосновых лесов Куршской косы на берегах Балтики до березняков Камчатки и ельников северного Сахалина, от скудной карликовой растительности севера Кольского Приполярья до богатейших по видовому составу лесов Причерноморья. Сложившиеся территориальные различия в лесистости отдельных регионов страны обусловлены, прежде всего, природной зональностью. Большая часть лесов России произрастает в суровых климатических условиях (табл. 1, 2). Площадь покрытых лесной растительностью земель к северу от зоны южной тайги составляет 2/3 площади всех лесов России. Макси-

мальная лесистость характерна для зоны средней и южной тайги и составляет 76,4 и 57,6% соответственно. Около половины общей площади лесов России сосредоточено в горных районах Сибири, Дальнего Востока, Кавказа и Урала.

За период с 1961 по 2003 г. площадь основных категорий лесов, изменилась несущественно в основном за счет уточнения границ земельного фонда в процессе лесоустроительных работ (табл. 3). В категорию земель лесного фонда была передана часть сельскохозяйственных угодий, заросших древесно-кустарниковой растительностью. Средний показатель лесистости России за исследуемый период увеличился с 40,8 до 45,4%. В Европейско-Уральском регионе это увеличение связано с сокращением площади рубок, а в Азиатской части – с уточнением границ лесных массивов в процессе инвентаризации земель. Анализ размещения лесов свидетельствует, что 3/4 территории России имеют лесистость более 30%. Именно здесь сосредоточено 94% всех лесов, возможных для эксплуатации, но почти 2/3 этой территории приходится на Азиатскую часть страны, где расположены основные массивы лесов эксплуатационного фонда.

Важной характеристикой лесных площадей является структура их породного состава. Основными лесобразующими породами в России являются хвойные, занимающие почти 80% площади древостоев, мягколиственные – 19% и твердолиственные – 2%. Наибольшую площадь в хвойном хозяйстве имеют насаждения с преобладанием лиственницы, произрастающие

□□□□□□ 1

□□□□□□□□□□ □□□□□ □□□□□ □□□□□ □□ □□□□□□□□ □□□□□ □□□□□ [□□: 5]

Природные зоны	Доля площади зоны от общей площади России, %	Лесистость зоны, %
Полярная пустыня и тундра	11,6	0
Лесотундра и северная тайга	13,7	37,7
Средняя тайга	13	76,4
Южная тайга	14,3	57,6
Лесостепь	7,5	27,5
Степь	4,7	4
Сухая степь	1,3	0
Полупустыня	0,9	0
Горные территории	33	62,7
Россия	100	45,4

□□□□□□ 2

□□□□□□□□□□ □□□□□ □□□□□ □□ □□□□□□□□ □□□□□ □□□□□, % [□□: 5]

Природные зоны	
Полярная пустыня и тундра	—
Лесотундра и северная тайга	11,1
Средняя тайга	21,5
Южная тайга	17,8
Лесостепь	4,4
Степь	0,4
Сухая степь	—
Полупустыня	—
Горные земли	44,8

преимущественно в районах Сибири и Дальнего Востока. Сосновые древостои занимают 23%, а еловые – 15% площади хвойных лесов. Анализ изменения породного состава лесов страны за период с 1990 по 2003 г. показал явную тенденцию смены наиболее продуктивных хвойных и высокоствольных твердолиственных древостоев мягколиственными и низкоствольными твердолиственными породами, имеющими низкий рыночный спрос.

В возрастной структуре лесов России преобладают спелые и перестойные насаждения, занимающие около 43% лесопокрытой площади страны и расположенные в основном в Азиатской части страны. Изучение возрастной структуры лесов показало, что наибольшие изменения произошли в группе наиболее ценных – хвойных пород, где в результате интенсивного лесопользования в период с 1961 по 2003 г. произошло сокращение доли площади спелых

и перестойных древостоев с 70,5 до 49,4%, а доля молодняков выросла более чем в 2 раза.

Природные условия оказывают решающее влияние на продуктивность запасы древесины. Исследования, проведенные специалистами лесного хозяйства, свидетельствуют что оптимальными условиями для произрастания древесной растительности в России располагает лесостепная зона и зона южной тайги, имеющие наибольший годовой прирост и запасы древесины на единицу площади [2]. Ежегодный средний прирост древесины в России в последние годы составляет около 1,2 м³/га, при этом максимальные значения прироста (3–4 м³/га) характерны для подзоны широколиственных лесов Центральной России и субтропических лесов Северного Кавказа.

Основной лесной пояс России расположен севернее лесов США и освоенных лесов Канады и, находясь в более континентальных и экст-

□□□□□□□□ 3

□□□□□□□□ □□□□□□ □□□□□□ □□□□□□ (1961–2003 □□.) [□□: 1, 3, 4]

Категория лесов	Годы учета лесного фонда									Изменения площади	
	1961	1966	1973	1978	1983	1988	1993	1998	2003	2003–1961 гг.	2003 к 1961 г.
Общая площадь земель лесного фонда	Площадь, млн. га									млн. га	%
	1110,6	1105,6	1103,4	1123	1119,7	1095,9	1110,5	1110,6	1132,3	21,7	1,9
Лесные земли	799,1	*	807,3	814,1	819,2	849,6	825,2	823,6	838,1	39	4,9
в т. ч. земли, покрытые лесом	652	657,4	679,1	694,3	708,5	713,6	705,8	718,7	733,1	88,1	12,4
земли, не покрытые лесом	147,1	*	128,2	119,8	110,7	136,1	119,4	104,9	105	-42,1	-28,6
Древостои	608,3	612,5	634,2	646,4	651,9	652,9	638,2	645,9	658,8	50,5	8,3
Кустарники, стланики и пр.	43,7	44,9	44,9	47,8	56,6	60,7	67,6	72,8	74,3	30,6	70

* нет опубликованных данных

ремальных природных условиях, значительно уступаем по продуктивности. Более половины общей площади лесов Сибири и Дальнего Востока произрастают в условиях вечной мерзлоты с древостоями низкой продуктивности (табл. 4). Подобную территориальную закономерность имеют показатели средних запасов древостоев (продуктивности), отличающиеся по регионам России более чем в 5 раз. Наименьшие средние запасы древесины (менее 40 м³/га) характерны для самой северной зоны распространения лесов (Мурманская и Магаданская области, Ненецкий, Таймырский и Чукотский ав-

тономные округа), учитывая, что свыше 40% площади лесов расположен в зоне вечной мерзлоты, где средняя продуктивность не превышает 70–80 м³/га. Максимальные средние запасы древесины (около 200 м³/га) отмечены в регионах южной тайги (Московская, Калужская, Смоленская, Тверская области) и в горных районах Северного Кавказа (Краснодарский край и Республика Адыгея). Сравнивая продуктивность лесов, необходимо отметить, что одно из самых благоприятных мест произрастания лесов в мире находится в западных штатах США, где леса, сформированные из секвойи, дугласовой пихты

□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□ □□□□□ (1961–2003 □□.) [□□: 1, 3, 4]

Категория лесов	Годы учета лесного фонда									Изменения продуктивности лесов	
	1961	1966	1973	1978	1983	1988	1993	1998	2003	2003–1961 гг.	2003 к 1961 г.
Земли, покрытые лесом	Средние запасы древесины, м ³ /га									м ³ /га	%
	113,7	111,8	*	107,6	106,4	104,6	103,5	103,4	104,5	-9,2	-8,1
в т. ч. Дре-востои	120,2	118,2	115,1	113,9	113,7	112,3	112,3	112,7	113,1	-7,1	-5,9
хвойные	128,5	125,4	120	117,8	117,1	114,4	113,6	113,6	113,6	-14,9	-11,6
твердо-листвен-ные	98,8	100	102,1	102,6	102,9	106,5	107,6	109,1	112,6	13,8	14
мягко-листвен-ные	84,5	88,5	94,3	97,7	99	103,3	106,9	109,4	111	26,5	31,4
Кус-тарники, стланики и пр.	22,5	23,4	*	21,9	22,7	22	20,5	21,1	21,1	-1,4	-6,2

* нет опубликованных данных

и хемлока в спелом возрасте имеют средние запасы до 1000–1200 м³/га [6].

В наиболее освоенных регионах России, где имеются благоприятные природные условия для выращивания леса (север и северо-запад Европейской части, Средний и Южный Урал, юг Сибири и Дальнего Востока), древесные ресурсы истощены чрезмерной эксплуатацией в прошлом столетии. В первую очередь были вырублены высокопродуктивные хвойные древостои с высоким классом бонитета, расположенные вдоль основных транспортных магистралей. В Европейской части России на значительной площади произошла нежелательная смена пород, когда вместо ценных хвойных лесов образовались леса из малоценных лиственных пород, главным образом из березы, осины и ольхи серой.

Изменения площади лесов, их породного и возрастного состава привели к сокращению продуктивности древостоев, которая дифференцирована по основным группам пород (см. табл. 4). Анализ показал, что снижение средних запасов произошло в основном за счет хвойных пород, средние запасы которых снизились на 11,6% (с 128,5 до 113,6 м³).

Сравнительное исследование продуктивности лесов отдельных регионов России показало, что самой низкой продуктивностью характеризуются наиболее многолесные регионы России – Север Европейской части страны, Сибирь и Дальний Восток.

Материалы учета лесного фонда страны подтверждают, что общие запасы древесины в России за период с 1961 по 2003 г. почти не

□□□□□□ 5

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □ □□□□□ □□□□□ □□□□□□ (1961–2003 □□.) [□□: 1, 3, 4]

Категория лесов	Годы учета лесного фонда									Изменения запасов древесины	
	1961	1966	1973	1978	1983	1988	1993	1998	2003	2003–1961 гг.	2003 к 1961 г.
Земли, покрытые лесом	Запасы древесины, млрд. м ³									млрд. м ³	%
	74,1	73,5	*	74,7	75,4	74,6	73	74,3	76,1	2	2,7
в т. ч. Древостой	73,1	72,4	73	73,6	74,1	73,3	71,6	72,8	74,5	1,4	1,9
хвойные	62,8	61,2	61	61,2	60,2	114,4	57,7	57,8	58,5	-4,3	-6,8
твердолиственные	1,6	1,6	1,8	1,8	1,8	106,5	1,9	1,9	2,1	0,5	31,2
мягколиственные	8,7	9,6	10,2	10,7	11,3	103,3	12,1	13,1	14	5,3	60,9
Кустарники, стланики и пр.	1	1,1	*	1,1	1,3	1,3	1,4	1,5	1,6	0,6	60

* нет опубликованных данных

изменились (табл. 5). Произошло незначительное сокращение запасов хвойных лесов, что свидетельствует об увеличении площади молодняков, т.е. вырубается наиболее ценные – спелые и продуктивные леса, а восстановление идет за счет малоценных мелколиственных молодняков

Заготовка древесины является традиционным и основным видом лесопользования. Она осуществляется при рубках главного пользования, проводимых в перестойных и спелых лесах. По материалам государственного учета в России на долю лесов, возможных для эксплуатации, приходится около 50% общих запасов древесины (около 40 млрд. м³). Эксплуатационный фонд занимает около 30% площади лесного фонда страны или около 50% площади

покрытой лесной растительностью. Запасы спелой и перестойной древесины в лесах, возможных для эксплуатации, составляют около 23 млрд. м³.

Разрешенный объем ежегодных промышленных рубок или расчетная лесосека, определенная по нормам, обеспечивающим воспроизводство лесных ресурсов, оценивается около 500 млн. м³, в том числе по хвойному хозяйству – около 300 млн. м³. Фактически в последние годы вырубалось около 20% лесосеки, тогда как до 1990 г. этот показатель на протяжении нескольких лет находился на уровне 50% (рис. 1).

Сокращение использования расчетной лесосеки за последние годы позволило предположить, что данная тенденция отражает фактическое исчерпание экономически эффективных

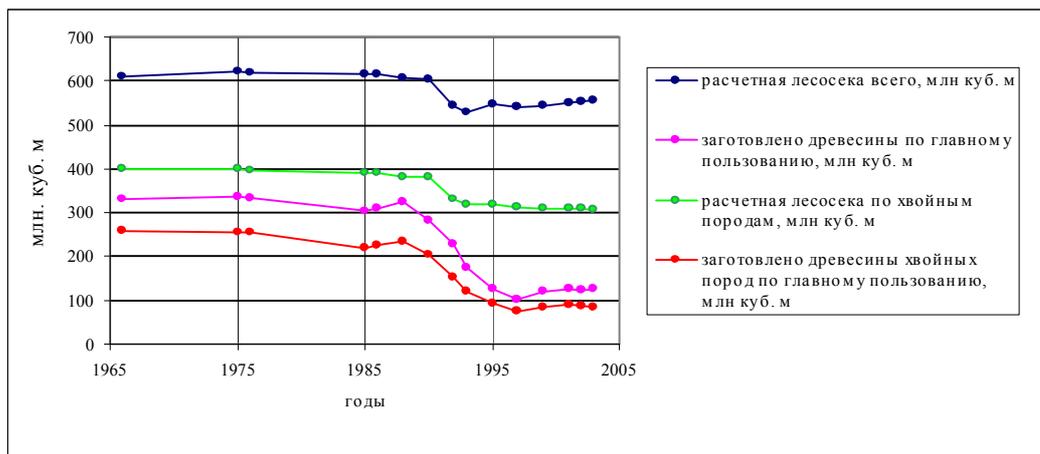

Рис. 1. Динамика лесосеки и заготовки древесины в России (1966–2003 гг.). (млн куб. м)

лесных ресурсов в стране в процессе реализации экстенсивной модели лесопользования.

При среднем относительно низком уровне использования расчетной лесосеки, в отдельных субъектах России, имеющих лучшие возможности экспорта леса, интенсивность лесопользования гораздо выше. Так, в последние годы в приграничных частях Северного, Дальневосточного и Восточно-Сибирского экономических районов этот показатель близок к 70–80%.

Сопоставление запасов и объемов заготовки древесины позволило указать на несоответствие этих показателей в Европейской и Азиатской частях России. Большая часть лесозаготовок сосредоточена в Европейской части страны и на Урале (около 60%), хотя запас спелых и перестойных насаждений в этих регионах составляет всего 22% от общего по России. В силу различных природных условий и транспортной освоенности регионов основной объем лесозаготовок приходится на 30 субъектов России, большая часть которых расположена в приграничных районах Европейского Севера, на юге Сибири и Дальнего Востока.

В процессе оценки лесоресурсного потенциала большое разнообразие показателей было сведено к минимуму критериев, в полной мере отражающих состояние лесного хозяйства страны и дающих возможность провести его комплексную типологию. Лесоресурсно-эксплуатационная типология позволяет определить значение и потенциальные возможности использования лесных ресурсов территории, что имеет принципиально важное значение для сравнительной оценки различных вариантов лесопользования. Типология регионов России

проводилась в два этапа. На первом этапе все субъекты были сгруппированы с учетом показателей, отражающих количество и качество лесных ресурсов: годовой прирост древесины ($\text{м}^3/\text{га}/\text{год}$); запасы спелой и перестойной древесины (млн. м^3).

Прирост древесины – суммарная величина изменения стволового запаса насаждений за один год в среднем за весь период жизни. Этот показатель позволяет сравнить продуктивность лесов региона, отражающую не только хозяйственную ценность лесов, но и выполнение ими экологических и социальных функций. Показатели запасов спелой и перестойной древесины позволяют оценить возможность рубок главного пользования в данном регионе.

На первом этапе основным критерием выделения типов была выбрана продуктивность, в соответствии с которой все леса были поделены на низкопродуктивные (менее $1,6 \text{ м}^3/\text{га}/\text{год}$), средне- и высокопродуктивные (более $1,6 \text{ м}^3/\text{га}/\text{год}$). По второму критерию все регионы были разделены на малоресурсные (с запасами спелой и перестойной древесины до 150 млн. м^3 в каждом), среднересурсные (от 150 до 500 млн. м^3) и многоресурсные (свыше 500 млн. м^3).

На втором этапе учитывалась лесоэксплуатационная активность регионов на основе показателя использования годичного прироста древесины – отношения объемов заготовки древесины к общему среднему приросту древесины за год. В случае использования менее 10% годичного прироста, интенсивность считалась низкой, при 10–20% использования – средней и при более 20% – высокой интенсивностью лесопользования.

В итоге было выделено 10 типов регионов России с разными лесоресурсными характеристиками, которые были объединены в 3 группы (табл. 6, рис. 2).

Группамногоресурсных регионов, относящихся к 2, 3 и 4 типам, занимает большую часть таежной зоны Европейской и Азиатской частей страны. Именно здесь сконцентрирована основная часть общих и эксплуатационных запасов древесины страны (около 80%). Однако в силу природных условий основные массивы лесов имеют низкую продуктивность. Эксплуатационная активность в этой многолесной зоне сильно дифференцирована и определяется в первую очередь близостью к потребителю и уровнем развития инфраструктуры.

На регионы данных типов приходится около половины лесозаготовок страны, что не сопоставимо с ресурсным потенциалом данной территории. Большая часть лесов севера Сибири и Дальнего Востока, имеющая низкую интенсивность использования вследствие их эксплуатационной и транспортной недоступности, по-прежнему будет находиться в зоне промышленного освоения и выполнять преимущественно экологические функции, играя важную роль в регулировании баланса двуокиси углерода.

Малоосвоенные леса таежной зоны Европейской части страны также следует рассматривать как экологический резерв, сохраняющий важное природоохранное значение для всей Европейской части страны.

Освоенные леса севера Европейской части России (4 тип) и южные территории лесной зоны Сибири и Дальнего Востока (2 и 3 типы), имеющие более развитую инфраструктуру и ближе расположенные к потребителю, должны в первую очередь выполнять промышленные функции, являясь основным источником заготовок древесины в стране.

Группа среднересурсных регионов (5, 6 и 7 типы), простираясь от зоны степей и лесостепей до зоны южной тайги, включая горные районы Кавказа, Южного и Среднего Урала и юга Сибири, формирует около 15% запаса лесного ресурса страны и его эксплуатационного фонда. Природно-климатические условия произрастания лесов данных типов обуславливают их высокую продуктивность.

Интенсивность лесопользования в этой группе регионов усиливается при движении на север в южнотаежную зону, имеющую более высокие показатели лесистости и продуктив-

ности. Этот процесс также связан с сокращением площади лесов 1 группы, усилением транспортной и инфраструктурной освоенности территории.

Среди всех типов регионов наиболее благоприятными условиями для эксплуатационной деятельности является 7 тип, субъекты которого отличаются высокой лесистостью (62%) и самой большой долей запасов эксплуатационного фонда в спелых и перестойных лесах (85%), значительным запасом древесины (6,7% эксплуатационного фонда страны) и высокой продуктивностью. Все эти регионы близкорасположены к эпицентру потребления.

На долю только этой группы регионов приходится 20% лесозаготовок страны. Сравнительно невысокая транспортная освоенность территории (особенное восточной части) свидетельствует о возможности интенсификации лесопользования, но лишь с учетом экологических норм в ведении лесного хозяйства.

Дальнейшее промышленное освоение малонарушенных лесов горных территорий и заболоченных пространств южной Сибири, относящихся к регионам 5-го типа, будет ограничено их важным экологическим значением. Необходимо говорить о рациональном сочетании экономической, социальной и экологической функций лесов для населения этих регионов.

Особое значение имеют леса малоресурсной группы (1, 8, 9, 10 типы), большая часть площади которых расположена в разнообразных ландшафтах страны. Незначительные лесные ресурсы этих регионов в масштабах всей страны обуславливают особую роль для самих регионов и, прежде всего, социально-экологическое значение.

Экстремальные природно-климатические условия для произрастания лесной растительности на большей части территории 1 типа (зона лесотундр, пустынь) определили его низкую лесистость и невысокую продуктивность. Низкая эксплуатационная доступность большей части лесов данного типа ограничивает возможности их эксплуатации. Основная значимость лесов этих регионов на перспективу как и на сегодня, - экологическая.

К малоресурсным регионам относятся также малолесные регионы южной половины Европейской территории России, юга Урала и Сибири (8, 9, 10 типы). Высококачественный лесной ресурс данных типов в значительной мере уже освоен благодаря длительной эксплуатации на протяжении XX в.

Интенсивность лесопользования в этих регионах возрастает от зоны степей и лесостепей (8 тип) к зонам смешанных лесов и южной тайги (10 тип). Это связано с увеличением лесистости и ростом доли запасов лесов эксплуатационного фонда в составе спелых и перестойных древостоев за счет уменьшения доли площади лесов 1 группы в структуре лесного фонда. Высокая интенсивность лесопользования в регионах 10 типа свидетельствует о продолжающейся значительной эксплуатации лесного ресурса на территории данной группы. Только переход на интенсивные методы лесопользования сможет уберечь леса этих регионов от истощения.

Особое значение имеют леса малолесных регионов восточной части страны (8 тип). Интенсивность хозяйственного освоения лесов этих густонаселенных районов на протяжении последних столетий привела к резкому снижению лесистости этих территорий. Именно экологическая функция является приоритетной задачей лесного хозяйства с целью со-

хранения устойчивости природного ландшафта в условиях значительных антропогенных нагрузок.

Проведенное исследование лесоресурсного потенциала регионов России и его использование показало, что в ближайшее время в стране должны быть разработаны региональные стратегии перехода к устойчивому развитию лесного хозяйства с целью организации экологически обоснованного, социально приемлемого и экономически эффективного лесопользования на основе устойчивого управления лесами. Главная задача государства в области лесопользования – формирование интенсивного лесного хозяйства на уже освоенных лесных территориях с учетом норм социального и экологического порядка и сохранение девственных малонарушенных лесов слабоосвоенной части страны. Территориальная дифференциация лесного ресурса, его функциональной значимости и условий лесопользования должна лечь в основу региональной лесной политики России.

1. Алексеев В.А., Марков М.В. Статистические данные о лесном фонде и изменение продуктивности лесов во второй половине XX века. — СПб.: МПР, СПбНИИЛХ, 2003.
2. Горев Г.И. Оценка лесорастительной пригодности климата // Лесное хозяйство. — 1968. — № 11.
3. Лесной фонд России (по данным государственного учета лесного фонда по состоянию на 1 января 1998г.) / Справочник. — М.: ВНИИЦлесресурс, 1999.
4. Лесной фонд России (по данным государственного учета лесного фонда по состоянию на 1 января 2003г.) / Справочник. — М.: ВНИИЛМ, 2003.
5. Тишков А.А. Обеспечение устойчивости окружающей среды / Доклад тематической группы ООН по вопросам охраны окружающей среды // www.unrussia.ru.
6. Чуенков В.С. Лесные богатства России // Россия в окружающем мире: 1999 / Аналитический ежегодник. — М., 1999.

ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОГО РЫНКА ЖИЛЬЯ В МОСКВЕ*

Nozdrina N.N.

THE DYNAMIC OF THE MODERN HOUSING MARKET IN MOSCOW

The author of the article analyses the Moscow housing market since the financial and economic crisis of August 1998 till now. Price dynamics, volume and structure of housing offers on the primary and secondary housing markets are examined. The author studies territorial distribution of new houses of different quality in administrative Moscow districts. A special attention has been paid to estimation of price level on the secondary housing market on the territory of the city. The maps show the price situation on the secondary housing market in Moscow regions: before the Crisis (1998, July) and nowadays (2005, June).

Финансово-экономический кризис августа 1998 г. сильно ударил по рынку жилья в России, причем реакция на него в различных городах России была не одинаковой. В городах с долларowymi ценами на жилье (Москва, Санкт-Петербург, другие крупные региональные столицы страны, города-порты, некоторые областные центры вблизи Москвы и ряд других) она была значительно менее резкой, чем в городах с рублевыми ценами. Это связано с тем, что резкое кризисное падение курса рубля по отношению к доллару в 3–4 раза не сопровождалось аналогичным снижением долларовых цен на жилье. В городах же с ценами на жилье, номинированными в рублях, после обвала курса рубля в результате кризиса августа 1998 г., произошло лишь незначительное повышение рублевых цен, что вылилось в их значительно более резкое падение в пересчете на доллар.

Таким образом, кризис резко усилил расслоение городов по стоимости жилья. Если в первой группе городов (долларовая зона) цены на жилье снизились (в долларовом исчислении) на 35–50%, то во второй группе (рублевая зона) – цены в долларовом эквиваленте упали в 2,5–3 раза. Можно сказать, что в этот период на рынке жилья в России функционировало два совершенно различных рынка жилья – долларový и рублевый – каждый по своим законам [1, 2, 3, 4].

К концу 1999 – середине 2000 г. падение цен на рынке жилья в большинстве городов прекратилось, и начался их новый рост. К концу 2002 г. цены на рынках жилья повсеместно вернулись к своему докризисному уровню, а в ряде городов даже превысили его. В 2003 г. они продолжили свой рост, в 2004 г. они продемонстрировали рост в начале года и стабилизацию в его второй половине, с января 2005 г. цены на рынке жилья вновь продолжили свой рост, правда, с небольшим темпом.

Рост цен на рынке жилья в период с 2001 – первую половину 2005 гг. обусловлен прежде всего, общим выходом из кризиса российской экономики и активизацией спроса на жилье. Важным фактором роста цен на жилье, особенно в Москве, аналитики считают рост цен на нефть [5]. Кроме того, серьезным фактором роста цен на первичном рынке новостроек является возрастание себестоимости строительства и комфортабельности жилья.

Уровень цен на вторичном рынке жилья в Москве непосредственно перед кризисом составлял в среднем 975 долл. за кв. м общей площади (докризисный максимум пришелся на середину 1995 г. – порядка 1240 долл.). После кризиса минимум цен был достигнут к лету 2000 г. и составил 650 долл. за кв. м. (падение цен на треть). После этого начался их рост.

В 2000 г. жилье на вторичном рынке подорожало по итогам года всего на 1,5–2%, в 2001 г. –

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05–02–02076 а).

ужена 29%, в 2002 г. – на 17%, в 2003 г. – на 45%, в 2004 г. – на 22%. В 2005 г. рост цен продолжился, но меньшими темпами: 1–2% в месяц.

Рассмотрим, как шла эволюция рынка жилья с момента его зарождения до наших дней. Можно выделить несколько этапов развития рынка жилья в Москве. Рассмотрим их с точки зрения изменения цен на вторичном рынке жилья. Одна из первых подобных периодизаций предложена Г.М. Стерником [6].

1. 1991 г. – год начального становления рынка жилья, связанный с началом развития рыночных отношений в стране и приватизацией жилья. Начинается стремительный (в 2,5 раза за год) рост цен на жилье по сравнению с дорыночным уровнем – «предлиберализационный бум», однако жилье все еще принципиально недооценено, рыночные процессы в жилищной сфере только начинаются, отсутствует инфраструктура рынка и его законодательное оформление.

2. 1992 г. – год быстрого развития рынка, расширения круга операций и используемых финансовых инструментов, вместе со стартом общей либерализации цен, продолжается бурный рост цен на рынке жилья (на 78% за год).

3. 1993–1994 гг. – годы более зрелого развития и совершенствования рынка жилья, активно развивается инфраструктура рынка, высокими темпами продолжается рост цен на жилье (на 57 и 49%, соответственно), укрепляется законодательная база рынка жилья, совершенствуются финансовые инструменты, повышается степень “прозрачности” рынка.

4. С 1995 г. по первую половину августа 1998 г. – годы стабилизации рынка и уровня цен, по основным параметрам рынок Москвы становится аналогичен развитым рынкам, но требуются еще годы для постепенного продвижения его к мировым стандартам по степени доступности для населения, развитию кредитования, законодательной базы, инфраструктуры и т. д. К 1995 г. рынок в Москве вполне сформировался и достиг ценового максимума – порядка 1240 долл. за 1 кв. м общей площади жилья на вторичном рынке в середине 1995 г.; с нарастанием экономических и финансовых трудностей в стране, появляются признаки кризиса рынка жилья, что сопровождается некоторым снижением цен в 1996 и 1997 гг. (на 9 и 14% за год, соответственно) до уровня 975 долл. в июне и 970 долл. в июле 1998 г.

5. Со второй половины августа 1998 г. – по конец первого полугодия 1999 г. – кризисные

явления на рынке жилья и падение цен в связи с последствиями финансового кризиса августа 1998 г. К концу 1998 г. цены на вторичном рынке жилья упали незначительно – всего на 9%. От дальнейшего падения цены удерживала перспектива вступления в действие с 1 января 1999 г. Закона РФ «О государственном контроле соответствия крупных расходов доходам граждан», что из-за желания многих граждан легализовать свои доходы до конца года искусственно подогревало спрос на жилье, а, следовательно, и цены. В первом полугодии 1999 г. падение цен на вторичном рынке продолжилось более высокими темпами. В результате средняя стоимость жилья в Москве составила в июне 1999 г. порядка 690 долл. за 1 кв. м общей площади.

6. Со второго полугодия 1999 г. по второе полугодие 2000 г. затихание кризисных явлений на рынке, но продолжение падения цен, однако значительно более низкими темпами. Во второй половине 1999 г. эта цена чуть выросла, составив в декабре 710 долл. за 1 кв. м общей площади. В начале 2000 г. падение цен на московском вторичном рынке жилья продолжилось. Их после кризисный минимум был достигнут в мае 2000 г. – 650 долл. за 1 кв. м общей площади (670 долл. – в июне 2000 г.). В результате общее кризисное падение цены в Москве составило 48% по сравнению с докризисным максимумом 1995 г. и 33% по сравнению с предкризисным уровнем.

7. Со второго полугодия 2000 г. по второе полугодие 2003 г. преодоление последствий кризиса и начало интенсивного роста цен (на 29 и 16 и 50% за 2001, 2002 и 2003 год, соответственно). С середины 2000 г., вопреки ожидаемому сезонному снижению цен, начался их подъем. В декабре 2000 г. их уровень в среднем составил порядка 720 долл. за 1 кв. м общей площади, то есть вышел на уровень декабря 1999 г. В середине 2002 г. на вторичном рынке жилья Москвы был достигнут докризисный уровень цен 978 долл. за 1 кв. м и продолжился их дальнейший рост. В середине 2003 г. был достигнут предкризисный максимум цен середины 1995 г. (1219 долл. за 1 кв. м) после чего рост цен продолжался до конца года.

8. С первого полугодия 2004 г. – до настоящего времени – начало стабилизации рынка на новом, более высоком уровне с, возможно, более умеренным ростом цен. Как считали тогда аналитики, 2004 г. стал для рынка недвижимости Москвы годом перелома тенденций и

□□□□□□□□ 1

□□□□□□□□ □□ □□□□ □ □□□ □□□□ □□ □ □ □□□□ □ □□□

□□ 1990–2005 □□. [□□: 7–12]

Дата	Средняя цена (долл. за 1 кв. м. общей площади)	Рост/падение за полгода/ год (%)
06.1990	97	–
12.1990	107	+ 10 (за полгода)
12.1991	270	в 2,5 раза
12.1992	480	+ 78
12.1993	752	+ 57
12.1994	1121	+ 49
12.1995	1217	+ 9
12.1996	1105	– 9
12.1997	950	– 14
06.1998	975	+ 3 (за полгода)
12.1998	890	– 9 (за полгода) – 6 (за год)
06.1999	690	– 22,5 (за полгода)
12.1999	710	+ 3 (за полгода) – 20 (за год)
06.2000	670	– 6 (за полгода)
12.2000	720	+ 7,5 (за полгода) + 1,4 (за год)
06.2001	785	+ 9 (за полгода)
12.2001	930	+ 18,5 (за полгода) + 29 (за год)
06.2002	978	+ 5 (за полгода)
12.2002	1081	+ 10,5 (за полгода) + 16 (за год)
06.2003	1219	+ 13 (за полгода)
12.2003	1620	+ 33 (за полгода) + 50 (за год)
06.2004	1945	+ 20 (за полгода)
12.2004	1963	+ 1 (за полгода) + 21 (за год)
06.2005	2082	+ 6 (за полгода)
12.2005	2609	+ 25 (за полгода) + 33 (за год)

перехода от роста цен на жилье и оборотов рынка, продолжавшегося более 3-х лет, к стабилизации. При этом первое полугодие характеризовалось снижением объема продаж квартир на рынке и ростом цен (на 20% за полгода), а второе – восстановлением объема продаж и стабилизацией цен (+ 1% за полгода). В результате средний уровень цены на вторичном рын-

ке жилья в декабре 2004 г. составил порядка 1963 долл., а годовой рост цен + 21%.

Вопреки прогнозам большинства аналитиков, рост цен продолжился и в первом полугодии 2005 г., но уже меньшими темпами, в среднем по 1% в месяц. В июне 2005 г. средняя цена на вторичном рынке жилья составила 2082 долл. за 1 кв. м общей площади, ее рост + 6% за полгода

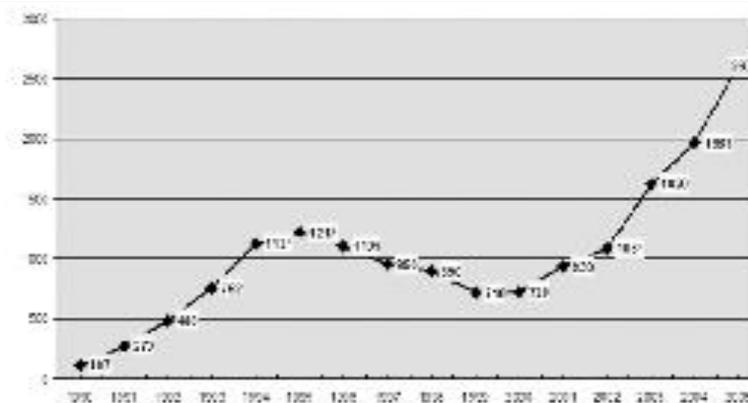

Рис. 1. Средние цены за 1 кв. м жилья в Москве, 1990–2005 гг.

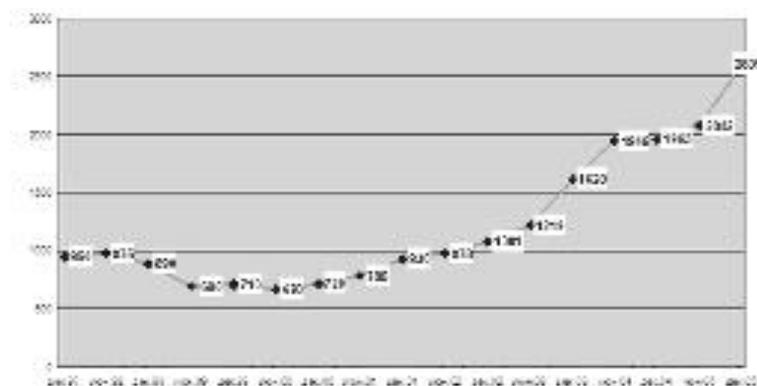

Рис. 2. Средние цены за 1 кв. м жилья в Москве, 1990–2005 гг.

Второе полугодие 2005 г. принесло новый подъем цен – до 2609 долл. за 1 кв. м (+ 33% по итогам года). Весь этот ценовой рост происходил на фоне значительного снижения предложения жилья к продаже.

Динамика цен на вторичном рынке жилья в Москве за весь период существования рынка с 1990 г по настоящее время представлена в таблице 1 и на рисунках 1 и 2.

С некоторыми особенностями, но в основном так же, как и вторичный, ведет себя первичный рынок жилья. Как правило, средние цены на первичном рынке новостроек на 10–20% выше цен вторичного рынка (табл. 2). Это связано, прежде всего, с тем, что на первичном рынке представлено жилье более высокого качества и еще не амортизированное. Кроме того, практически все наиболее дорогое элитное жилье сосредоточено именно на этом рынке.

В сторону снижения цены действует то, что очень часто новостройки расположены в новых, еще необжитых районах города далеко от

центра. Кроме того, как правило, новостройки продаются на стадии готовности «под чистовую отделку», т.е. требуют дополнительных вложений после покупки квартиры для проведения окончательного ее обустройства. Наиболее низкие цены наблюдаются у новостроек массовых серий (панель), особенно если квартира покупается на начальной стадии строительства. Эти цены, в среднем, могут быть ниже цен аналогичных квартир на вторичном рынке жилья минимум на треть.

Следует отметить, что стоимость строительства жилья все эти годы также росла, но всегда была значительно ниже цены на рынке продажи жилья. Так, по состоянию на июнь 2005 г., стоимость строительства 1 кв. м жилья в Москве в среднем составила порядка 700 долл. при средней цене продаж новостроек порядка 2200 долл., т.е. была ниже более чем в 3 раза. Этот разрыв делает строительство жилья в Москве очень выгодным и обеспечивает стройкомплексу получение сверхприбыли, часть которой

Годы	Средняя цена 1 кв. м общей площади, руб. (с учетом деноминации)	Средняя цена 1 кв. м общей площади, долл.	Рост/падение за год рублевых цен, %	Рост/падение за год долларовых цен, %
1994	4500	1364	> 4 раза	> 1,5 раза
1995	6520	1420	+ 45	+ 4
1996	7508	1363	+ 15	– 4
1997	6553	1106	– 13	– 19
1998	11823	650	+ 80	– 41
1999	17547	662	+ 48	+ 2
2000	20134	715	+ 15	+ 8
...
2004	56332	2030
2005	64064	2330	+ 14	+ 15

идет в пользу Московских властей за отведение земельных участков под новое строительство.

Значимые различия поведения обоих типов рынка проявляются, как правило, во время каких-либо экономических «катаклизмов». Особенно сильно проявились они во время кризиса 1998 г. Сразу после кризиса Московское правительство во время обвальной, трех-четырёх кратной девальвации рубля, подняло рублевые цены на новостройки лишь вдвое.

В результате, когда долларова цена на вторичном рынке лишь слегка снизилась (на 5–6%), на первичном рынке она упала в долларовом исчислении на 40% (с 1000–1100 до 600–650 долларов за 1 кв. м). При этом выросли рублевые доходы стройкомплекса Москвы, и рублевые доходы городского бюджета. Но главным результатом такой политики стало возникновение неких ценовых ножниц между первичным и вторичным рынком – первичный стал существенно дешевле. В результате этого произошла переориентация покупателей со вторичного рынка жилья на первичный и, как следствие, повышение объема продаж новостроек и ликвидности нового жилья.

К концу 1999 г. ценовые ножницы между вторичным и первичным рынком Москвы, образовавшиеся в ходе кризиса, начали закрываться, за счет того, что цены на первичном рынке жилья стали расти быстрее, а цены на вторичном рынке – падать быстрее. Они сравнялись к концу 2000 г. на уровне 715–720 долл. за 1 кв. м об-

щей площади. Рынок новостроек полностью использовал окно возможностей, открывшееся после кризиса, и его роль, вместе с ростом строительства все более качественного жилья, за после кризисный период существенно возросла.

Структура предложения новостроек в зависимости от цены квартир и расположения по административным округам в декабре 2000 г. отражена на рисунке 3.

Более половины предлагаемых в конце 2000 г. квартир новостроек в Центре стоили свыше 100 тыс. долл. Напротив, почти 92% предложений квартир в Юго-Восточном АО стоили менее 50 тыс. долл.

На конец 2005 г. уровень цен на первичном рынке жилья составил, по данным агентства МИЭЛЬ, 2330 долл. за 1 кв. м, что несколько ниже уровня цен вторичного рынка (2609 долл.) [10, 11]. Это небольшое отставание связано с тем, что цена строящегося жилья, продаваемого на ранних стадиях строительства ниже цены квартир в уже готовых домах. Напомним, что себестоимость строительства нового жилья в Москве в среднем оценивается на уровне 700 долл. за 1 кв. м. общей площади.

Проиллюстрируем современное состояние типового первичного рынка жилья с помощью следующих графиков (апрель 2005 г.) [16].

По состоянию на апрель 2005 г. в Москве насчитывалось 743 дома-новостройки, находящихся на разных стадиях строительного цикла (проектные работы – 13% домов, подготовка

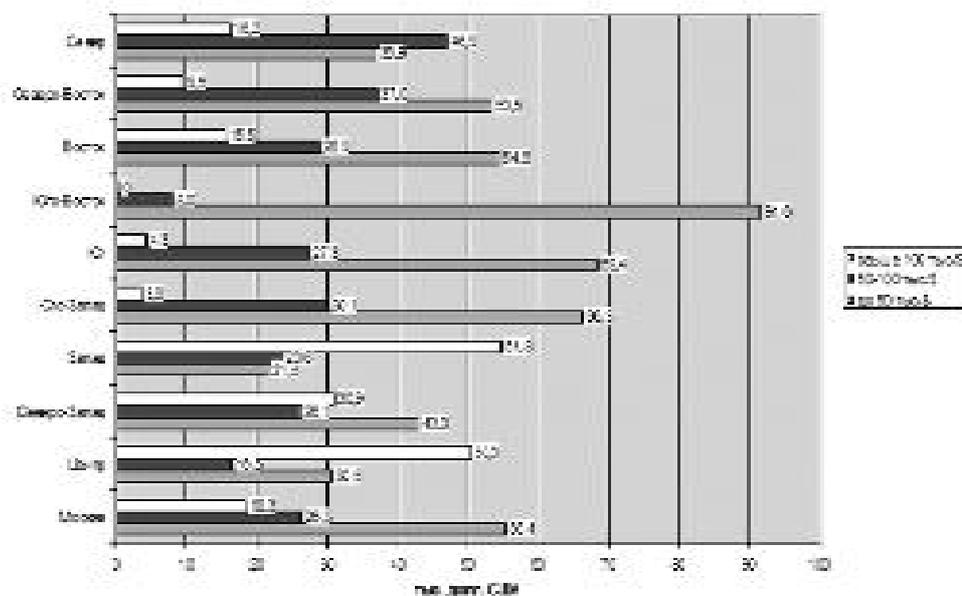

Рис. 3. Распределение типов строительства по административным округам Москвы в 2005 г. [табл. 15]

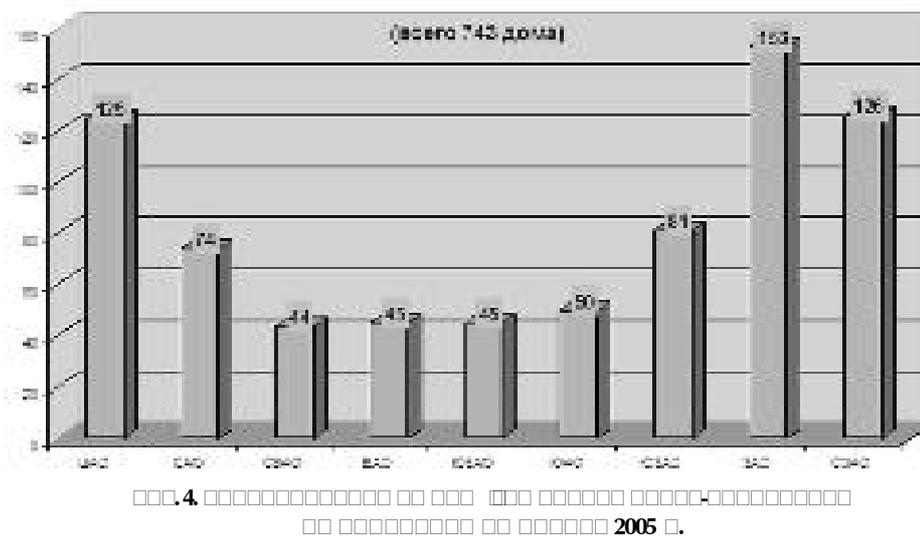

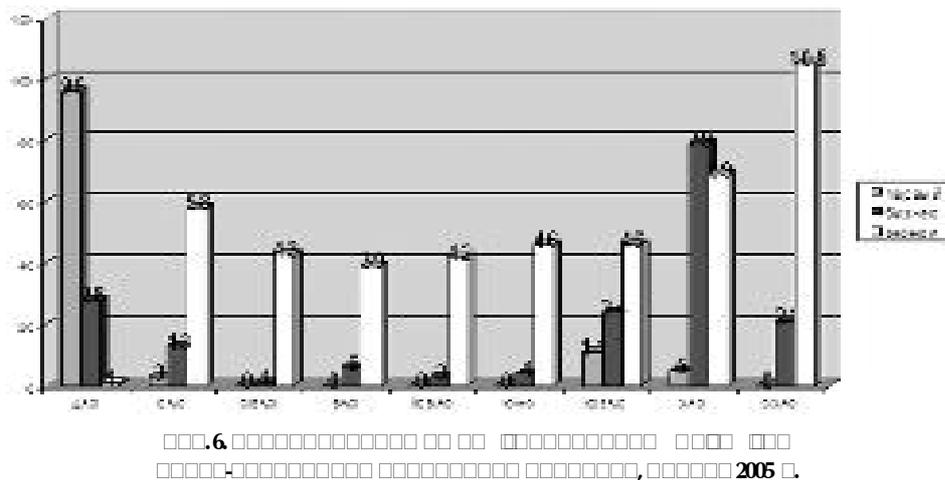
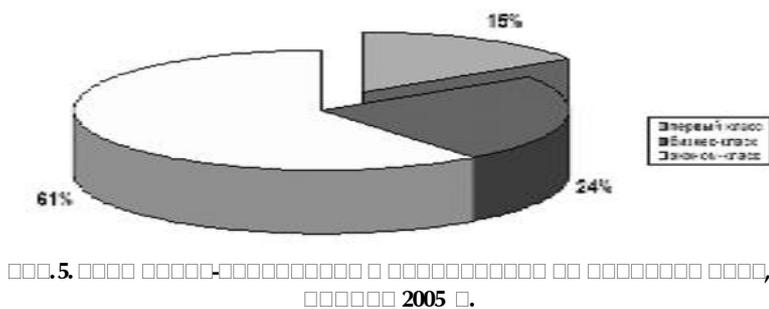
Рис. 4. Распределение домов-новостроек по административным округам Москвы в 2005 г.

площадки – 7%, нулевой цикл, котлован – 10%, общестроительные работы – 17%, разводка коммуникаций – 13%, сдача дома госкомиссии – 39%, дом сдан – 1%). Их распределение по административным округам Москвы представлено на рисунке 4.

Больше всего домов-новостроек пришлось на элитные Западный, Северо-Западный и Центральный АО (153, 126 и 125 домов или 21 и по 17%, соответственно). Еще 81 дом (11%) в Юго-Западном АО. В остальных административных округах города новостроек значительно меньше: 44 дома (6%) в Северо-Восточном АО, по 45 домов – в Восточном и Юго-Восточном АО.

Таким образом, очевидно, что строительным корпусом явное предпочтение отдается тем районам города, где жилье наиболее дорого. Это, прежде всего, видно на примере Центра, где не смотря на его сильную застроенность и самую маленькую, не считая Зеленоградского АО, площадь (всего 66 кв. км против 171 кв. км у Восточного АО) в стадии строительства находилось 125 домов.

Распределение домов-новостроек по качеству также в пользу престижных районов. Если подразделить все новостройки по качеству на три типа: первый класс и, так называемые, бизнес-класс и эконом-класс (рис. 5), то получим

следующую картину распределения домов разного класса по округам (рис. 6).

В апреле 2005 г. в стадии строительства находилось 115 домов первого класса. Из них 96 (84%) возводилось в Центральном АО. Еще 11 домов первого класса строилось в Юго-Западном, 5 в Западном и 3 – в Северном АО. В других районах города домов первого класса на этот период вообще не строилось.

Дома бизнес-класса больше всего представлены в Западном АО (79 домов или 44% от всех домов этого класса). Достаточно много таких домов в Центральном АО (28), а также в Юго-Западном (24) и Северо-Западном АО (21).

Больше всего домов эконом-класса (105) возводилось на этот момент в Северо-Западном АО, что составило 24% всех новостроек этого класса. Значительная их доля пришлась на Западный и Северный АО (69 и 58 домов, соответственно). Напротив в Центре оказалась всего 1 новостройка этого типа.

В большинстве административных округов преобладают новостройки эконом-класса. Исключение составляют Центральный АО, представленный в основном новостройками перво-

го класса, а также Западный АО, где домов бизнес-класса возводилось больше, чем других. Наиболее органично выглядит, на наш взгляд, Юго-Западный АО, где пропорционально представлены все типы домов: 13% домов первого класса, 30% бизнес и 57% эконом-класса.

Наиболее распространенным типом новостроек являются монолитные (или монолитно-кирпичные, т. е. стены имеют монолитный каркас и обложены кирпичом) дома – 73%.

На панельные дома, наиболее распространенные в жилищном фонде, среди новостроек пришлось только 24%. На дома, которые можно отнести к разряду «чисто» кирпичных (т. е. без монолитного каркаса), пришлось всего 3% от общего числа новостроек. Это, главным образом, малоэтажные элитные дома в центре города.

Цены на новостройки в зависимости от материала стен сильно разнятся: от 1406 долл. за 1 кв. м общей площади в панельных домах до 3971 долл. в кирпичных (рис. 7).

Рынок элитного жилья имеет значительные особенности, связанные с тем, что в последние годы на этом рынке спрос существенно превышает предложение. По оценкам экспертов

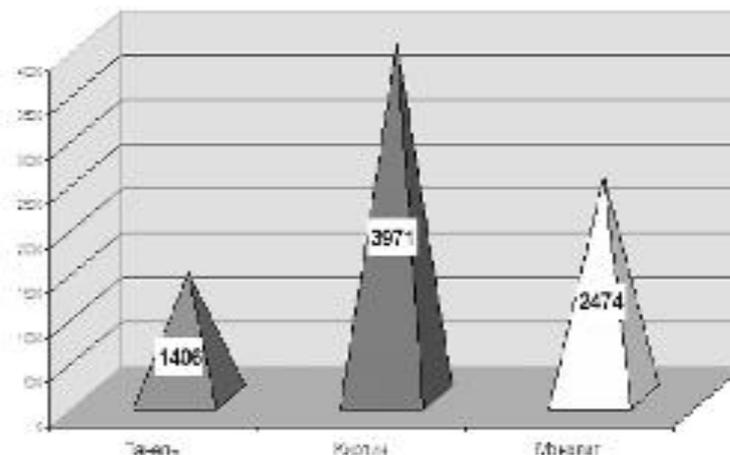

Рис. 7. Количество сделок по продаже элитного жилья в различных районах Москвы в 2005 г.

рынка элитной недвижимости Москвы, спрос на элитное жилье формируется 40–50 тысячами потенциальных клиентов, при этом на рынке предлагается порядка 3,5–4 тыс. элитных квартир. По этой причине цены на элитное жилье растут значительно более высокими темпами. Так, за 2003–2004 гг. они выросли в среднем на 70–100%. При этом за последние годы существенно возросло не только общее число покупателей элитного жилья, но и их платежеспособность. Сегодня минимальный бюджет на покупку элитной квартиры составляет 600–800 тыс. долл. (без учета затрат на ремонт и обстановку), хотя еще 2 года назад для покупки аналогичной квартиры можно было обойтись суммой менее 500 тыс. долл.

По данным риэлторских фирм, цены на элитные квартиры в престижных районах Центра Москвы во второй половине 2004 г. изменялись в следующих диапазонах: на Остоженке–

от 6 до 16 тыс. долл. за 1 кв. м, на Патриарших прудах на Арбате– от 5 до 10 тыс. долл. за 1 кв. м, на Плющихе и в Замоскворечье– от 4 до 9 тыс. долл. за 1 кв. м общей площади.

По подсчетам риэлторов, в первой половине 2004 г. порядка 75–80% покупателей элитных квартир приобретали их для проживания, а 20–25% – в качестве вложения денег в недвижимость, приносящую прибыль до 25% годовых. Еще в 2003 г. таких инвесторов было не более 10% [17]. В 2004 г. был установлен рекорд цен на раннем этапе возведения жилья: часть только еще строящихся квартир в элитном доме «Коперник» (район Якиманка) была продана по 20 тыс. долл. за 1 кв. м общей площади. Средний уровень продаж на первичном рынке элитного жилья в 2004 г. подтянулся к отметке 10–12 тыс. долл. за 1 кв. м, то есть произошло увеличение разрыва в цене между элитным жильем и жильем бизнес-класса.

Рис. 8. Динамика цен на элитное жилье в Москве в 2004 г.

Москва — первый город России, где была создана единая система регистрации и учета сделок по распоряжению жилыми помещениями. Начало регистрации сделок относится к маю 1992 г., когда до конца года было зарегистрировано 18 тыс. сделок купли-продажи жилья. В 1993 г. таких сделок было зарегистрировано уже 55 тыс.

Общее количество сделок купли-продажи, ежегодно заключаемых на вторичном рынке жилья, все годы остается достаточно стабиль-

ным и составляет от более 70 до более 85 тыс. сделок в год.

В послекризисный 1999 г. количество сделок на вторичном рынке жилья практически не уменьшилось по сравнению с предыдущим годом и составило чуть более 76 тысяч сделок купли-продажи против 77,5 тыс. в 1998 г.

Активность вторичного рынка жилья сильно снизилась в 2000 г., когда произошло определенное оттоком спроса с вторичного рынка в пользу более дешевого первичного.

Число зарегистрированных сделок составило тогда по итогам года порядка 64 тыс. – самый низкий уровень продаж с 1994 г. [7]. Далее число регистрируемых сделок на вторичном рынке жилья ежегодно увеличивалось вплоть до 2003 г., когда оно составило 87,5 тыс., в 2004 г. наблюдался спад – до 77,6 тыс. (уровень 2002 г.).

Наибольшее влияние (сдерживающее или, напротив, стимулирующее) на активность участников вторичного рынка оказали такие события, как «черный вторник» 1994 г., президентская предвыборная кампания и общая нестабильность в 1996 г., некоторая стабилизация экономики и введение «валютного коридора» в 1997 г., финансовый кризис в августе 1998 г., выборы в Государственную Думу (сопровождаясь значительным «выбросом» денежной массы на рынок), некоторые законодательные инициативы, типа уже упомянутого закона о контроле над соответствием крупных расходов доходам граждан, банковский мини-кризис лета 2004 г. Кроме того, нельзя не принимать во внимание также взаимное влияние первичного и вторичного рынков.

Сопоставительный анализ динамики активности первичного и вторичного рынка жилья в Москве показывает, что, вторичный рынок жилья оставался в эти годы достаточно стабильным, а первичный рынок весьма динамично развивался. Поэтому активность первичного рынка относительно вторичного значительно возросла, а «вклад» обоих типов рынка все более уравнивается. Доля вторичного рынка в формировании общего объема рынков упала с 88,4% в 1994 г. до 57,1% в 2000 г.

Нетрудно оценить, что, начиная с 1994 г., на вторичном рынке жилья в Москве ежегодно обращалось от 4 до 5 млрд. долл., и оценка оборота растет вместе с ростом цен. По цене, сложившейся на конец 2004 г. (1963 долл.), годовой оборот рынка составил порядка 9 млрд. долл.

Нужно учесть, что в последние годы все большая часть сделок совершается безналичным расчетом, с зачетом стоимости уже имеющегося у покупателя жилья. Часть жилья, пока очень малая (менее 2%), покупается с помощью ипотечных кредитов. Но и в этом случае объем обращающейся здесь валютной наличности весьма велик.

□□□ □□□□□□□□□□ □ □□□□ □□ □□ □□□□□□□□ □ □□□ □□ □ □
□□□□ □□□□ □□□□□□

Для московского рынка жилья характерна сильная дифференциация цен по территории города [18–21].

Анализ рынка жилья на уровне административных округов Москвы является достаточно укрупненным, так как административные округа часто неоднородны по составу и содержат в себе районы разного уровня развития и престижности для населения. Тем не менее, он позволяет отразить основные тенденции территориальной дифференциации города. Кроме того, для административных округов достаточно хорошо представлены статистические данные о социально-экономических и демографических характеристиках, что позволяет проводить сопоставительный анализ. Что показал анализ вторичного рынка жилья для 1998 и 2005 гг. (рис. 8, 9).

Явно прослеживается «западная ориентация» территориальной дифференциации цен. Они наиболее высокие в Центре (много элитного жилья – 2972 долл. за 1 кв. м общей площади жилья), в Западном (2231) и Юго-Западном (1999) административных округах. Наиболее низкие цены на жилье в экологически неблаго-

получных промышленных, Юго-Восточном (1647 долл. за 1 кв. м), Южном (1751) и Восточном (1762 долл.) АО.

При сопоставлении карт хорошо видно, как возросла дифференциация цен. Особенно сильный отрыв по ценам демонстрирует Центральный АО, где в последние годы развивается в основном рынок элитного жилья. Кроме того, сильно «подтянулся» по уровню цен Северный АО (табл. 3).

Более дифференцированный анализ различия цен на вторичном рынке жилья по территории, с учетом не только направления, но и расстояния до центра города в разрезе 24 зон был предпринят Ясуши Тодаи Надеждой Ноздриной на основе данных за январь 2002 г. [22]. На рис. 10 представлена дифференциация цены 1 кв. м общей площади однокомнатных квартир: от 796 долл. для юго-восточной зоны города, на расстоянии от 9,8 до 14,7 км от центра до 1390 долл. для западной зоны в пределах 4,9 км от центра.

Анализ рынка жилья с использованием более мелкой районной сетки города представляется нам весьма плодотворным, поскольку может иметь важное прикладное значение [23].

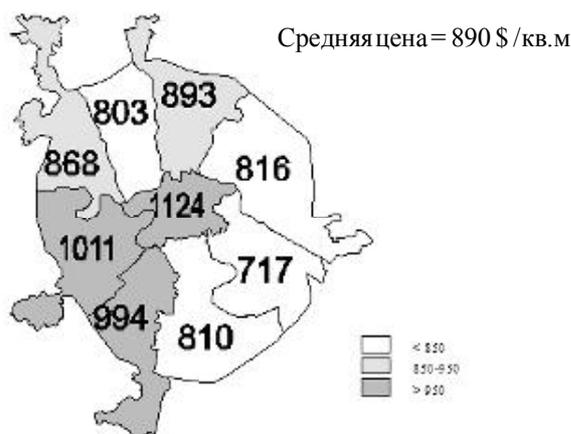

Рис. 8. Средняя цена за кв.м в районах Москвы, 1998 (\$ / кв.м)

Рис. 9. Средняя цена за кв.м в районах Москвы, 2005 (\$ / кв.м)

Район – достаточно органичное территориальное образование, субъект местного самоуправления в Москве с собственным фондом финансовых ресурсов (по сути, местным бюджетом). Кроме того, на уровне районов также ведется текущий учет важнейших статистических показателей, хотя и более слабый (территория, численность и плотность населения, объем жилого фонда и некоторых других), что предоставляет определенную базу для сопоставительного анализа.

Анализ цен вторичного рынка жилья, проведенный в разрезе 125 районов города (в Центральном округе 10 районов, Северном – 16, Северо-Восточном – 17, Восточном – 16, Юго-Восточном – 12, Южном – 16, Юго-Западном – 12, Западном – 13, Северо-Западном – 8, Зеле-

ноградском – 5), позволяет детально проследить внутригородскую дифференциацию территории по уровню цен.

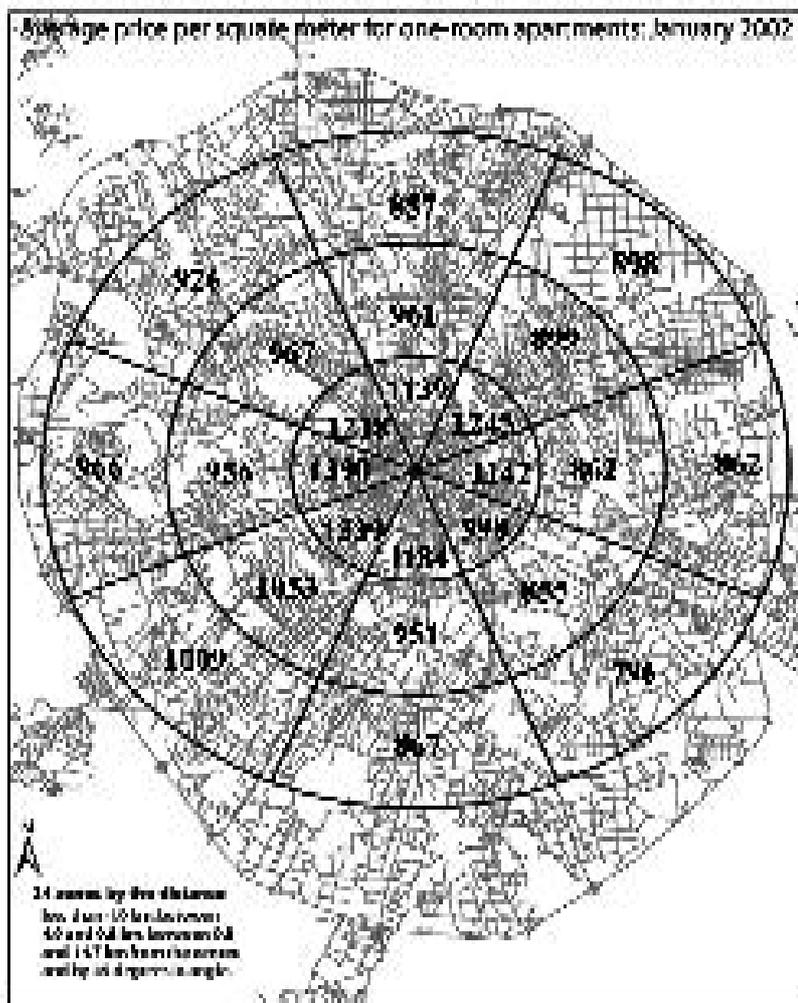
Рост контрастов в расселении – это одна из характерных черт современных мировых столиц, в число которых входит и Москва. Рынок жилья послужил тем пусковым механизмом, который дал старт ускоренному развитию социальной стратификации населения в Москве. Происходит постепенное, но неуклонное разграничение территории города на зоны по принципу степени социально-экономического благополучия ее жителей.

На смену достаточно однородному расселению населения в социалистическую эпоху приходят процессы территориальной диверсификации и стратификации населения, деление

□□□□□□□ 3

□□□□ □□ □□□□□□□□ □□□□ □□ □□□□ □□□□□□□□ □□□□□□ □□□□□□

	Декабрь 1995		Декабрь 1998		Декабрь 1999		Июнь 2005	
	Средняя цена	% от средней						
Центр	1450	119,1	1124	126,4	859	130,9	2972	142,7
Северо-Запад	1162	95,5	868	97,6	641	97,7	1819	87,4
Запад	1388	114,1	1011	113,7	751	114,5	2231	107,2
Ю-Запад	1284	105,5	994	111,8	723	110,2	1999	96,0
Юг	1043	85,7	810	91,1	543	82,8	1751	84,1
Юго-Восток	887	72,9	717	80,7	497	75,8	1647	79,1
Восток	1004	82,5	816	91,8	563	85,8	1762	84,6
Северо-Восток	1098	90,2	893	100,4	639	97,4	1840	88,4
Север	1057	86,9	803	90,3	556	84,8	1982	95,2
Средняя по Москве	1217	100,0	889	100,0	656	100,0	2082	100,0

□□□. 10. □□□ □□□□□□□□ □□□□ 1 □□. □
 □□□□ □□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□ □□: 22

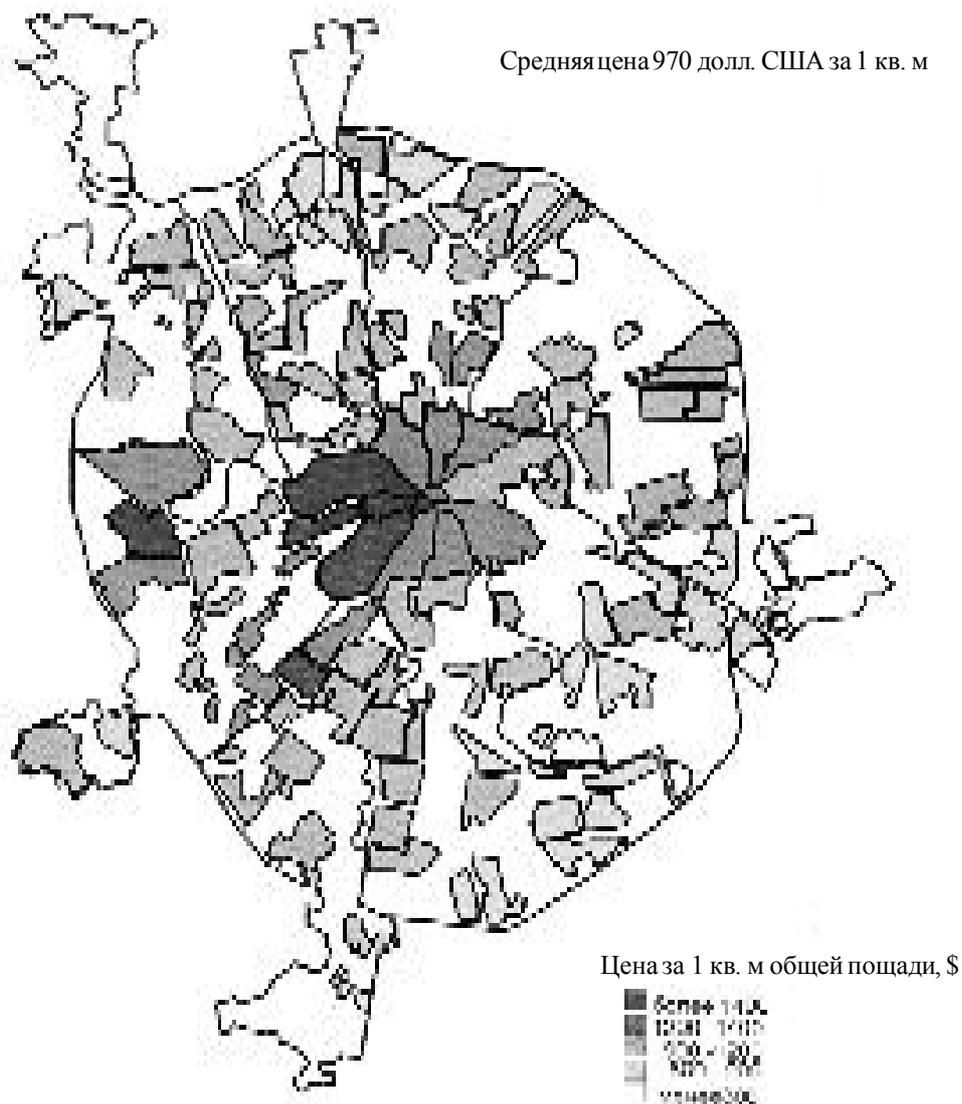

рис. 10. Средняя цена за 1 кв. м общей площади в районах Москвы в 1998 г.

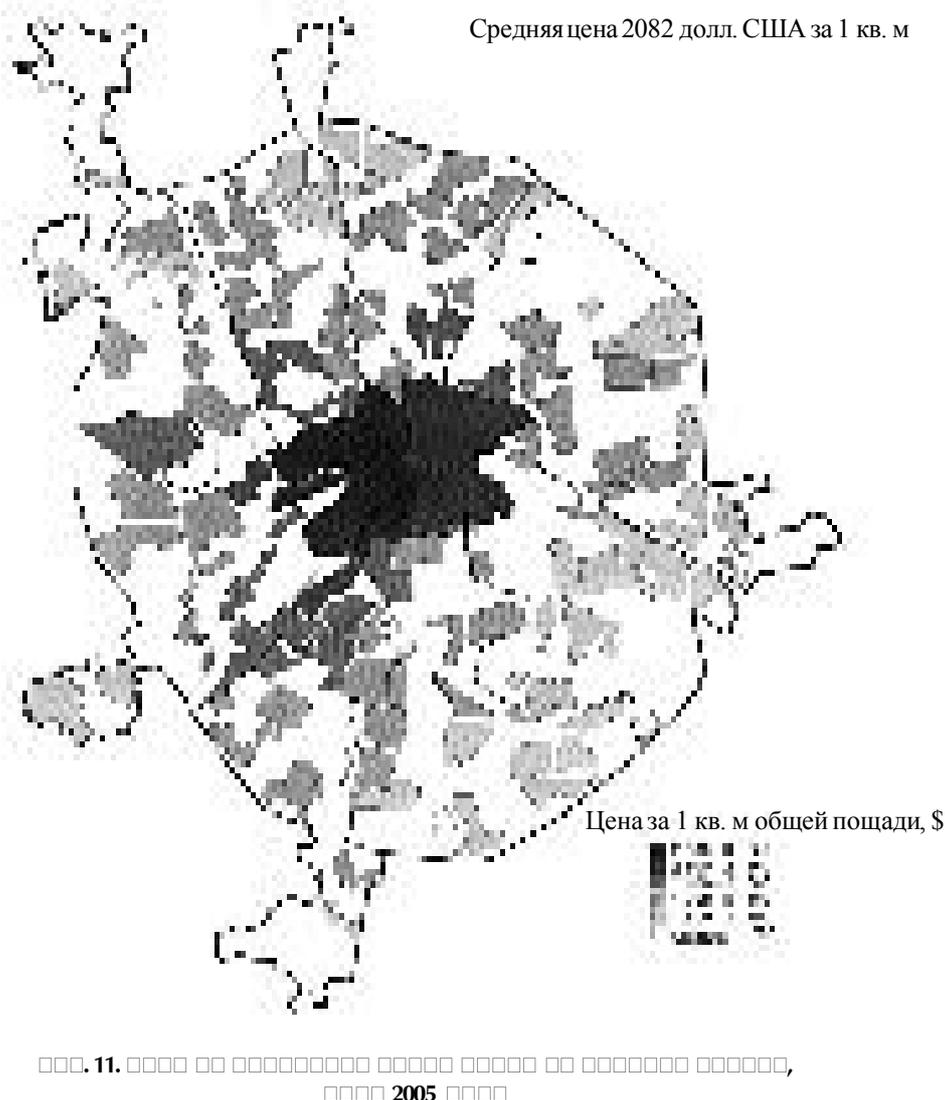
территории городов на богатые и бедные кварталы. Формируются элитные районы с преобладанием престижной и очень дорогостоящей застройки. В то же время некоторые районы становятся все более не престижными, обладающими низкой привлекательностью для населения.

С помощью данных, рассчитанных на основе порядка 20 тыс. заявок на продажу жилья по районам Москвы, приведенных аналитиком рынка недвижимости А.А. Бекетовым на его Интернет-сайте «apn.ru», мы построили карты ценовых зон по районам Москвы по состоянию на июль 1998 г. (канун кризиса) и июнь 2005 г. (рис. 11, 12). Анализ проведен без учета

Зеленоградского АО, а также пос. Северный, Восточный, Некрасовка, Внуково и Толстопальцево, находящихся за пределами города, но входящих в его состав.

По картам видно, что дифференциация районов города по уровню цен растет.

Проанализируем, как складывалась ценовая картина по районам Москвы в июне 2005 г. При анализе выделим шесть типов ценовых зон – с максимальным (более 2800 долларов за 1 кв. м общей площади), выше среднего городского (от 2500 до 2800) – 1, выше среднего городского (от 2100 до 2500) – 2 среднего городского (от 1700 до 2100), ниже среднего городского (от 1500 до 1700)

и минимальным (менее 1500 долларов) уровнем цен. При этом средневзвешенная цена для всех типов квартир составила в июне 2005 г. 2082 долл. за 1 кв. м общей площади (еще раз напомним, что мы имеем дело с ценами предложения, взятыми из профессиональных листингов риэлторских фирм).

Оговоримся, что выбранные границы ценовых зон условны, можно было бы использовать и другие, но эта замена изменит картину в деталях, но не по существу.

Большая часть жилой зоны с максимальным уровнем цен (всего в нее вошло 6 районов) находится в Центре города: Арбат (3756 долл. за 1

кв. м общей площади квартир – максимум средней цены), Хамовники (3482), Якиманка (3479), Тверской (3229), Пресненский (2838). Кроме этих пяти районов Центра сюда вошел также 1 район из престижного Западного Административного Округа: Дорогомиловский, расположенный в начале традиционно престижного Кутузовского проспекта, – «президентской» трассы, имеющей западное направление.

Вторую ценовую зону с уровнем цен от 2500 до 2800 долл. составили 8 дорогих районов города. Прежде всего, в нее вошли 6 оставшихся районов Центрального АО: Мещанский, Басманный, Замоскворечье, Таганский,

Красносельский и Китай-Город. Кроме того, здесь еще 2 района (из Западного АО – Филевский парк и из Юго-Западного АО – Гагаринский), расположенные недалеко от Центра по ходу престижных трасс – Кутузовского и Ленинского проспектов. Таким образом, на карте города хорошо прослеживаются два луча с повышенным уровнем цен на квартиры, составляемые Кутузовскими и Ленинским проспектами. Особенностью этой зоны, простирающейся от центра города примерно на 10–12 км, является ориентация ее в западном и юго-западном направлении.

Третью ценовую зону, также с уровнем цен выше среднегогородского уровня – от 2100 до 2500 долл. составили 16 достаточно престижных и дорогих районов города. Значительную группу этой ценовой зоны образуют районы Западного АО (Раменки, Проспект Вернадского, Тропарево-Никулино, Крылатское) и Юго-Западного АО (Ломоносовский, Обручевский, Академический, Черемушки), находящиеся от центра Москвы несколько дальше, чем те районы, что вошли в более высокие ценовые группы. Со стороны Запада и Юго-запада удаленность от центра этих районов составляет около 15 км, а район Крылатское достигает границ МКАД.

Другую большую группу этой ценовой зоны составляют районы Северного АО, расположенные по линии Ленинградского проспекта недалеко от центра (Сокол, Беговой, Аэропорт, Хорошевский). Здесь также близкие к Центру районы из других административных округов – Алексеевский и Останкинский из Северо-Восточного АО, Сокольники из Восточного, Донской из Южного АО.

Значительная часть всех районов (51) попали в зону с среднегогородским уровнем цен – от 1700 до 2100 долл. за 1 кв. м. Это оставшиеся районы Юго-Запада, Запада, Севера (кроме наиболее удаленных), а также ряд районов Северо-Запада, Северо-Востока, Востока и Юга. В наименее престижном Юго-Восточном АО всего 3 района из ценовой зоны со среднегогородским уровнем цен (старомосковский район Лефортово, Южнопортовый и Нижегородский). Остальные районы имеют цены ниже среднегогородского и минимального уровня. Напротив, в престижных Западном и Юго-За-

падном АО в пределах МКАД нет районов с уровнем цен ниже среднегогородского уровня, и всего 1 такой район в Северо-Западном АО – Южное Тушино.

Ценовая зона с ценами ниже среднегогородских (от 1500 до 1700 долл.) занимает периферийные части Москвы. В нее вошли 34 района. В пределах МКАД наиболее сильно она выражена на юго-востоке, юге и востоке Москвы. Здесь она максимально близко подходит к центру города. Значительное число таких районов также на периферии Северного и Северо-Восточного АО. Кроме того, в зону с ценами ниже среднегогородского уровня входит также подавляющее большинство районов, расположенных за пределами МКАД.

Группа районов с минимальным уровнем цен (ниже 1500 долл. США) вошло всего 3 района города. Она включает в себя самые окраинные и мало привлекательные, как правило, экологически крайне неблагоприятные районы города: Бирюлево Западное из Южного АО, Косино-Ухтомский из Восточного АО и Капотня из Юго-Восточного с минимумом цен в Москве – 1280 долл. за 1 кв. м общей площади жилья.

Скорее всего, роль экологического фактора при выборе места жительства и покупке жилья будет возрастать и далее. Важную роль играет также расстояние до центра.

Ценовая иерархия районов города носит достаточно устойчивый характер, хотя постепенно происходит нарастание контрастов, как между центром и периферией, так и между западными и юго-западными, с одной стороны, и восточными и юго-восточными секторами города, с другой. Причем различия между секторами оказываются не менее существенными, чем между центром и периферией. Одновременно с этим происходят сглаживающие процессы – в результате обменов, расселения коммуналок, точечного коммерческого строительства, а также в ходе реконструкции отдельных кварталов пятиэтажной застройки. Все это позволяет утверждать, что процесс пространственной стратификации городского пространства Москвы еще не завершен, хотя она уже далеко ушла от социалистической модели равномерного расселения. Рыночные цены на жилье являются зеркалом всех этих процессов.

1. Ноздрин Н.Н., Стерник Г. М.. Рынок жилья в городах России до и после августовского кризиса 1998 г. // Проблемы прогнозирования. – 2000. – №1.

2. Стерник Г.М. Москва и регионы: три России – три рынка недвижимости // Москва на фоне России и мира: проблемы и противоречия отношений столицы в контексте рыночной трансформации. – М.: Эпикон, 1999.
 3. Ноздрина Н.Н., Стерник Г.М. Рынки жилья и миграция в городах России. Рабочие материалы Московского Центра Карнеги. – 1999. – № 6.
 4. Ноздрина Н.Н. Формирование и развитие рынка жилья в городах России: 1990-1999 гг. // VI Всемирный Конгресс Центрально- и Восточно-Европейских исследований. Тампере, Финляндия. – Август 2000.
 5. Стерник Г.М. Прогноз ситуации на рынке недвижимости Москвы до 2005 г. // VI Национальный Конгресс по недвижимости. Москва. – июнь 2003 г.
 6. Стерник Г.М. Рынок недвижимости России: закономерности становления и развития в условиях переходной экономики // Вопросы оценки. – 1999. – №3.
 7. Ноздрина Н.Н., Стерник Г.М. Десять лет рынку недвижимости в Москве: новейшая история в цифрах // Социальные аспекты жилищной политики. Ч. 2. Программа Развития ООН и Правительства Москвы. – М.: Центр «Социальное партнерство», 2001.
 8. Ноздрина Н.Н. Рынок недвижимости Москвы и его инвестиционный потенциал накануне финансово-экономического кризиса // Москва на фоне России и мира: проблемы и противоречия отношений столицы в контексте рыночной трансформации. – М.: Эпикон, 1999.
 9. Ноздрина Н.Н. Развитие рынка недвижимости в Москве // Проблемы прогнозирования. – 1999. – № 4.
 10. Сайт в Интернет Г.М. Стерника "Realtymarket.ru"
 11. Сайт в Интернет А.А. Бекетова "ARN.ru"
 12. Сайт в Интернет "IRN.ru"
 13. Ежемесячный Бюллетень по недвижимости "RWAY"
 14. Еженедельная газета "M2=Квадратный метр"
 15. Ноздрина Н.Н., Сапожников А.Ю., Стерник Г.М.. Рынок жилья Москвы: новые тенденции и территориальная дифференциация // Мат-лы работы Научного семинара «Российский рынок недвижимости» под руководством академика РАН В.М. Полтеровича. – М.: ЦЭМИ, 2001–2002.
 16. Журнал о новостройках – M2_МЕДИА (ежемесячное приложение к еженедельной газете M2=Квадратный метр), апрель–май 2005 г.
 17. Бюллетень по недвижимости «RWAY», №117, декабрь 2004 г.
 18. Маддала Г.С., Ноздрина Н.Н., Toda Я. Анализ аукционных цен на квартиры в Москве (Опыт моделирования) // Вопросы экономики. – 1993. – №7.
 19. Maddala G.S., Toda Y., Nozdrina N. The Auction Price of Apartments in Moscow: Hedonic Estimation in Disequilibrium // Economics of Planning. – 1998. – Vol. 31. – № 1.
 20. Maddala G.S., Toda Y., Nozdrina N. Privatization in Russia: some micro-evidence based on housing markets // International Journal of Social Economics. – 1998. – Vol. 25. – №№ 2, 3, 4.
 21. Toda Y., Nadezhda N., Quan J. The Housing Market in a Post-Communist Economy: An Analysis of the Apartment Prices in Moscow Based on the Micro Data in 2000–2001 // Housing Cultures. Convergence and Diversity. Abstracts and Papers, International Research Conference of the European Network for Housing Research (ENHR). – Vienna, Austria, 2002. – CD.
 22. Toda Y., Nozdrina N. The Spatial Distribution of the Apartment Prices in Moscow in 2002: Hedonic Estimation from Micro Data // Paper for the Annual Conference of the European Network for Housing Research (ENHR). – United Kingdom: The University of Cambridge. – July 2–6, 2004.
 23. Махрова А.Г., Ноздрина Н.Н. Внутригородские различия на рынке жилья в Москве как проявление расслоения населения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 5. География – 2002. – № 3.
-

ХРОНИКА

Третье совещание-семинар заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России и заседание Секции Экономической и социальной географии Учебно-Методического Совета по географии УМО по классическому университетскому образованию

1–4 февраля 2006 г. в Санкт-Петербурге на базе факультета географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета состоялось третье совещание-семинар заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России и стран СНГ, а также очередное заседание Секции экономической и социальной географии Учебно-методического совета по географии УМО по классическому университетскому образованию. В рамках программы совещания на базе Русского географического общества состоялась также расширенное заседание Совета по территориальной организации общества и региональному развитию при Президиуме РГО.

В работе совещания и секции приняли участие более 60 экономико-географов из 31 университета России, академических институтов РАН, гости из университетов Белоруссии и Казахстана.

Совещание заведующих кафедрами открылось 1 февраля 2006 г. в парадной аудитории Санкт-Петербургского университета – Петровском зале, что подчеркнуло особую значимость проводимого мероприятия. С приветственным словом к собравшимся обратились проректор СПбГУ по учебной работе И.А. Дементьев, директор Центра развития образования и инноваций СПбГУ В.Б. Касевич и декан факультета географии и геоэкологии СПбГУ В.В. Дмитриев.

Характер заседания был содержательным и конструктивным что позволило наметить реальные планы на ближайшую и среднесрочную перспективы.

В ходе совещания были обсуждены проблемы университетского экономико-геогра-

фического образования, в том числе возникающие в связи с переходом на новые принципы и государственный образовательный стандарт третьего поколения по направлению «География» (докладчик – председатель секции В.Е. Шувалов).

Программа совещания была чрезвычайно насыщенной. С обобщением опыта подготовки географов на общественно-географических кафедрах СПбГУ выступил А.А. Анохин. Большое внимание на совещании было уделено только специализациям в рамках специальности «География» – «Региональная политика» (Н.В. Каледин) и «Страноведение и международный туризм» (Д.В. Севастьянов), но и подготовка специалистов по общественно-географическим дисциплинам на географических факультетах в педагогических вузах (В.Л. Мартынов), по направлению «Регионоведение» в экономических вузах (Э.Л. Файбусович), а также в системе подготовки государственных служащих (М.Ю. Елсуков).

Проблеме дальнейшего развития образования в рамках туристских специализаций и об их обеспечении учебными пособиями был посвящен доклад Л.Ю. Мажар.

Обзор учебников по экономической социальной и политической географии и смежных направлений для вузов сделали А.И. Алексеев и А.А. Агирречу.

С.Р. Ермавлетов и М.А. Галимов в своих выступлениях поделились опытом перехода университетов Казахстана на новую систему университетского образования по специальности «География».

Общим проблемам и перспективам развития общественной географии был посвящен доклад А.И. Чистобаева

В.В. Чепарухин и А.П. Дмитриев сделали совместное сообщение об основателе первой в России кафедры экономической географии профессоре В.Э. Дене.

На заседании было сделано несколько интересных презентаций: журнала «Региональные исследования» (А.П. Катровский), газеты «География» (С.В. Рогачев), научной и учебно-методической литературы по социально-экономической географии, подготовленной на экономико-географических кафедрах МГУ (А.А. Агирречу).

В рамках заседания секции было проведено обсуждение всех авторских программ по социально-экономической географии федерального компонента действующего Госстандарта по специальности «География», а также концептуальные основы содержания новых учебных курсов по экономической, социальной и политической географии федерального компонента Госстандарта третьего поколения по направлению «География».

Опыт преподавания экономики и социально-географических курсов регионального компонента в Пермском университете было посвящено выступление Т.В. Субботиной

С сообщением о преподавании курса по социально-экономической географии стран СНГ и Балтии выступила М.П. Ратанова.

В рамках программы совещания 3 февраля в здании Русского Географического Общества состоялось расширенное заседание Совета по территориальной организации об-

щества и региональному развитию при Президиуме РГО.

С большим интересом были заслушаны доклады и сообщения П.Я. Бакланова «Территориальные структуры в современном региональном управлении», Н.В. Зубаревич «Современное социально-экономическое развитие регионов России: объективные и субъективные факторы», А.И. Чистобаева «Федеральные округа в системе региональной политики России», В.М. Разумовского «Эколого-экономические основы территориальной организации общества», В.А. Колосова «Крупнейшие города России: потенциал межрегионального влияния», Ю.Н. Баженова «Особые экономические зоны в региональной политике России», Р.Г. Сафиуллина «Эффективность регионального развития: методы и критерии оценки», Н.М. Сысоевой «Современные процессы территориального развития в районах нового освоения Сибири», Е.А. Грицаню «Региональное развитие и внешняя торговля России».

4 февраля для участников совещания была организовано выездное заседание и экскурсия в Великий Новгород

По итогам совещания и секции была принята резолюция.

Все участники выразили большую благодарность Санкт-Петербургскому государственному университету факультету географии и геоэкологии, всем членам оргкомитета и секретариата за прекрасную подготовку проведение совещания и заседания секции.

*В.Е. Шувалов,
Г.И. Гладкевич,
Л.Ю. Мажар*

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

*Сердечно
поздравляем
Николая
Сергеевича
КАСИМОВА
с 60-летием!*

16 мая 2006 г. исполняется 60 лет члену редакционного совета журнала «Региональные исследования», декану географического факультета МГУ, члену-корреспонденту РАН профессору Николаю Сергеевичу КАСИМОВУ.

Н.С. Касимов – широко известный в России и за рубежом ученый в области геохимии ландшафтов и геохимии окружающей среды. Обширный цикл работ Н.С. Касимова посвящен ключевым проблемам разработки теоретических и методических основ геохимических поисков полезных ископаемых, развитию теории геохимических барьеров, геохимии и палеогеохимии рудных провинций, биогеохимии

В последние годы Н.С. Касимов плодотворно развивает исследования в области геохимии окружающей среды, эколого-геохимической оценки состояния городов, создания геоинформационных систем городов и регионов, разрабатывает теорию геохимии городского ландшафта, изложенные в книгах «Географическое прогнозирование и охрана природы» (1990), «Экогеохимия городских ландшафтов» (1995). Под руководством Н.С. Касимова создан фун-

даментальный Экологический атлас России (2001), который удостоен Премии Правительства РФ в области науки и техники (2004), проводятся уникальные эколого-геохимические исследования по оценке воздействия космических ракет на окружающую среду, в том числе на комплексе Байконур

Особое место в научной деятельности Н.С. Касимова – региональные эколого-географические исследования. Под его руководством проведены фундаментальные исследования по изучению влияния колебаний уровня Каспийского моря на прибрежные регионы. Николай Сергеевич руководит рядом международных проектов по созданию геоинформационных систем биосферных заповедников России, изучению геохимических изменений прибрежных почв и донных отложений в результате подъема уровня Каспийского моря (программы Европейского Союза INTAS и научных фондов Нидерландов и Бельгии, а также российских – РФФИ, Интеграция и др.).

Он является главным редактором и автором созданной им серии «Геоэкология Прикаспия»,

вышедшей в 5 выпусках («Биогеохимия макрофитов дельты Волги», 1998; «ГИС Астраханского заповедника Геохимия ландшафтов дельты Волги», 1999 и др.). За цикл работ по геохимии природных и техногенных ландшафтов Николаю Сергеевичу присуждена Ломоносовская премия МГУ I степени (2000). К 250-летию МГУ под его редакцией вышла не имеющая аналогов 7-томная серия трудов ученых географического факультета МГУ «География, общество, окружающая среда» (2004). В 2000 г. Николай Сергеевич был избран членом-корреспондентом РАН по Отделению наук о Земле.

Н.С. Касимов внес значительный вклад в развитие высшего географического образования в стране. Под его руководством в классических университетах России была создана система высшего экологического образования, за что он в 2000 г. был удостоен Премии Правительства РФ в области образования.

Н.С. Касимов ведет огромную научно-организационную и учебно-методическую работу: вице-президент Русского географического общества, главный редактор журнала «Вестник Московского университета. Серия 5. География», член редколлегий журналов «Известия РАН. Серия географическая», «Известия Русского Географического общества», «Экология и жизнь», «География в школе», Новой Российской энциклопедии «Regional Environmental Change» (ФРГ), «Meridiano» (Аргентина), Journal of Geography in Higher Education (Великобритания). Николай Сергеевич председатель Учебно-методических советов по географии и по образованию в области экологии и устойчивого развития УМО классических университетов. Он – член президиумов РАЕН и Россий-

ской экологической академии, Научно-методического совета по экологии Министерства образования РФ, Специализированного совета по физической географии и геоэкологии при МГУ, заместитель председателя Национального комитета российских географов. Николай Сергеевич входит в состав Ученого совета МГУ, Совета по фундаментальным географическим проблемам РАН, Объединенного научного совета РАН по проблемам геоинформатики при Президиуме РАН, член Международного общества почвоведов и др.

Николай Сергеевич – автор около 200 научных работ, в том числе 8 монографий и учебных пособий. Он многократно выступал с докладами на международных географических конференциях и конгрессах. В последнее время в качестве представителя России он участвует в создании Европейской стратегии образования для устойчивого развития, много сил отдает становлению этого вида образования в университетах страны.

Николай Сергеевич является Почетным работником высшей школы, награжден Орденом Дружбы и медалью «В память 850-летия Москвы».

Николай Сергеевич возглавляет географический факультет уже более 15 лет. Под его руководством в этот сложный период истории страны факультет с успехом преодолевал многие трудности, развивался и укреплял свои позиции.

Редакционный совет и редакционная коллегия журнала «Региональные исследования» сердечно поздравляют Вас, Николай Сергеевич, со знаменательным юбилеем, желают Вам новых достижений в многогранной деятельности, здоровья и счастья, долгих лет активной работы на благо отечественной географии.

Коллеги

